



СИМБИРСКИЙ Литературный журнал

12+

№4 (82)
АПРЕЛЬ

2020

С 20 по 30 апреля 2020 г.
Почта России объявляет
декаду подписки
на 2-е полугодие 2020 г.
В период самоизоляции
лучше оформить
онлайн-подписку.
Цена подписки:
1 мес. – 120,26 руб.
6 мес. – 360,78 руб.
Индекс ПА041



«Симбирская пристань».
Презентация сборника
ульяновских писателей

стр. 4



Турнир молодых прозаиков.
К 160-летию А.П. Чехова

стр. 7



К 75-летию Победы.
Поэтами их сделала война.
(О поэтах-фронтовиках
М. Небыкове и С. Осипове)

стр. 19



Выставка в Музее
изобразительного искусства
XX – XXI вв.
«От сердца к сердцу нить»

стр. 49



СИМБИРСКЪ

12+

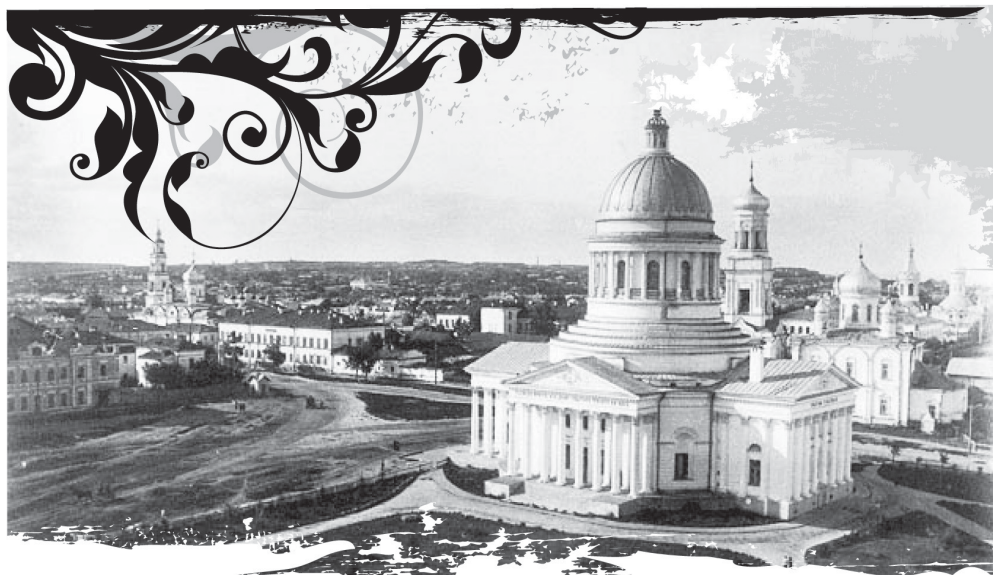
№4 (82)

АПРЕЛЬ

2020



Литературно-художественный
и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»



*Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.*

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256



Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман



Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 10.04.2020 г.

Дата выхода 17.04.2020 г.

Тираж 700 экз. Заказ №451-К

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный,
д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297,
www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №4 (82), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.

На обложке: работы Ирины Гершевицкой: Дождь. 2009,
Две птицы в саду. 2012

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал

«СИМБИРСКЪ» №4 (82), апрель 2020

Содержание

Нам нужна одна Победа. Слово редактора	3
Волжская пристань Александр Лайков. Презентация сборника ульяновских писателей «Симбирская пристань»	4
Литературное наследие Вера Долматова. Победители награждены, побежденных нет. Турнир молодых прозаиков, к 160-летию А.П. Чехова	7-9
Рассказы участников турнира. Ярослав Архипов. Манна небесная.	10
Наталья Бокадорова. Птицелов, душа и пересмешник	10-11
Никита Прядильников. Пирожок.....	11-12
Виктория Шейко. Неизвестный памятник.....	12-13
Перекресток Сергей Гогин. Чехов о любви	14-15
Дороги памяти военной Алексей Жданов. Дорогие мои старики	16-18
Людмила Буйлина. Поэтами их сделала война (о поэтах-фронтовиках М. Небыкове и С. Осипове).....	19-23
Во мне течет героев кровь. Стихи членов Союза профессиональных писателей Чувашии	24-28
Не заживает память о войне. Стихи	29-30
Черемшан Литературные встречи в Поэтическом городе	31-32
Евгений Ларин. На огненной черте. Стихи	33-38
Молодые голоса Иван Волосюк. И ты поймёшь, что звёзды говорят. Стихи	39-40
Олисава Тугова. Буковки. Винтовка и книга. Рассказы	41-42
Свободные стихи Вера Липатова. Роман о Вере	44-48
Под сенью дружных муз Елена Сергеева. От сердца к сердцу нить.....	49-52
Наталья Калагина. Стихи	53-55
Выставка в музее	56
Цветная вкладка Диалог с палитрой Картины Ирины Гершевицкой.....	57-61
Фотовзгляд Натальи Калагиной	62-64
Страна поэзия Владимир Скиф. Былое нынче, как преданье.....	65-68
Нина Орлова (Маркграф). На родине души моей. Стихи.....	69-71
Дорога к храму Иеромонах Пантелеимон (Кравец). Царю Небесный. Что ти есть имя, брате? Рассказы.....	72-79
Ольга Шейпак. Трудный путь к Пасхе	80
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО.....	81-82
Юбилейный календарь	83-96

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

Оформить
досрочную подписку на 2020 год
(подписной индекс: ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или смартфона по QR-коду:

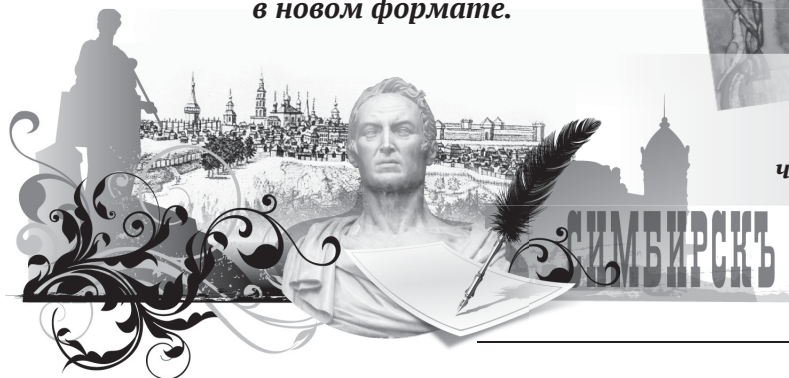


Дорогие друзья!

**Со второго полугодия 2020 года
журнал «Симбирскъ»
будет выходить
в новом формате.**



**Вы можете получать «толстый»,
сдвоенный номер один раз в два месяца.
Обращаем ваше внимание на то,
что подписка на полугодие стала дешевле!**



**Благодарим всех
наших читателей и подписчиков.
Мы работаем для вас!**

НАМ НУЖНА ОДНА ПОБЕДА

В новом выпуске журнала представлены авторы нашего края, а также поэты и прозаики из Москвы, Иркутска, Донецка, Рыбинска, Чувашской Республики, из Мордовии. В «Симбирскъ» присылают стихи и прозу писатели со всей России. И то, что мы пишем, публикуем, услышано в общероссийском литературном пространстве.

Когда верстался номер... Когда верстался номер, мир изменился. Распространилась тревога, самыми частыми словами в эфире стали «карантин», вирус», «самоизоляция». И как сводки с фронта – звучат ежедневные сообщения о количестве зараженных и погибших от болезни. Подготовка апрельского выпуска началась задолго до этого сложного периода, но сейчас, предлагая вашему вниманию новый номер журнала, особенно ясно понимаю, насколько злободневно (или утешительно) звучат некоторые рассказы и стихи. Есть строки, на которые можно опереться душой, которые вызывают сострадание, взывают к милосердию, помогают чувствовать себя человеком. Литература против вируса. Против вируса страха, равнодушия, эгоизма, бессердечия.

Этой весной мы прошли трудный путь к Пасхе. И, несмотря ни на что, идем навстречу общенародному празднику – Дню Победы.

В рубрике «Дороги памяти военной» читайте рассказ Алексея Жданова, посвященный родителям-фронтовикам, публикацию Людмилы Буйлиной «Поэтами их сделала война» (О М. Небыкове и С. Осипове), тематическую подборку стихов чувашских поэтов, которую представил Союз профессиональных писателей Чувашии.

В разделе «Черемшан» – подборка стихов поэта-фронтовика Евгения Ларина.

Александр Лайков рассказывает о презентации сборника ульяновских писателей «Симбирская пристань», состоявшейся во Дворце книги.

Вера Долматова знакомит читателей с итогами турнира молодых прозаиков, который был посвящен 160-летию со дня рождения А.П. Чехова. Публикуем короткие рассказы юных участников состязания.

В рубрике «Перекресток» чеховскую тему продолжает Сергей Гогин, он рассказывает об очередной встрече в литературной студии «Восьмерка». Тема обсуждения – «Чехов о любви».

Поэтическую подборку Веры Липатовой читайте в разделе «Свободные стихи».

Елена Сергеева рассказывает о выставке, которая открылась в Музее изобразительного искусства XX – XXI вв. Это результат сотворчества художника Ирины Гершевицкой, поэта Натальи Калагиной и музея. Созвучие картин и стихов – на страницах журнала.

Публикуем работы молодых авторов: стихи Ивана Волосяка (Донецк) и рассказы Олисавы Туговой (Рыбинск).

В рубрике «Страна поэзия» – стихи Владимира Скифа (Иркутск) и Нины Орловой (Маркграф) (Москва).

Размышления о духовной жизни, о свободе и несвободе, о силе молитвы – в рассказах иеромонаха Пантелеимона (Кравца).

«И это на всю жизнь подаренное Богом чувство, что в тяжёлом обстоянии Небо всегда ближе».

Ольга Шейпак в эссе «Трудный путь к Пасхе» выражает сокровенную надежду:

«Я верю: страшная напасть поменяет нашу жизнь, обновит сердце, очистит душу.

Дожить до Пасхи непросто. Это значит – дожить до Воскресения. Впустить в себя свет не вечерний, погасить земные страсти и научиться созерцать Вечное».

Праздник пришел на нашу землю, несмотря ни на что.

Всех наших авторов и читателей поздравляем со Светлым Христовым Воскресением!

Впереди – День Победы. Наше уважение и благодарность всем ветеранам войны, светлая память погибшим воинам. В майском номере мы продолжим публикации к 75-летию Победы.

А потом... будет лето.

*«А завтра, а завтра уже будет лето,
И снова, как в детстве, душа замирает
В предчувствии счастья, свободы и света,
Ведь ты ещё помнишь, как это бывает?»
(Наталья Калагина)*

А пока... Нам нужна одна Победа. Над невидимым врагом, болезнями, тревогами и опасениями. Света и добра! Крепкой веры!

Елена КУВШИННИКОВА



Александр ЛАЙКОВ, поэт, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

«...ДА УМОЕШЬСЯ ВЕЧНО ЖИВОЮ ВОДОЙ!»

Презентация сборника «СИМБИРСКАЯ ПРИСТАНЬ»

3 марта 2020 года, во Всемирный день писателя, в Торжественном зале Дворца книги состоялась презентация сборника ульяновских писателей «Симбирская пристань» (составитель – Илья ТАРАНОВ, главный редактор – Александр ЛАЙКОВ).

Название и сама обложка, с лёгкими облаками и скользящими по водной глади белоснежными теплоходами, – очень символичны. Они говорят о Волге, о симбирских гостеприимных берегах и объединении людей, связанных вместе родной землёй. Притягивают взор неувядаемые строки Николая Благова:

И когда тебя втянет в простор этот синий,
И когда ты с рекою бессмертной, родной,
Только выдохнешь: «Волга!»
Только скажешь: «Россия»
Да умоешься вечно живою водой!

В сборнике можно познакомиться со стихами и прозой сорока шести ныне здравствующих авторов Ульяновской области, членов ульяновского регионального отделения Союза писателей России.



Цветы поэту-фронтовику. Илья Таранов и Евгений Ларин

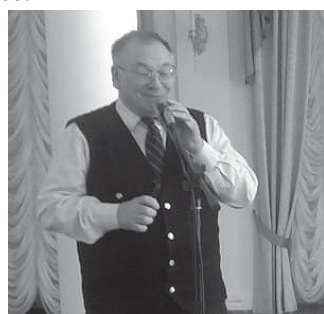
Все они – уже сложившиеся литераторы со своим мировоззрением, творческой эстетикой и стилем, объединённые любовью к Отечеству и своей малой родине. Все они разные: от умудрённых опытом, прошедших суровые годы войны и слышавших залпы салюта Победы, до совсем молодых, рождённых



*Гость из Финляндии Алексей Ланцов
и ведущая вечера Ольга Даранова*



Александр Тимаков



Александр Лайков



Е.С. Ларин



Раиса Кашкирова



Владимир Кочетков



Виктор Малахов



Николай Ларионов



Алексей Жданов

уже в новой России. Среди них – журналисты, врачи, учителя, адвокаты, инженеры, библиотекари, архивариусы, в общем – люди самых разных профессий. У них разные интересы и увлечения, но всех объединяет любовь к русскому слову, к литературе, к творчеству.

Авторы представляют не только визитную карточку местной литературной организации, но и региона в целом. Этим целям и служит сборник «Симбирская пристань», который уже был представлен в Москве и получил хороший отзыв председателя Союза писателей России Николая Иванова. Николай Фёдорович отметил уникальность сборника, ведь не каждый регион может гордиться тем, что собрал под одной обложкой всех членов региональной организации.

– Вы большие молодцы, достойно продолжаете традиции ваших великих земляков.

Следует сказать, что издание выпущено при поддержке губернатора Ульяновской области С.И. Морозова и правительства Ульяновской области в рамках Программы поддержки книгоиздания в Ульяновской области.

Как отметила учёный секретарь Дворца книги Ольга Даранова, сборник родился непросто.

– Трудно он родился, – сказала Ольга Николаевна. – Споров было много: какая должна быть обложка, как выстроить, какую главную линию провести. Это, наверное, сопутствует любому сборнику, любой книге. И тем не менее всё сложилось. Все авторы получили одинаковую площадь и выстроились в алфавитном порядке. Причём в книге представлена краткая биография каждого автора – своеобразный справочный материал для библиотек и любителей литературы.

Большое впечатление на писателей и гостей презентации произвело выступление ветерана Великой Отечественной войны, старейшего димитровградского поэта Евгения Ларина. Порадовала музыкальным подарком Варвара Шарохина, ученица 6-го класса областной детской школы искусств (педагог – Дронова Татьяна Васильевна). Она исполнила на фортепиано произведение французского композитора Сенневиля «Любовь».

На встрече были вручены почётные грамоты и благодарственные письма всем членам Союза за просветительскую деятельность, в связи с юбилеем или выходом книги.

Как всегда, разнообразие в ход презентации внесли поэты-барды Александр Тимаков, Фёдор Горбцов и Алексей Жданов. Несколько критических замечаний сделал поэт Сергей Гогин и тоже прочел свои стихи.

А вообще все авторы сборника «Симбирская пристань», которые были на презентации, получили слово, продолжили поэтические страницы вечера, рассказали о своём творчестве. Среди них – Раиса Кашкирова, Николай Ларионов, Александр Лайков, Виктор Малахов, Владимир Кочетков, Валентина Тарават и другие.

Гостем презентации был поэт Алексей Ланцов, ульяновец, ныне проживающий в Финляндии. Он сохраняет духовную связь с родной землёй и следит за всеми происходящими в литературной жизни событиями. Алексей стал первым победителем реги-



Н.А. Барсукова и И.А. Таранов



Федор Горобцов и Е.С. Ларин

онального конкурса «Гений поэзии», посвящённого творчеству российских писателей-юбиляров. Ему был вручен диплом победителя, в ответ Алексей прочитал свои новые стихи.

Все авторы и активные участники проекта были отмечены благодарственными письмами оригинального формата, разработанного дизайнером журнала «Симбирск» Олесей Тюльпа. Слова благодарности прозвучали в адрес директора Дворца книги Светланы Валентиновны Нагаткиной, которая первая поддержала проект ульяновских писателей «Симбирская пристань».

– Я надеюсь, что представители сегодняшнего поколения писателей, наши поэты и прозаики останутся в истории, в истории литературы нашего края.

– По крайней мере, мы передаём эстафету новому поколению, эстафету любви к родному слову, горения литературой, любви к русскому языку, к своей Отчизне, – заявил на презентации Илья Таранов, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.



Александр Тимаков и Сергей Гогин



Писатели – участники презентации сборника «Симбирская пристань».

Первый ряд: Е. Кувшинникова, О. Даранова, Р. Кашкирова, Е. Ларин, И. Таранов, А. Тимаков, Ф. Горобцов.

Стоят: С. Гогин, А. Ланцов, Г. Анисимова, В. Малахов, В. Кочетков, А. Жданов



*Вера ДОЛМАТОВА, заведующая сектором «Центр чтения»
ОГБУК «Дворец книги»*

ПОБЕДИТЕЛИ НАГРАЖДЕНЫ, ПОБЕЖДЁННЫХ НЕТ!

Турнир молодых прозаиков к 160-летию А.П. Чехова
состоялся во Дворце книги



В день 160-летия со дня рождения русского писателя Антона Павловича Чехова во Дворце книги собрались начинающие писатели от 15 до 25 лет для участия в турнире молодых прозаиков «Нет, я не Чехов, я – другой!»

В качестве членов жюри выступили члены Союза писателей России: Ольга Даранова – поэт, учёный секретарь Дворца книги; Александр Лайков – поэт, лауреат литературной премии им. Н.Н. Благова, руководитель литературной студии «ЛИК» при Дворце книги; Александр Дашко, поэт, председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области.

Этот литературный конкурс был объявлен в сентябре 2019 года Дворцом книги. На суд жюри были представлены работы из разных уголков Ульяновской области – короткие рассказы в стиле Чехова,



Кашкова Мария



Участники выполняют задание



Участники выполняют задание III тура

написанные молодыми авторами от 15 до 25 лет – школьниками и студентами высших и средних учебных заведений.

Следующим и заключительным этапом конкурса стал турнир, где участников ждали творческие испытания: необходимо было проявить умение кратко и интересно излагать свои мысли, импровизировать и работать в команде.

«Краткость – сестра таланта», – так писал Чехов. Задача участников первого тура – в сжатой форме наиболее полно раскрыть суть своей конкурсной работы и представить себя. На время выступления было отведено всего 3 минуты.

Вторым туром шло задание-экспромт «В записную книжку Чехова»: нужно было создать небольшую зарисовку – 2-3 предложения, содержащие яркую художественную деталь, что могло бы лечь в основу будущего рассказа.

Особая страница в творческой биографии Чехова – драматургия. Поэтому заданием третьего тура стало создание коллективного произведения – мини-пьесы, где каждый из участников прописывает своего персонажа и представляет на суд зрителей. Начинающие писатели, выполняя это задание, почувствовали себя и драматургами, и актёрами, и сценаристами.

Жюри выставило оценки по пятибалльной системе по итогам каждого тура. В результате были определены победители – им вручили дипломы и комплекты книг:

III место разделили сразу 3 участника:

Аюпова Дания (21 год), студентка ОГБПОУ «Николаевский технологический техникум», руководитель – Нечаева Людмила Владимировна;

Кашкова Мария (16 лет), студентка ОГБПОУ «Инзенский государственный техникум отраслевых технологий, экономики и права», руководитель – Тамарова Елена Анатольевна;

Фролова Елизавета (15 лет), учащаяся МБОУ г. Ульяновска «Мариинская гимназия», руководитель – Карандашева Евгения Владимировна.

II место было присуждено Бокадоровой Наталье (18 лет), студентке ОГАПОУ «УАвиаК-МЦК», руководитель – Замдеева Зульфия Наилевна

На **I место** вышла Шейко Виктория (17 лет), учащаяся МБОУ г. Ульяновска «Гимназия № 33».

Остальные участники были отмечены благодарственными письмами Дворца книги и дипломами победителей конкурса «Нет, я не Чехов, я – другой!» в номинациях «Осколки провинциальной жизни», «Человек в футляре», «О любви», «Близко к Чехову».

«Сегодня нет побеждённых, – отметила член жюри Ольга Даранова, обращаясь к участникам турнира. – Ваше участие в конкурсе означает, что имя и творчество Чехова живо спустя 160 лет и отзывается жаждой творчества в сердцах начинающих писателей – это победа для всех нас, людей, равнодушных к литературе».

Также жюри рекомендовало к публикации в журнале «Симбирск» произведения следующих участников: Архипов Ярослав (МОУ «Тимирязевская СОШ» Ульяновского района), Бокадорова Наталья (ОГАПОУ «УАвиаК-МЦК»), Прядильников Никита (МБОУ г. Ульяновска «СШ №9»), Тюринна Елизавета (МБОУ г. Ульяновска «СШ №41») и Шейко Виктория



Шейко Виктория



Награждение участников турнира

(МБОУ г. Ульяновска «Гимназия №33»), Калашников Станислав (ОГБПОУ «Ульяновский многопрофильный техникум»).

Поэт Александр Лайков, много лет отдавший литературе и работе с молодыми авторами, подчеркнул: «Одного таланта мало, нужно работать, учиться, оттачивать своё мастерство, прислушиваться к советам старших товарищей по перу. Это возможно на заседаниях литературной студии «ЛИК» во Дворце книги, куда я вас всех приглашаю».

Александр Дашко, поэт, председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области, отме-

тил: «Конкурс молодых прозаиков «Нет, я не Чехов, я – другой» – замечательная инициатива Дворца книги в юбилейный год писателя, в Год молодых в Ульяновской области. Конкурсы, подобные этому, задают высокий ориентир для молодёжи, играют важную роль в современном литературном процессе, дают возможность заявить о себе талантливым молодым литераторам, которых в Ульяновской области очень много. Но важно не только показать себя, но и ориентироваться на наших классиков, которые для молодёжи служат путеводной звездой на литературном небосклоне».



Участники и организаторы турнира молодых прозаиков. Дворец книги

Ярослав АРХИПОВ, ученик МОУ «Тимирязевская СШ» Ульяновского района

МАННА НЕБЕСНАЯ

Был поздний рождественский вечер. Какая-то невероятная сила заставила бабу Марусю встать с дивана и направиться во двор. Ноздри уловили дурманящий запах дыма и свежее испеченного хлеба, ветерок растрепал редкие волосёнки на голове.

Вдруг что-то засветилось в небе и стало опускаться яркой лестницей к ногам старухи. Там, наверху, в белом облачении стояла её бабка, давно ушедшая в мир иной. Она заговорила громким голосом:

– Дорогая моя внученька! Ты прожила тяжёлую, но достойную жизнь, вырастила детей и всегда помнила и поминала меня. Ты всегда мечтала о достатке, о деньгах. В благодарность я решила наградить тебя. Ты станешь богатой и счастливой, и денег у тебя будет столько, сколько ты и потратить не сможешь. Только одно условие: если ты будешь ими делиться или одалживать, они исчезнут навсегда. Чаще вспоминай меня, и деньги будут прибывать.

Бабка перевернула предмет, который держала в руках, и из него посыпались монеты, как манна небесная. Не успела Маруся ахнуть, как на земле образовалась огромная куча денег.

– Да мне столько и не надо, – едва успела простонать новоявленная богачка, как призрак бабушки исчез.

Только к утру хозяйка управилась, сметая остатки венником в совок вместе со снегом. Закатив тележку в сарай, повесила на дверь амбарный замок. Теперь предстояло все тяжелые тазы и ведра спрятать в шкафах и ящиках. Непростое это дело – деньги прятать. И начался для Марии Петровны новый виток в жизни. Каждый день, включая выходные, Маруся, нагрузив сумку мелочью, ехала в город тратить деньги и скупала самые вкусные деликатесы. Через неделю у неё заболел желудок, потому что на готовку у неё времени не оставалось. В аптеке она покупала самые дорогие лекарства, чтобы восстановить подорванное здоровье. Поди ж ты, походи туда-сюда с тяжелыми сумками, тут какое здоровье надо! А что делать? Едва закончилось шестое ведро с мелочью, Маруся нечаянно помянула недобрый словом свою бабушку, сразу дождь из денег захлестал все крыльцо.

– А не поздноват? – огорчалась каждый раз Маруся – Копейка рубль бережёт, тут зрение потеряешь, пока считать будешь мелочь. Всё бы это лет

этак двадцать назад, когда я детей одна на ноги поднимала...

Соседи и те смекнули, что с Маруськой что-то не так, раз она все время копейками рассчитывается. Видно, на паперти стоит. А несчастной надо как-то от денег избавиться. Решила она внучатам по шоколадке купить. Прокатило. Все ж жалко бабе с деньгами расстаться. А дальше – больше. Начала она всем подарки раздавать. И так это заметно стало, что дочь подумала, что мать не чиста на руку.

– Ты вот что, мать, прекращай эту воровскую деятельность, не надо нам твоих подачек, – сердито ругала её дочь.

Разревелась Маруся от обиды, последний источник сбыта пропал. Богатые тоже плачут. Не жизнь, а каторга. Чтобы соседки не уличили ее в страшных грехах, стала она на такси ездить в город и обратно. Вроде все наладилось. Обновила свой гардероб, посуду новой накупила, холодильник вместительный справила.

По осени внучатой племяннице на свадьбу целую трехлитровую банку мелочи подарила, как бы в шутку, а все ж деньги. Она возьми да и сыпани под стол из пятилитрового бидончика. Больше никто и не посмел бросать свои гривенники. Родня с восхищением смотрела на Марусю: вот сватьям нос утерла!

Обрадовалась захмелевшая старуха, что деньги не пропали, возблагодарила Господа, всех святых и свою бабку. А поутру прямо на снегу золотом отливала куча брошенных монет. Стало быть, деньги вернулись. Как-то пресытила Марья денежный рынок. Неохотно стали брать мелочь продавцы у Маруси. Решила она на благотворительность в церковь унести полтазика мелочи. А что, свято дело! Батюшка онемел, увидев неслыханные дары прихожанки. А опосля пожелала она исповедаться. А зря про фею-бабушку рассказала. Священник не поверил и посоветовал посетить психиатра.

Шла Маруся домой озадаченная. Не поняли, не поверили. И правда, чему верить?

Только вошла во двор, а тазы и ведра стопочкой стоят пустые возле баньки. Заметалась она по шкафам и ящикам, а денег как не бывало. А кто за язык тянул? Так и потекла жизнь без дополнительного источника – спокойная, достойная и безмятежная. Старость называется.



Наталья БОКАДОРОВА

ПТИЦЕЛОВ, ДУША И ПЕРЕСМЕШНИК *(Грустная история о любви)*

Ему очень нравились птицы, – маленькие, воздушные, трепетные, мягкие, тёплые поющие разноцветные комочки. Он мог часами наблюдать за ними, уединившись от людей, забот и городского шума. Он знал, где какая птаха селится, как вьёт гнездо, когда выводит потомство, различал их по голосам. Да, он был птицелов. Но не бездушный. И

птицы это чуяли. Он ловил малиновок, пеночек, зарянок, щеглов. Для чего? Они милые, безобидные, поют красиво. Дарил, менял, выпускал.

Шло время, Птицелов вырос, повзрослел, даже постарел немного. Но ждал какую-то птицу, которую ему ещё не доводилось ловить.

И однажды, кажется, ему повезло. Встретил ту

самую. Он раскрыл ей свою душу, а она была сама Душа. Его душа. Настолько близкая, родная, что это даже пугало его иногда. Он не верил своей удаче. Опытный птицелов, он знал, как приманить, как ставить силки, умел ждать, и молчать, и даже поддельвать голоса.

Душа тоже радовалась, что наконец нашлась, что не нужно метаться, злиться и стареть просто так. Ей хотелось окружить его теплом, заботой, лаской, негой, страстью. Душа догадывалась, что этот симпатичный птицелов имеет недостатки, но любила его и вместе с ними тоже. Она знала, что болит у него порой душа, рвётся куда-то, а чего хочет – и сам не знает.

А как вылечит душу, начинает болеть печень.

Сети расставляет, ждёт Птицелов...

Нежно влечёт приманкой...

Только не верю, что это любовь...*

И Душа поняла, что хочет всегда быть рядом с ним: и утром, и днём, и всегда-всегда. Она так хотела, что... превратилась в птицу. Пересмешника. Маленькая, невзрачная пичужка. Которая в неволе скрывает свои таланты ещё сильнее – поёт дольше и разнообразнее, подражает всему и вся.

Пересмешник стал подражать то Чехову, то Марининой, то сказочнику Бажову. Птицелову тоже было приятно, что она рядом. Удобно. Надёжно.

Время шло...

Птичка щебетала, напевая всё новые песенки своему Птицелову. Он то засыпал её дарами, был внимателен и нежен, то мог вообще не подходить

к клетке, не обмолвиться даже словечком, даже не смотрел...

Про эту клетку или сеть нужно сказать отдельно. Сеть была, как бы сказать, иллюзорной. Ни острова, ни прутьев. Не закреплена ни клятвами, не спаяна ни обещаниями, ничем. Всё на признаниях, на доверии. Зайдёт – «в сети», «онлайн». Зайдёт – не напишет, только увидит её – сразу вон. Она как-то нечаянно дотронулась до двери клетки. Она была открыта, то есть не заперта. Значит... Значит... Бедная птичка...

Она не хотела знать и думать не могла, что ЭТО значит. Птичка сделала вид, что ничего не было, что она в клетке. Продолжала щебетать. И надо-то ей было, чтобы её Птицелов сказал ей доброе слово, коснулся клювика, подмигнул. Чтобы не забывал о ней. Она не хотела снова становиться неприкаянной душой. Это страшило её. Она уже не знала, что будет, если...

«Милый мой Птицелов, не надо так жестоко поступать с бедной птичкой. Конечно, ничто в этом мире недолговечно. Да, всё требует заботы и труда, – постоянного, кропотливого. Терпения и прощения. Не стоит ломать цветы, чтобы дарить минутное наслаждение...»

Так думала Душа в теле маленького пересмешника.

Сыплет приманку свою Птицелов,
В клетку маня Богинь...*

* А. Ахматова, Царское Село, 1913



Никита ПРЯДИЛЬНИКОВ ПИРОЖОК

Январь. Морозный зимний день. Главная улица города, по которому туда и обратно бегут пешеходы, пряча свои замерзшие щёки за высокие воротники пальто или меховые капюшоны. Каждый куда-то спешит. У каждого свои проблемы и заботы. Кажется, будто на всем белом свете только я один никуда не спешу.

Вдруг мой взгляд останавливается на человеке, который присел к стене дома на противоположной стороне улицы. По его внешнему виду я понял: просит милостыню. Но он был не один! Из его не до конца застегнутой доверху куртки то поднималась, то опускалась маленькая мордочка. Кто это у него за пазухой? Мне непременно захотелось это узнать. Поэтому я перешёл на другую сторону и пошел по направлению к этому человеку.

Прохожие пробегали мимо него, будто и вовсе его не замечали. Одна женщина сбавила шаг, достала из кармана какую-то мелочь и бросила несколько монет в шапку, лежащую перед этим человеком. Монетки зазвенели тонким звуком «дзинь», будто колокольчики, и притихли. Мужчина приподнял глаза и так вежливо (чего я вовсе не ожидал), произнес: «Благодарствую! Дай Бог здоровья». Потом он посмотрел на своего четвероногого друга и, улынувшись, добавил: «Еще немного, и я тебя накормлю, будет теплее».

Когда я приблизился к нему, то понял, что за пазухой у этого человека маленький щенок, которому непременно хотелось посмотреть на тех, кто подает им эти монеты. Я тоже положил несколько монет, что остались после просмотренного мною в кинотеатре фильма. «Спасибо, мальчик, у тебя доброе сердце», – сказал он и дальше снова обратился к питомцу: – Ну что, теперь у нас есть деньги, чтоб купить тебе и мне еды».

Мужчина встал и поторопился к ближайшему киоску, где продавалась свежая выпечка. Купив там два небольших пирожка, он подал один щенку, который теперь стоял на земле и не знал, что ему делать дальше. Почуввав близкий запах еды, он начал скулить, а его спаситель довольно улыбался.

На моем лице тоже появилась улыбка, будто это мне дали тот пирожок, который еще не успел остыть на холодном ветру. Мне показалось, что слышу этот аромат еще не остывшего печеного пирожка, чувствую, как он согревает и мое озябшее тело.

Я шел своей дорогой и долго еще вспоминал этого дрожащего маленького щенка, жадно глотающего куски пирожка, разломанного для него человеком, и самого человека, разделившего свой кусок хлеба с таким же бездомным щенком, как и он сам. Мысли не давали мне покоя: где живет этот человек, почему он просит милостыню, ведь сразу видно,

что он когда-то был таким же, как все. Но он божь. У него нет ни дома, ни еды, ни работы. Кто виноват в этом? Почему мир так жесток? У человека доброе сердце, он приветлив, хоть и обижен судьбой. Но я понимаю, что здесь, на улице, он тоже не случайно. Что же случилось такого, чтобы он оказался жителем тепловодных трасс города? Говорят, именно там находят себе приют такие бездомные люди.

Мне стало грустно. Так грустно, что перестал радовать и этот морозный ясный день, и веселые вывески рождественского праздника на улицах, и счастливые лица прохожих. Я поймал себя на мысли, что хочу, чтобы было все по-другому! Хочу, чтобы у этого человека было все хорошо. Пусть Бог ему поможет.



Виктория ШЕЙКО, 17 лет, МБОУ г. Ульяновска «Гимназия №33»

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК

В дальней стороне, за широкой рекой, бескрайними холмами и березовыми рощами, в лесной глуши затерялось небольшое селение. Что это было за селение, сказать трудно. Может быть, большая деревня, может, небольшой посёлок, а возможно, даже и крошечный городок.

Жили там люди незатейливо и неторопливо. Каждый день с утра до вечера выполняли они привычную работу: кто косил траву, кто работал в кузнице, кто выпекал хлеб, а кто занимался своим хозяйством: копался в огороде, латал крыши, укреплял покосившуюся изгородь.

Но лишь наступал вечер, которого жители ждали с завидным нетерпением, улицы селения мгновенно пустели и только иногда, нарушая сонную тишину, пошатываясь, брёл куда-то подвыпивший мужичок, сопровождаемый ленивым лаем собак. Именно в это время в каждом доме открывалось светящееся окно в далекий, невиданный мир, и жители, позабыв обо всем на свете, самозабвенно предавались любимому занятию. Неотрывно глядя в экран телевизора, они до глубокой ночи, с неподдельным интересом смотрели всё подряд: скучные сериалы, ужасные детективы и скандальные шоу, прерываемые бесконечной рекламой. В этот момент жизнь казалась им прекрасной и удивительной. И долго ещё потом они живо обсуждали любовные похождения телевизионных героев или рецепт приготовления экзотического блюда авокадо, хотя, следует признать, это самое загадочное «авокадо» никто из них никогда и в глаза не видел.

Местность эта хотя и считалась провинциальной глубинкой, но довольно современной и культурной. Здесь было много киосков, ларьков, магазинчиков, которые жители любовно называли супермаркетами, кое-где на улицах виднелись мусорные урны. Самый центр селения занимала заасфальтированная площадь с небольшим, окрашенным в желтый цвет ограждением и клумбой, в центре которой в деревянной кадке стояла развесистая пальма. Архитектурный ансамбль площади завершал довольно внушительный памятник неизвестному человеку. Следует заметить, что рядом с площадью приютилось также неприметное маленькое здание библиотеки.

Когда случайно попавшие в эту местность редкие туристы пытались выяснить, кому поставлен

этот памятник, то получали довольно противоречивые ответы от жителей, глубоко убежденных в своих познаниях:

– Учёный врач здесь бывал. Большой чудак. Как-то взял и посадил всё деревьями – вырастил вишневый сад. Помнится, зима была лютая, морозная. Пришлось вырубить деревья на дрова. Теперь площадь на этом самом месте.

– Знаменитейший был человек! Строгий, но справедливый. Думаю, сами догадались, кто таков. Правда, недолго у нас пробыл, уехал важные дела решать. Вот только фамилию его запомнил... Раньше помнил, а теперь напрочь забыл! Вроде что-то лошадиное... А может быть, и нет...

– Очень известный путешественник к нам однажды приезжал. Кажется, он всю Землю пешком обогнул. Говорят, даже на каком-то острове Сахалин побывал. Осанистый такой, статный. То ли толстый был, то ли тонкий – точно утверждать не стану! Простой, нечванливый мужик. Дядей Ваней его звали.

– Говорят, это был очень образованный человек, прочитал тысячу толстых книг! Вот и библиотека у площади – это его рук дело. Как-то заходил я туда – книг полно, а нужной, как, например, капусту заквасить или тараканов из дома вытравить, таких там и в помине нет.

Однажды неожиданная новость молниеносно пронеслась по селению, что привело его жителей в необычайное возбуждение и даже оторвало от привычных вечерних телевизионных просмотров. Прямо на центральной площади, рядом с памятником и библиотекой, открылся большой универсальный магазин со сверкающими витринами, плавным эскалатором и не к месту улыбающимися продавцами. Красочная надпись на фронте магазина «Мы открылись!», обрамлённая разноцветными воздушными шариками, явно пришлась жителям по душе. Сколько шума, неподдельной радости и даже восторга доставило им это открытие!

В назначенное время, заполнив площадь, народу явилось видимо-невидимо. Некоторые, придя к магазину задолго до открытия, часами простаивали в длинной нетерпеливой очереди только для того, чтобы хоть на миг прикоснуться к этому манящему миру заморских товаров.

С появлением магазина площадь, казалось, ожила, и вряд ли кто-то вспоминал, что совсем близко, рядом с неизвестным памятником с неза-

памятных времён сохранилась старая библиотека. Внутри давно не ремонтируемого обветшалого здания, на высоких деревянных стеллажах бережно хранились старинные книги с пожелтевшими от времени, выцветшими страницами. Изредка попадались новые издания модных авторов в соблазнительных гляцевых обложках. Гордостью библиотеки был отдельный стеллаж, на полках которого стояли особенно редкие сочинения многих великих классиков: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Грибоедова, Есенина, Бунина, Достоевского, Тургенева и, конечно же, Чехова. Это сокровище было настолько близко, что стоило только протянуть руку, как открывался удивительный духовный мир, наполненный жизненным светом искренних чувств.

До позднего вечера шумные очереди в магазин будоражили площадь. А в это же время торжественную тишину библиотечного зала нарушал только тихий шелест страниц одинокого читателя, который из запylённого окна мог наблюдать за тем, как оживлённо и радостно выходили жители, сгибаясь

под тяжестью безразмерных свертков и необъятных коробок.

Ближе к ночи площадь начинала затихать и пустеть. Фигура неизвестного человека, стоящего на постаменте памятника, через тонкую оправу пенсне с грустью и сожалением наблюдала за тем, как магазин покидают последние покупатели, как гаснут, утопая в полуночном мраке, один за другим огоньки домов. Только мерцающий, тонкий луч света настойчиво вырывался из окна старой библиотеки, словно пытаясь разогнать сгустившуюся над площадью ночную мглу.

Если внимательно приглядеться, то среди этой беспросветной темноты можно было заметить, что у подножья памятника лежит букет полевых цветов. Кто знает, возможно, каждый вечер свежие цветы как знак глубокой признательности и уважения приносил тот единственный верный читатель. И в этом нет ничего удивительного, если не считать, что название небольшого селения было «Чехово».





Сергей ГОГИН, журналист, поэт, руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке №8.

ЧЕХОВ О ЛЮБВИ

«За внешним многообразием «трактовок» любви стоит вполне определенный, довольно грустный и пессимистичный взгляд автора на этот вопрос: на этом свете счастья нет, и счастливых людей нет, и счастливой любви нет. Люди пока недостойны счастья и неспособны быть счастливыми. Возможно, что когда-нибудь настанут новые времена, жизнь найдет более совершенные формы (в это верят многие чеховские герои), и вопрос о счастье и любви будет лишен определения «больной». Этот отрывок кочует из реферата в реферат, посвященный теме любви у Чехова, а рефератов этих в интернете великое множество, что говорит о том, что тема – Чехов о любви – благодатна. Она и обсуждалась на мартовском заседании литературной студии «Восьмерка».

В принципе, про любого писателя золотого века русской литературы можно с большей или меньшей долей уверенности сказать, что это «христианский» писатель и что понимание любви у него «христианское», найти в его произведениях «вертикальный смысл». Участник студии Дмитрий Сергеев, например, считает, что, несмотря на большое разочарование в русском православии, «Чехов сохраняет жажду духовного преображения и делает это именно в христианском ключе». Но любовь у Чехова – это разговор все-таки преимущественно о человеческой природе, включая ее телесную составляющую, которая не вуалируется «духовностью». В фокусе его писательского внимания – психология героев и отношений, потребность в любви и признании, все то, что могло бы стать иллюстрацией к тому или

иному разделу или направлению психологии. Художественная регистрация феноменов человеческой психики в отношении с Другим и со своим внутренним Я – никто не умел делать это лучше Чехова, цепкого созерцателя жизни. Если погрузить все движения души в религиозный фон, который был обязательным и повсеместным во времена Чехова, то мы получаем дополнительную степень глубины, хотя «христианским» мыслителем Чехова не назовешь, в отличие от Достоевского, допустим.

При всем психологизме, гуманистической основе этих рассказов они не перестают быть блестящей прозой. Особенности языка Чехова Сергеев, в частности, видит «в его отзывчивости, в умении принять в себя любой характер, в способности понять чуть ли не всех и вся, включая животных».

Чехов – образцовый для меня рассказчик, повествователь, знающий, как повествовать, удерживая внимание читателя, как высветить фигуру повествования, насытив и уплотнив его фон на первый взгляд незначущими, но на самом деле такими важными деталями. За этим видится и чувствуется огромный труд. В этом он непревзойденный писатель. Любопытна авторская позиция Чехова (нарратив). Он умеет повествовать так, что его повествование о любви вызывает доверие. Даже если он занимает позицию наблюдателя (рассказ от третьего лица), по определению не имеющего возможности «забраться» в душу героев, все равно ему удается описать психологические движения души достоверно и пронзительно. Но и герой, повествующий от первого лица, тоже действует как наблюдатель и хроникер своего чувства.

Ульяновская писательница Ольга Даранова сказала во время дискуссии, что Чехов эпичен в малом. Действительно, он мастер малой формы (рассказ, реже повесть), но в этой форме он демонстрирует высший пилотаж. Его малая форма открывает эпические глубины. При этом как рассказчик он ухитряется остаться неуловимым, незаметным, и это тоже высший пилотаж, литературная кротость высшего свойства.

Чехов – наблюдатель, а не моралист. Отсутствие назидательности – то, что отличает Чехова, то, что в нем привлекает. Его герои укоренены в своей среде, преимущественно мещанской, и если даже рвутся из нее, то невидимые цепи их держат. Им остается только мечтать о том, какая жизнь будет через двести лет, рассуждать о благородстве физического труда и – любить, томиться любовью, следовать призывам плоти и корить себя за это, изменять, стыдиться измен или примиряться с ними. «Вы – люди, вы хорошие, вы мучаетесь, но я понимаю вас, принимаю вас такими, какие вы есть», – словно бы говорит нам Чехов (так воспринимает его Ольга Даранова). У Чехова есть ответ на человеческие метания, и это ответ художника. Религиозную или научную истину он поверят истиной художественной или даже художественно-эстетической («В человеке все должно быть прекрасно?»), и она для него выше прочих истин.

У Чехова нет счастливых любовей, и это его тоже отличает и характеризует как писателя и человека. Почему – об этом можно (и нужно) долго рассуждать. Но Чехов тем и ценен, что он никогда не затушевывал реальную картину, он ее описывал максимально точно и подробно, не делая окончательных выводов. Там, где Чехов не драматичен, он ироничен. Но нет у него ни одного рассказа о сублимной любви, разве что в «Душечке», но случайно ли, что рядом с ней не задержался надолго ни один из обожаемых ею мужчин?

Чехов-писатель самодостаточен, конгруэнтен себе. «Его рассказы глубоко настолько, что не нуждаются, на первый взгляд, в каком-то дополнительном объяснении. Каждый его рассказ как отдель-

ная полноценная жизнь. Но это только на первый взгляд. В какой-то момент, если уж фанатеть от Чехова, задумаешься: каким же образом возникает этот уникальный терапевтический эффект его прозы? За счёт чего?» – вопрошает Дмитрий Сергеев. Как версия, в правильной постановке вопроса, в точной диагностике состояния общества и нравов России конца XIX – начала XX века (оглянитесь кругом: если вычесть смартфоны и интернет, в социальном самочувствии общества мало что изменилось: кругом те же страдания, безысходность, несвобода, застывшая жизнь и выученная беспомощность). Но одного осознания оказывается недостаточно для перемен. «Все понимаю, но сделать ничего не могу», – словно говорят чеховские герои. И этот лозунг бессилия передается у нас из поколение в поколение как переходящее знамя. Почему? «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить», – отвечает сам Чехов. «Мы все только говорим и читаем о любви, но сами мало любим», – он же. Осознание без деятельности, без практики осознаваемого, без контактирования с реальностью, а не со своим представлением о ней ведет лишь к консервации выученной беспомощности, в том числе в отношениях.

Как отмечают исследователи, любовь в рассказах Чехова – это концепт, его составляющие – это любовь-вспоминание, любовь-долг, любовь-повторение и даже деяние, ведь герои у Чехова все-таки женятся, берут обязательства (или крест?), потому что так принято: полюбил – объяснился – попросил руки у родителей – и пожалуйста в церковь венчаться и грезить о вечном счастье – до первого стойкого разочарования в браке («Учитель словесности»). И здесь видится противоречие между этикой и эстетикой любви у чеховских героев: под венец идут, потому что влюблены (условие необходимое, но недостаточное, или наоборот – достаточное, но не необходимое?), потому что надо быть порядочным человеком, потому что это социально одобряемо (церковью и людьми), но где тут свобода, красота и подлинность чувства? Поэтому у Чехова есть еще один тип героя, который как черт от лада на бежит от брачных уз, отношений, любовей, и это, в некотором смысле, самый порядочный, рассудительный и осознанный человек: он не обременяет собой другого человека, ибо не чувствует в себе сил сделать другого (другую) счастливым. В первом случае этика отрицает эстетику, во втором – рассудок сопротивляется христианской и мещанской этике. Поэтому филологи и говорят, что «Чехов ставит под сомнение сложившуюся форму брака как устаревшую и нередко связывающую человека отношениями пустоты и несвободы».

Еще раз сошлюсь напоследок на Дмитрия Сергеева, который написал: «Что ни скажешь про Чехова – не будет полным. Он даёт духовную перспективу именно своей отзывчивостью и вниманием. Когда читаешь Чехова, возникает чувство, что он тебя слушает».

75
ПОБЕДА!
1945–2020



Алексей ЖДАНОВ, прозаик, журналист, фотограф, член Союза писателей России

ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ

– Эх, Алёша! – говорил в последние годы своей жизни отец. – Если бы я мог писать! Какую жизнь я прожил! И голод, и холод пережил, прошёл сталинские лагеря, всю войну!

Я и не надеялся, что отец возьмётся за перо. Он не любил говорить о себе, о своей нелёгкой жизни, о войне. Об участии в войне мамы я вообще узнал только тогда, когда учился в шестом или седьмом классе; увидел где-то в недрах старого фотоальбома неприметную маленькую фотографию мамы в гимнастёрке с медалью и с погонами младшего лейтенанта медицинской службы.

День рождения мамы совпадал с Днём Победы, и мы – я с молодой женой и сыном, моя старшая сестра с мужем и детьми – собирались всей семьёй за праздничным столом. И каждый раз, когда кто-то из нас предлагал тост за маму, она говорила: «Нет, дорогие мои! Первый тост – за Победу!»

О войне отец стал рассказывать (неохотно и очень скупно) только после своего семидесятилетия. После восьмидесяти он уже стал совсем глухнуть (сказывалась контузия) и всё больше, молчал. Я смотрел на него и думал: «Наверное, он скоро умрёт, да и мама не вечна. А как же их жизнь? Жизнь,

включившая в себя почти весь двадцатый век (отец прожил восемьдесят два года, мать – девяносто). Кто будет помнить моих стариков? Дети? Внуки? Правнуки?.. Скорее всего, на нас, детях, память и закончится».

Хотя нет. Мой средний внук Андрей – участник боевых действий в горячих точках, вернувшийся живым и невредимым, да ещё с медалью, тёзка своего прадеда-фронтовика, не раз просил меня рассказать о моём отце, о его участии в войне.

В девяностые, когда мы с женой и младшим сыном ещё жили в столетнем деревянном доме, я вышел в заледенелые сени и увидел на старом сундуке громадную кость с остатками мяса. Ещё вчера жена просила разрубить её хотя бы пополам, чтобы можно было поместить в кастрюлю и сварить бульон для борща. Прикинув, я понял, что топором разрубить не получится: или топор затупишь, или кость разлетится на мелкие осколки. Я взял ножовку по металлу и принялся пилить кость. И вдруг вспомнил давний рассказ отца про суровую военную зиму 1943 года.

– Под Сталинградом была страшная мясорубка. К огромному числу раненых прибавилось много обмороженных. По двое – трое суток не отходили от

операционного стола: пилили и пилили обмороженные руки-ноги. Бывало, кивнёшь операционной сестре, она приподнимет маску, выпьешь маленькую мензурку спирта, и опять за пилу.

Морозы в ту зиму сильные были. Помню, ехали на полutorке по степи. Вся степь была сплошь усыпана трупами, запорошёнными снегом. Только хруст был слышен, словно сухари ломаешь. А однажды (было короткое затишье) выпили мы с ребятами и поехали на санитарной машине кататься, да залетели к немцам. Они открыли стрельбу, все колёса пробиты. Мы на одних дисках приехали. И хоть бы один ранен был! Ни царапины!

А таких страшных авианалётов, как под Сталинградом, я за всю войну не видел. По сто, по двести самолётов летели нас бомбить. Всё небо было чёрное от бомбардировщиков. И гул, жуткий гул...

Немало бомбёжек пришлось перенести за годы войны. Особенно одна запомнилась, как бомбили наш санитарный поезд с ранеными. Видели же, сволочи, огромные красные кресты на крышах вагонов, видели! И специально бомбили, чтобы как можно больше людей уничтожить! Раненых, кто мог как-то передвигаться, ползком или перекатываясь по насыпи, – расстреливали из пулемётов.

В один из налётов наш полевой госпиталь потерял больше половины врачей и медсестёр... Оторванные конечности, кишки на ветках деревьев. В тот день убило и моего близкого друга, хирурга из Астрахани Андрея Хруслова. Когда началось, мы залегли вплотную к срубе колодца, он с одной стороны, я с другой. Рядом разорвалась бомба, меня контузило. Лицо и руки в крови, почти ничего не слышу. Подполз к Андрею, кричу: «Живой?!» А он еле слышно (я скорее по губам прочитал): «Перебит крупный сосуд», – и горлом хлынула кровь. Умер он у меня на руках».

– На фронте разное было, – говорил отец.

В январе 1943 года ему исполнилось тридцать пять лет. Он уже был начальником полевого госпиталя, майором, опытным хирургом. После Сталинграда отец подружился с молодым, веселым москвичом. Сергей был душой компании, любил выпить-закусить, обожал женщин, отлично играл в преферанс. Если в госпиталь приезжала какая-нибудь комиссия с проверкой, то организацию приёма (покормить, угостить, пульку расписать, баньку организовать) поручали Сергею. У него на это дело талант был. Проверяющие, а их к концу войны все больше приезжало, всегда уезжали довольными результатами инспекции.



*Младший лейтенант
медицинской службы
Лидия Владимировна Жданова
(Титова)*



*Майор медицинской службы
Андрей Константинович
Жданов*

После войны Сергей женился на дочке крупного партийного чиновника и вскоре получил всё, о чем только мог мечтать: красавицу-жену, квартиру в центре Москвы, работу в министерстве с неизменной перспективой роста, командировки за границу, служебную машину и дачу.

Несмотря на своё высокое положение, он остался верен фронтовой дружбе, и они с отцом на равных общались долгие годы.

В конце девяностых я был в Москве у него в гостях. Во время обеда, после третьей рюмки вальжанный и респектабельный Сергей Николаевич загадочно улыбнулся и, словно, повторяя слова моего отца, произнёс: «Чего только не было на фронте!»

– Твоя мама решила сделать сюрприз отцу. Дочь, семилетнюю Люсю, оставила с бабушкой в Астрахани и зимой сорок третьего года неожиданно приехала на фронт, в Ростов, недавно освобождённый от немцев. Узнала точный адрес, пришла, звонит. Дверь открыла молодая незнакомая женщина.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Вы кто? – спрашивает мать.

– Я жена Андрея.

Мгновенно последовала мощная затрещина, и твоя мамочка, отшвырнув незнакомую тётку, похозяйски прошла в квартиру законного супруга. Она тогда ещё не знала, что на фронте было обычным делом совместное проживание хирурга и операционной сестры. Это не только способствовало полнейшему взаимопониманию во время операций, которых было немыслимое количество, но и создавало неплохие бытовые условия, что было немало важно в те тяжёлые годы.

Лидия Владимировна – сильная женщина. Уважаю. Никому не отдала твоего отца! Так вместе и проработали они у одного операционного стола и вместе дошли до Праги, где и встретили День Победы.

На всю жизнь запомнился рассказ мамы о поездке в концлагерь Освенцим после его освобождения советскими войсками.

– Экскурсию проводил бывший узник, немолодой, очень худой поляк на костылях. Он хорошо говорил по-русски.

Сюда прибывали эшелоны со всей Европы, но больше всего людей привозили с территории Советского Союза. Женщин с детьми «сортировали» сразу же по прибытии: детей – в одну сторону, матерей – в другую. Стоял жуткий крик! – рассказывал поляк. – Чтобы как-то заглушить вопли, во всю силу играл

духовой оркестр, причём это были весёлые мелодии и бравурные марши. Если бы композиторы узнали, где и когда будут играть их музыку, то они бросили бы своё ремесло.

– Немецкий порядок, расчётливость и целесообразность, – говорила мама, – предстали перед нами во всей красе. Возле лагерного плаца возвышалась огромная куча-конус из обуви, среди которых бросалось в глаза множество детских сандаличков и ботиночек, чуть дальше – куча очков, рядом – утрамбованный холм из человеческих волос для набивки матрасов. Знаменитый крематорий, фотографии которого были представлены на Нюрнбергском процессе, мы видели своими глазами. В жерлах недавно остывших печей ещё оставались обгоревшие человеческие кости. Это невозможно забыть.

С благодарностью вспоминаю я своего отца, послевоенный Ростов-на-Дону, наши походы с ним в драмтеатр, в цирк, в кино.

Году в шестьдесят третьем в панорамном кинотеатре «Россия» перед сеансом играл эстрадный

оркестр. Там мы впервые услышали песню «На безымянной высоте».

Как много их, друзей хороших
 Лежать осталось в темноте,
 У незнакомого посёлка,
 На безымянной высоте...

Проникновенно и честно звучал мягкий баритон. В большом переполненном фойе кинотеатра стояла непривычная тишина. В глазах отца, подполковника медицинской службы, сильного мужчины с седыми висками я заметил слёзы.

...Под утро во сне видел живого отца. Он лежал на диване в добротном тёмном костюме и почему-то в шляпе. Я попросил его позировать для фотографирования. Он согласился, молча кивнув. Широкие поля затеняли лицо, глаза, и я подумал, что хорошо бы немного подсветить, и тут же спросил себя: «А зачем?» Лицо отца было молодым и ироничным.

Дорогие мои старики, как же мне вас не хватает!



*Отдельная рота медицинского усиления (ОРМУ). Чехословакия, май 1945 года.
 Второй ряд (в середине) – Жданов А.К. Третий ряд (стоят) в середине – Жданова Л.В.*

Людмила БУЙЛИНА, учитель начальных классов МБОУ «Гимназия №65»

ПОЭТАМИ ИХ СДЕЛАЛА ВОЙНА

Невелика наша область в масштабах страны, но на литературной карте России Ульяновск и Сенгилей занимают достойное место. Здесь жили или бывали люди, чьи имена знает весь мир: Александр Пушкин, Николай Языков, Денис Давыдов и многие другие. Среди поэтов, прославивших родной край, особого уважения и внимания заслуживают поэты-фронтовики: Михаил Небыков и Сергей Осипов. Немало сделали они для процветания Сенгилея, для всего Ульяновского края.

В биографиях Михаила Небыкова и Сергея Осипова много общего: фронтовики, учителя, поэты. Как только началась война, они попали на фронт, четыре года шагали по полям сражений. Их воинская доблесть отмечена орденами и медалями.

Михаил Михайлович Небыков, донской казак, попал на волжскую землю после войны, приехал на родину жены Марии Дмитриевны. А для Сергея Александровича Осипова Ульяновская область – родной край.

После войны оба оказались в Сенгилее. С 1966 года они начали вместе работать в Сенгилеевском педагогическом училище. Один – заместителем директора по педагогической практике, другой – заместителем по учебно-воспитательной работе.

Михаил Михайлович был на 10 лет старше, являлся наставником Сергея Александровича, а тот оказался достойным преемником. М.М. Небыков основал в Сенгилее литературное объединение «Истоки», многие годы возглавлял его, затем передал руководство С.А. Осипову. Немало молодых литераторов благодаря их поддержке и вниманию смогли проявить свои таланты, получить путевку в литературную жизнь. Они до сих пор вспоминают добрым словом своих учителей.



Н.С. Осипова, Л.В. Буйлина с учениками

Это были уважаемые педагоги, яркие, творческие личности, оба преподавали русский язык и литературу, любили поэзию. Оба они сочетали в себе таланты педагога и поэта.

Схожа и тематика стихов Небыкова и Осипова: война, родина, Сенгилей, Волга, любовь... Поэты воспевали одно и то же, но их голоса звучали по-разному. Их стихи – поэтическое завещание потомкам: трудитесь, любите свою профессию, людей, свой край, делайте его прекрасным, не теряйте духовную культуру.

9 мая 1994 года С.А. Осипову и М.М. Небыкову было присвоено высокое звание «Почетный гражданин города Сенгилея». А в 2000 году, в честь 55-летия Победы, на здании педагогического колледжа открыта мемориальная доска в их память.



НЕБЫКОВ Михаил Михайлович (1911 – 1997)



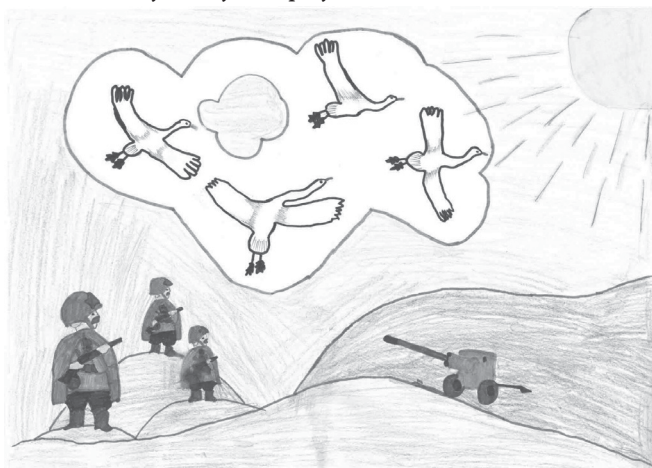
Родился 16 мая 1911 года в казачьем хуторе Чилеково Котельниковского района, ныне Волгоградской области. В 1937 году он окончил Сталинградской педагогический институт, факультет русского языка и литературы. До самой войны Небыков работал в городе Пржевальске (Киргизия) директором школы.

В декабре 1941 года Михаил Михайлович был призван в Красную армию. Его направили во Фрунзенское пехотное училище. В 1942 году Михаил окончил училище в звании лейтенанта и отправился на фронт командиром стрелкового взвода.

М.М. Небыков был командиром миномётной роты, сражался в составе 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, которым командовал полководец Г. Жуков. В должности командира Михаил Михайлович освобождал сёла и города Белоруссии, форсировал реки Вислу и Одер. С мая 1944 года 5-ю ударную армию возглавил генерал-полковник Н.Е. Берзарин, первый комендант Берлина. В конце октября 1944 года 5-я армия участвовала в Варшавско-Познанской и Берлинской наступательных операциях, штурмовал Берлин.

М.М. Небыков дошел до самого Берлина. Вот как он об этом писал:

Вхожу в Берлин
 Не для захвата
 И жить не собираюсь в нем.
 Уже близка Победы дата.
 Уже рейхстаг объят огнём.
 Быть может,
 Я на камень черный
 Паду...
 И вновь не поднимусь.
 А может быть,
 В парадной форме
 На Волгу милую вернусь!



М.М. Небыков. Журавли. Рисунок Зайнетдиновой Азалии



М.М. Небыков. Клен войны. Рисунок Лисковой Яны



М.М. Небыков. Позабить не могу.
 Рисунок Дерябиной Анастасии

Михаил Михайлович награжден орденом Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и др. Много у него и юбилейных медалей. На сайте «Подвиг народа» размещен наградной лист на орден Красной Звезды.

Всю войну М.М. Небыков не расставался с томиком пушкинских стихов, который бережно хранил и позже, в мирное время. На привалах он читал стихи Пушкина уставшим бойцам. Между боями урывками сам писал стихи. Более трёх десятков стихов привез он с фронта.

В марте 1946 года, после демобилизации, Михаил Михайлович приехал в г. Сенгилей Ульяновской области к своей жене Марии Дмитриевне, работавшей преподавателем в педагогическом училище. В 1953 году он заочно окончил Московский литературный институт имени А.М. Горького. Вскоре Михаил Небыков получил назначение на должность заместителя директора педагогического училища по заочному отделению и преподавателем русского языка и литературы. В этой должности он проработал 25 лет и в 1971 году по возрасту ушел на заслуженный отдых.

С 1947-го по 1962 год он возглавлял Сенгилеевское литобъединение «Истоки», был первым его руководителем. В 1960 году в Ульяновском книжном издательстве вышел сборник его стихов «Родные Жигули». В 1985 году в Приволжском книжном издательстве вышел второй сборник стихов: «Родниковая Русь».

В 1992 году в издательстве «Симбирская книга» вышел третий сборник Михаила Небыкова: «Дороги памяти военной».

Стихи поэта публиковались в журналах «Нева», «Волга», «Смена», в московском альманахе «Поэзия. 1985», во многих коллективных сборниках: «Передовая» (Саратов), «О чём поет народ России» (Москва).

Глубокий отпечаток на поэтическое творчество М.М. Небыкова наложила война. Он – поэт фронтового поколения, поколения победителей. Патриотизм в его творчестве органично переплетается с лирическими мотивами. Небыков был подлинным певцом волжских просторов.

Книга «Родниковая Русь» явно приобретает форму поэтического дневника. А поскольку фронтовая судьба по грандиозности и силе впечатлений, несомненно, перекрывает всю остальную жизнь, то и вся книга – сжатая скоропись войны, поэтическая летопись, свидетельство очевидца тех событий.

Дороги памяти военной
 В сердцах солдат отражены.
 Они,
 Как звезды во Вселенной.
 То спрячутся,
 То вновь видны.
 Видны на них машины,
 Пушки,
 Осколки минные видны.
 И даже детские игрушки.
 Огнем врага опалены.
 Видны воронки,
 Кучи пепла,
 Куски остывшего свинца,

В кювете лошадь,
 Что ослепла,
 Ждала смертельного конца.
 Кружась
 Над большаком в полете,
 Две «рамы»,
 Юркий «Ястребок»,
 Полвзвода сохранилось в роте
 За взятый штурмом хуторок.

Могилу бомбою разбита –
 И нет звезды,
 И нет креста...
 Да разве может быть забыта
 Дорог труднейшая верста!
 Михаил Михайлович прожил очень яркую, удивительную жизнь, но в то же время и невероятно трудную! 30 января 1997 г. его не стало.



ОСИПОВ
Сергей
Александрович
(1921 – 1996)

Родился 25 сентября 1921 года в с. Гладчиха Тереньгульского района Ульяновской области в крестьянской семье. Детство было холодное и голодное. В 1936 году семья переехала в Сенгилеевский район поближе к родственникам: сначала в с. Елаур, а в годы Вели-

кой Отечественной войны – в г. Сенгилей. С 13 лет Сергею пришлось с отцом после уроков работать в колхозе, но и в учебе он не отставал – все давалось легко.

В шестом классе Сергей начал писать стихи. Школу-семилетку в Елауре окончил с похвальной грамотой, без экзаменов поступил в Ульяновское русское педагогическое училище. Потом работал в Елаурской средней школе учителем рисования и черчения, старшим пионерским вожатым. Сергей Осипов мечтал получить высшее образование, печатать стихи в газете.

В апреле 1941 года юноша был призван Сенгилеевским военкоматом в армию и направлен в г. Киев на курсы младших лейтенантов. Но 22 июня «Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Через три дня недоучившиеся солдаты были уже на фронте в Западной Украине (Юго-Западный фронт) и оказались на самой первой линии огня. Винтовки выдавали только каждому третьему, а остальным не хватило, надо было самим добыть в боях. Об этом мы узнали из воспоминаний самого Сергея Александровича Осипова, из его фронтовой записной книжки.

Семья поэта хранит фотографии тех далеких времен. На одной из них молодой солдат, рядовой взвода управления в/ч 1641 Киевского особого военного округа, разведчик ГАП 372.

Все верили в скорую победу над фашистами, но все оказалось по-другому.

6-й и 12-й армиям Западного фронта пришлось принять на себя первые удары танковой армии Клейст и 17-й полевой. Во что бы то ни стало надо было сдержать наступление фашистов. Противостояние длилось с июня по сентябрь. Силы были нерав-

ные, но приказ держаться до последнего, не пропускать врага дальше был выполнен. Тем самым было выиграно время для мобилизации воинских частей и эвакуации заводов из Киева и Днепропетровска.

Многие тогда в боях погибли, а остатки армий вместе с командующими оказались в окружении, а затем в концлагерях военнопленных. Такая судьба постигла и Сергея Осипова. Он попал в Криворожский «Шталанг №338». Испытал на себе все ужасы фашистского плена. Об этом Сергей Александрович написал в своих солдатских воспоминаниях, которые впервые были напечатаны уже после его смерти к 70-летию Победы в местной газете «Волжские зори» и в книге «Меня поэтом сделала война». В этом концлагере Осипов провел 500 дней и ночей, перенес голод, холод, тиф, дизентерию. Пережил смерть многих товарищей и чудом выжил.

В воспоминаниях описаны все издевательства фашистов над пленными. Мы узнали, что спас нашего солдата земляк. Осипову повезло, что рядом с ним оказался его друг, учитель из Шиловки Виктор Королев. Он не верил, что Сергей Александрович умер, и отыскал друга в сарае среди мертвых тифозных, а потом выходил.



С.А. Осипов. Солдатский вещмешок.
 Рисунок Демина Дмитрия

С украинцем Иваном Ивановичем Донцом Сергей Осипов бежал из плена на его родину. Они хотели попасть к партизанам, но не получилось, нарвались на полицаев. Их вместе с украинской молодежью повезли в Германию. Этого нельзя было допустить. Снова побег. Снова попались полицаю, но тот оказался комсомольцем, отпустил. Оказалось, что он спас многих военнопленных. Удалось все-таки добраться до своих.

Их направили в действующую армию в состав 7-й отдельной истребительно-противотанковой бригады. С.А. Осипов принимал участие в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Сербии, Югославии, Хорватии, Венгрии, Австрии. Был разведчиком, связистом, работал в штабе полка. За боевые заслуги он награжден орденом, медалями, имеет 13 благодарностей Верховного Главнокомандующего генералиссимуса товарища Сталина.

День Победы Сергей Осипов встретил в Австрии. 8 мая 1945 года их бригада 419-го истребительно-противотанкового полка 7-й Отдельной Краснознаменной ордена Александра Невского бригады РГК после семидневных ожесточенных боев освободила столицу Вену, а 9 мая было передано сообщение о капитуляции Германии, о том, что войне конец.

Все кричали: «Победа! Ура! Победили!» Начался настоящий салют! Солдаты и офицеры целые диски из автоматов и пулеметов разрядили в небо! Русские воины и жители Вены обнимались, плакали, целовались, благодарили как могли освободителей.

На сайте Российского военного архива мы нашли документы об Осипове Сергее Александровиче. Это приказы о награждении медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу» с описанием подвигов. Об этом семья Сергея Александровича узнала недавно. Для него это были обычные военные дела.

Вернулся Сергей Александрович в Сенгилей в октябре 1945 года. Сбылись его мечты о высшем образовании, о книгах стихов, о хорошей семье. Дальше была пятидесятилетняя трудовая история, тоже достойная многих наград.

С января 1946 года по 31 июля 1946 года С.А. Осипов работал учителем рисования и черчения в Сенгилеевской средней школе №1, готовился к поступлению в институт. Литературный факультет Ульяновского учительского института окончил с отличием в 1948 году, получил назначение в Сенгилеевское районо на должность школьного инспектора. Работая здесь, окончил еще литературный факультет Ульяновского государственного педагогического института.

С 1953 года начал работать в Сенгилеевской средней школе №1 учителем русского языка и литературы и завучем. В январе 1966 года был переведен на должность заместителя директора по учебно-воспитательной работе и преподавателя русского языка и литературы в Сенгилеевское педагогическое училище, где работал 16 лет до выхода на пенсию в 1981 году.

Это был талантливый педагог, влюбленный в свою профессию, литературу и поэзию. Вдохновенно писал стихи. Они печатались во многих коллективных сборниках, в центральных, республиканских, областных и районных газетах и журналах.

Вышли у Сергея Осипова и собственные сбор-



С.А. Осипов. Букет сирени. Рисунок Некрасовой Ксении



С.А. Осипов. Соловей. Рисунок Каргиной Валерии

ники стихов: «Все это ты, моя Россия», «Память сердца», «Знаки беды», «Свет высокой звезды».

С 1962 по 1996 годы Сергей Александрович руководил районным литературным объединением «Истоки», помог многим авторам получить признание. Награжден медалью «За доблестный труд».

Лучше всего С.А. Осипову удавались стихи, в которых он изображал родную природу, к которой навсегда прикипел любящим сердцем.

Близкие берега

Я живу у самой кромки Волги

В старинном русском городке.

На берегу стоит моя светелка,

И сад мой тянется к реке.

Зимой и летом при любой погоде

Мне Волга и мила, и дорога.

Люблю я с детства пароходы,

Люблю окрест родные берега.

Вот предо мною две горы, как уши,

Две меловых, покрытых ковыльком.

Причал в заливе с вывеской «Криуши»,

И словно гость, встречается здесь «ОМ».

И это все земля моя родная,

Ее одежды и ее лицо.

Мила мне здесь былинка луговая

И каждое над Волгой деревцо.

Не менее красиво и доходчиво он писал стихи для детей, которых он безмерно любил.

Мы работали в лугах,

Была радуга-дуга.

Кто за грабли, кто за вилы.

Мы старались, что есть силы.

Мы сгребали сено в кучки,

Все боялись черной тучки!

Папа вилами те кучки

Поднимал на стог, как тучки.

Туча скрылась за горой,

Вырос стог – и мы домой.

Самой потаенной и больной для С.А. Осипова была тема о Великой Отечественной войне. Пройдя все ужасы войны, он вспоминает в своих стихах друзей и сослуживцев, не вернувшихся домой, воспекает нелегкий труд санитарки, описывает радость

старушки в румынском освобожденном от фашистов селе, слезы матерей и вдов, потерявших своих близких людей. Он и сам в годы войны положил на алтарь Отечества свое здоровье и не жалел своей жизни.

Солдатам войны посвящены такие строки:

В огне не горели, в воде не тонули,

А время настало – под пули шагнули.

Нас в песнях воспели, в бронзе отлили.

Легенды расскажут, какими мы были.

Десятки лет Сергей Александрович Осипов писал стихи в стол и не решался их печатать. Понадобились годы, чтобы собрать лучшие произведения и издать небольшой сборник стихов. Взыскательность к себе, строгость и критическое отношение к собственному творчеству удивительны.

Сергей Александрович никогда не думал о себе, потому-то и стал незабываемым для других.

День Победы 1996 года стал для С.А. Осипова последним.

В 2000 году на здании дома, где жил Сергей Александрович, установлена мемориальная доска в память о поэте.

В 2015 году к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне была издана книга о жизни С.А. Осипова «Меня поэтом сделала война». В ней представлены ранее не изданные стихи, сохранившиеся фронтовые заметки из записной книжки военных лет.

Нынешней зимой мы с учениками 3 «Б» класса гимназии №65 г. Ульяновска, где я работаю, отправились в Сенгилей, чтобы встретиться с семьей Сергея Александровича Осипова. Интересной и познавательной получилась беседа с дочерью поэта. Наталья Сергеевна рассказала, что у Сергея Александровича была мечта: он хотел, чтобы дети рисовали иллюстрации к его стихам.

Мы с учениками решили осуществить эту мечту. Результатом большой работы стал альбом со стихотворениями Сергея Осипова и Михаила Небыкова и иллюстрациями учащихся нашего класса к их стихам. Этот альбом можно использовать на уроках и внеклассных занятиях.



ВО МНЕ ТЕЧЁТ ГЕРОЕВ КРОВЬ

Союз профессиональных писателей
Чувашской Республики

Год Памяти и славы в России – еще один повод вспомнить героические страницы нашей истории, рассказать о подвиге отцов и дедов молодому поколению. Более 208 тысяч уроженцев Чувашии ушли на фронт, и половина из них не вернулась. Мы в неоплатном долгу перед всеми, кто ковал Победу в тылу и на фронтах войны. Современные писатели Чувашии, конечно, не были на войне сами, но кровь героев течет в нас, и не писать об этом мы не имеем права. Мы помним рассказы отцов и дедов, гордимся их ратным подвигом и хотим, чтобы наши дети и внуки помнили о нашей Победе.

Сегодня Союз профессиональных писателей Чувашии – сплоченное сообщество литераторов, в которое входит 131 поэт, прозаик, драматург. Сегодня мы хотим познакомить читателей с некоторыми из них. Среди авторов этой тематической подборки стихов есть и именитые поэты, и те, кто только в начале творческого пути. Желаем вам приятного прочтения.

*Лидия ФИЛИППОВА,
председатель правления Союза профессиональных писателей
Чувашской Республики*

Юрий СЕМЕНДЕР

РАЗГОВОР МАТЕРИ С ПАМЯТНИКОМ СЫНУ

Дорогой мой сынок,
Ни за что не поверю,
Что навеки заснул ты
В чужой стороне.
По ошибке писалось
О горькой потере –
Ведь такое бывало
Порой на войне.
Тридцать лет...
Тридцать лет
Ты на страже Отчизны.
Я тебя хорошо понимаю, сынок;
Твой отец отдал армии
Лучшее в жизни –
Весь в отца,
Ты без армии просто не мог.
Из родимой деревни
Ты утром погожим
В неизвестность ушел
Восемнадцати лет...
Ну пойдем же домой!
Жить без дома негоже,
Повидай земляков,
Забывать их не след.
Не хвалясь, говорю:
Жизнь колхозная наша
На подъеме крутом.
Перемены кругом.
Дом теперь у нас новый –
Как полная чаша.

Справим свадьбу,
И счастьем наполнится дом.
Для тебя и невесту,
Сынок, присмотрели:
Синеокая,
Тонкой березки стройней,
В разговоре мила,
Расторопная в деле,
В хороводе увидишь –
Потянешься к ней.
В сундуке плотно
Бережется льняное:
К нам сноха по нему
Церемонно пройдет.
Будут горы закусок
И пиво хмельное,
Будет пир на весь мир –
За тобою черед.
Что ж, сыночек, молчишь,
К новостям безучастен?
Даже матери ты
Не сказал ни словца!..
Ты стоишь на посту
И хранишь наше счастье,
Верен долгу солдатскому
Ты до конца.
Дорогой мой сынок,
Ни за что не поверю,
Что навеки заснул ты
В чужой стороне.
По ошибке писалось
О горькой потере –
Ведь такое бывало
Порой на войне.

Перевод Ивана Смирнова

Виктор ОВЧАРОВ

ПОСРЕДИ ВОЙНЫ МИРОВОЙ

Посреди войны мировой,
Зябко кутаясь в хлам одежды,
Мальчик спит на земле сырой –
Воплощенье любви и надежды.
Пахнет кровью горячий дым.
На корню догорает жито.
Мальчик спит, потому что им –
Ничего ещё не прожито.
Ничего ещё. Ничего!
Кроме страха, тоски и боли.
Сторожит хрупкий сон его
Одиноко былинка в поле.
В беспредельном поле войны
От него она смерть отводит.
Мальчик спит. Мальчик видит сны,
Где ни мать, ни отца не находит...
Тонко время свистит в ушах.
Мальчик спит, чуть раскинув ноги,
Точно делает новый шаг
По военной своей дороге.
Вопреки войне мировой,
На лохмотьях бывшей одежды,
Мальчик спит – не убитый, живой! –
Воплощенье любви и надежды.

ПАЛ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ

Мир полыхал. А посреди дорог
Стоял старик. Глаза блуждали в поле.
– Ты кто такой? – его спросила пуля.
– Убей меня, – ответил он, – я – бог.
Что пуля – дура, ведомо давно,
Кого убить, нет для неё разбора,
Убила бы и бога заодно
В безумии вселенского разбоя.
Но встал солдат. И молча старика
Собой прикрыл. Зеленоглаз и светел.
И пал по-русски в пепел. И рука
В тоске последней зачерпнула пепел...
Пожар слезой Россия залила,
В душе окаменив живую муку,
И мир зацвел!
И позабыв науку
Ввергавшего его в погибель зла.

Лидия ФИЛИППОВА

ПОБЕДА

Вытирает слезы ветеран.
Не проходит рана горькая войны.
Рядом нет друзей-однополчан,
Заросли могилы зеленью травы.

Не забыт тот последний бой,
Где пули сразили друзей.
И со встречи той роковой
Прошло будто несколько дней.

Не тоскуй, не горюй, ветеран,
Память в сердце своем береги:
И друзей, и военных ваш стан...
От судьбы хоть беги – не беги.

Вытирает слезы ветеран.
Не проходит рана горькая войны.
Рядом нет друзей-однополчан,
Заросли могилы зеленью травы.

Не забыты, не забыты те года,
Не забыть и тех смертельных дней.
Пусть же будет в памяти всегда
День Победы – праздник всех людей.
Этот день священным станет пусть,
Вызывает в сердце радость он и грусть.

Светлана ГОРДЕЕВА

ВДОВА СОЛДАТА

В маленькой ветхой избушке
На краешке села
Тоненькая старушка
Тихо себе жила.
Мужа она схоронила,
Деток не нажила.
Тихо так в дом входила
Тонкая, как игла.
Утром она молилась,
Выпив стакан воды,
Чтобы опять не случилось
Той проклятушей войны.
Только свадьбу сыграли,
Только сняла фату,
Мужа на фронт забрали,
Ждала его всю войну.
Не верила похоронке,
Ждала, проглядев все глаза.
Вернется к родимой сторонке,
Ведь ей без него нельзя.
Так и состарилась, глядя
На горизонт полей.
Только охрипшее радио
Днем говорило с ней.
Только одна фотография,
Тусклая, на стене...
На которой она все гладила
Мужа по голове.
И для чего ты, милая,
Жизнь свою прожила?
Стала тебе могилою
Старенькая изба.
Жила она мужниной тенью
И хлеб пекла на двоих,
И был каждый божий день её
Общей судьбою их.

2015

ПОБЕДА

Когда Победа светом озарила
Измученные лица и война
Сдалась, ушла, исчезла, отступила...
На белый свет опять пришла весна!

Эту Победу люди так ждали,
Верили, жадно считая дни.
Каждой атакой её приближали,
В каждый поход за собою вели!

Спасибо, солдат, за радость свободы,
Спасибо за мирное небо Земли.
Пусть помнят народы и страны Европы
О тех, кто отдал жизни свои!

О тех, кто ковал Победу в бою,
Сражаясь отважно с врагом.
И кто не оставил землю свою
Под вражеским сапогом.

Николай ЛАРИОНОВ – ЙЕЛМЕЛ
(г. Ульяновск)

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Сквозь огонь и дым солдат Степан
В бой идёт под пулями врагов:
Путь ему на запад свыше дан,
Двигает им Победы страстный зов.
Шаг за шагом, стиснув зубы, он
В лица фрицам шлёт свинцовый град
И, сминая вражеский заслон,
Обещает им кромешный ад.
«Нет, не победить вам наш народ,
Мы на битву трусов не берём:
Сколько рота крови ни прольёт,
Всё равно мы Гитлера добьём!»
Остановок не было весь день,
Раскалился автоматный ствол...
У реки солдаты – как мишень,
И вода от крови – как рассол.
Но велик напор, и враг бежит,
Наши на плотях вперёд плывут,
И Степан неистово кричит:
«Скоро, скоро Гитлеру капут!»
А за переправой – яр крутой,
Лезут вверх бойцы на склон горы:
Фрицам не сдержат солдатский строй,
Танки их пылают, как костры.
Скалит зубы гитлеровский кат,
Превращаясь в бешеного пса...
Передёрнул воин автомат:
«А Берлин-то рядом – три часа!»
Но шальная пуля в этот миг
Смелому бойцу вонзилась в грудь:
И не боль, а рок его настиг,
Сердце опалило – не вздохнуть...
Гаснут силы, кровь из-под ребра,
И сползая медленно в бурьян,
Слышит он приятеля Петра:
«Ты чего, земляк? Вставай, Степан!»
«Нет, мой друг, уже не встану я,
Жар внутри – как в топке очага...
Кончилась сегодня жизнь моя,
Без меня добьёте вы врага.
Не сберёг себя, обидно мне,
Мать за это пусть простит, любя...
Знаешь, на войне как на войне:
Или ты убьёшь, или тебя.
Пусть земля мне пухом будет здесь:
Грудь горит, и жажда сушит, что ж...
Верю: сквозь войны взрывную смесь
Ты до дома отчего дойдёшь.
Друг, прощай... На вражеской земле
Остаюсь я среди чужих полей...
Ждут с Победой нас в родном селе,

Что ж ты скажешь матери моей?
Землякам, в объятьях и слезах,
В этот день поведай быль мою:
На чужбине мой остался прах,
Но душа – навек в родном краю...
Я мечтал соху в руках держать,
Жить, любить, молясь на образа,
А придётся вечно здесь лежать:
Друг, прости... Слипаются глаза...»

*Перевёл с чувашского
Николай Марянин*

Светлана БЕРЕЗКИНА
ЗА ВСЕХ ИВАНОВ

О память сердца, не угасай!
Куда мне деться? Боль через край!
В свои бокалы нальем вина
За всех Иванов! До дна! До дна!

В них – наша совесть
И наша честь.
А полегло их –
Не счесть, не счесть.

Судьбы печальной
Победный след.
Всё это было.
Их с нами нет.

Свет звезд потух
Над головой.
А их все ждут
И ждут домой.

Скупые слезы
Сотрем с лица.
За всех Иванов
Пьем до конца.

За ту Победу
И над собой.
Горят награды.
Жизнь – вечный бой.

Нет, слов не надо.
Не надо слов.
За всех Иванов!
За всех отцов!

НЕВЫПЛАКАННЫЕ СЛЕЗЫ

Послужной твоей читала список.
Про тебя узнавала, отец.
На страницах его без приписок
Я пишу тебе: «Молодец!»

Политрук минометной роты,
Воевавший на трех фронтах,
В боевых орденах. А вот ты –
Сильно раненый, в госпиталях.

Тот осколок войны под сердцем
Довелось до смерти носить.
В сантиметре от сердца наследство
Боевое. Ну, как позабыть?

Лишь доверюсь случайному ветру,
Крикнув: «Знаешь, а жизнь он любил!»
Тишиною теперь не согреться,
Он меня на руках носил.

Часовую теперь отныне
Мне стоять на семи ветрах.
Для детей о нем память – святыня,
Отраженная в их глазах.

Людмила ИСАЕВА-ЮШКОВА

ПАВШИМ

Как им хотелось вернуться,
В город вернуться свой,
Пройти по родимой улице
И постучаться домой.

Чтоб выбежали, встретили:
Слезы и радостный смех,
Чтобы сразу медаль заметили
И восхитились все!

Как им хотелось к матери,
Чтобы её обнять
И за столом с чистой скатертью
Ей обо всем рассказать.

Как им хотелось выспаться,
Выспаться, наконец,
И чтоб не земля, что сыпется,
А разбудил чтоб отец.

Как им хотелось вернуться,
В город вернуться свой...
Вернулись названьями улиц,
На обелисках – строкой.

СТАРШИМ

*Медсестре фронтовой авиации
Ксении Прокопьевне Редьковой 1917 г.р.*

Она глядит из-под руки, волнуясь,
И рев моторов – самый милый звук,
Который возвращает её в юность,
С которым оживает все вокруг.

Война... Она летает медсестрою,
С пилотами, израненных возя.
Девчонке с темно-русою косою
Спасать от смерти выпала стезя.

В беспомощности они стонали: «Мама...»
Она склонялась успокоить их.
Была тогда для них родною самой,
Работала, стараясь, за двоих.

И в дело честно вкладывала душу,
Не досыпая часто по ночам.
Сестричка Ксения, а по-простому Ксюша,
Она была примером ярким вам.

Над городом «стрижи» взмывают гордо,
Сверкая в небе чистым серебром.
С земли за ними наблюдает, твердо
Держа ладонь, она в саду своем.

Ей больше ста сегодня! Это чудо,
Что медсестра вполне себе живет.
За тех ребят, спасенных ей оттуда,
За каждого добавлен жизни год!

Теперь сидят в кабинах её внуки,
И почерк славных асов ей знаком:
Крыло в крыло, руль крепко держат руки,
Чтоб с честью защищать и родину, и дом!

Людия КУБАШИНА

* * *

Семьдесят пять! –
Был жестоко намечен
путь сквозь войну –
в неуверенность дней...
Пусть же звучат
здравные речи
и слов торжественных
льется елей.
Май ваш победный
стынет в граните
вечным итогом
тех искренних лет.
Годы в руках,
как винтовку, сожмите,
пусть будет долгим
вам солнечный свет!

* * *

Архивные листки...
Вдруг ставшие живыми
Слова, проросшие сквозь семь десятков лет.
Святые письма солдат моей России,
Кровавые, от ран и от знамен побед.
Размыты временем, почти не различимы,
На сгибах стертые, перечитаны не раз.
В них сила, вера в жизнь – неистребимы.
На память вечную потомкам дан наказ.
Дрожат меж пальцев, шепчут удивленно,
Для них так и не кончилась война...
Преклоним головы и вспомним поименно
Солдат, чья жизнь в Победу вплетена.

Валерий МЕЛЕЩЕНКО

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ

Давно окончилась война,
И в небе птицы белые,
Не забывайте, что она,
Подлая, наделала.

Строй ветеранов, ордена,
Седины снежно-белые,
Они-то знают, что война
Подлая наделала.

У обелисков тишина,
Печаль окаменелая.
Не забывайте, что война
Подлая наделала.

НЕЛЬЗЯ ОТЧИЗНЕ БЕЗ СОЛДАТА

Служить шли в ратники всегда,
Оберегать от супостата.
Ведь, если вдруг придет война,
Нельзя Отчизне без солдата.

Мы знаем, что несет война
И гул тревожного набата.
А кровь людская – не вода,
Нельзя Отчизне без солдата.

За годом год идут года
И служат новые ребята.
Служить шли в ратники всегда,
Нельзя Отчизне без солдата.

Андрей РАСТВОРЦЕВ

ПОД ЗАПАДНЫМ НЕБОМ

Под западным небом низким
Дедам моим обелиски
Да братских могил поляны –
По кругу чужие страны...

И там далёко, далёко
Дедам моим одиноко.
Легли они в землю глубоко
До срока легли, до срока...

Под низким и чуждым небом
Не ставят им рюмок с хлебом
С поджаристой хрусткой коркой –
Там горько дедам моим, горько...

И им не уйти в покосы,
Где русских берёзок косы;
На чистом резном крыльце
Не встретить им русский вечер...

Под западным небом низким
Дедам моим обелиски –
Давайте же молча встанем
И наших дедов помянем...

Валерий ГОЛЕВ

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

В России с детства слышат о войне.
Её участников и вдов мы знали,
Кино смотрели, много книг читали.
Рассказы дедов памятны вдвойне...

Народа подвиги в крови у нас,
А память генетическою стала.
Марать её потомкам не пристало,
Чтоб вновь не повторился грозный час!

Чтут память о войне в любой семье,
Хранят её архивы и легенды.
И фотографии с георгиевской лентой
Вновь в мае разольются по стране.

Пусть память сохранит поэтов слово –
О сорок пятом всем напомним снова!

Валентина БЕЛОВА

БАБУШКИНА ШАЛЬ

Пустошь старого комода
Въелась в бабушкину шаль,
Словно горести и годы.
Выбросить её – да жаль!

В этой шали бабка, видно –
Только к празднику да в Храм.
И бывало ей обидно:
Новое – не по деньгам...

Шаль досталась ей от мамы.
(Той не стало в пятьдесят).
Кисти шали, словно шрамы,
Узелки её хранят.

Вот на фото – по старинке –
В этой шали её мать.
Так, обычная «козлинка» –
Где в деревне лучше взять?

В этой шали за дровами
Не ходили – берегли.
На Победу уповали,
Не свечу – лучину жгли.

Всё продали, что возможно:
Юбку, валенки, жакет:
Похоронка подтвердила,
Что кормильца больше нет.

За ведёрочко картошки –
Ситца нёбовый отрез...
В доме – лишь пустые плоски,
Ртов – полно, хоть в петлю лезь.

Двадцать три вдове всего-то.
Дети, свёкор, мать, отец...
Выйти на люди охота,
Вроде жизни не конец...

Только в праздник воскресенья
Доставала бабка шаль.
Детства чудные мгновенья!
Не вернуться в эту даль.

Как сейчас, я вижу бабку
В этой шали, всю в снегу...
Нет! Хватаю шаль в охапку.
Память – бросить не могу!

Постираю. Отутюжу
И как скатерть расстелю.
Старый самовар – от стужи,
Чаю с мятой заварю.

Будто собралась за чаем
Вся огромная семья!
Чай, как в детстве, разливаем
В чашки – бабушка и я.

НЕ ЗАЖИВАЕТ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Сергей ГОРОБЦОВ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

В строю...
Я в колонне шагаю в «Бессмертном полку».
Стою...
И пробел заполняю, как знаки — строку.
И огонь не дает мне остыть,
И бойцов не дает позабыть,
Что шагают со мною в бессмертном строю.

О где...
Где начало начал, нашей жизни исток?
Где те,
Что закончили жизни в назначенный срок?
Кто-то верит в фатальность судьбы,
Только те, кто погиб — не рабы!
Верю свято, кто в душах их пламя зажег.

Окно...
В кроне старой рябины поет соловей...
Темно...
А он трели выводит о жизни моей.
Он укрытие нашел под листом,
Дождь и ветер ему нипочем.
И Творца прославляет он в песне своей.

Давно...
Детства ранние вспомнились дни, сенокос...
Смешно...
А тогда было больно, обидно до слез.
Все друзья побежали к реке,
Строят замки в прохладном песке.
Мне же строгим отцом уготован покос.

О как!
В пекле медленно время под солнцем течет...
Вот так.
И во рту пересохло, и темя печет...
И мечталось о ранней росе,
И о бликах зори на косе,
О реке, что прохладу куда-то несет.

Отец!
Почему ты так мало со мной говорил?
Творец!
Что все создал вокруг и предопределил.
Кто в последний отправился бой,
Безвозмездно жертвой собой
Пал! Кто сердце отвагой его напоил?!

Прости,
Что я многих вопросов тебе не задал.
Виски...
Незаметно так запорошили года...
Эта жизнь пролетела как сон...
И мне кажется, рядом, вдвоем,
Снова косим и косим мы с ним, как тогда...

В строю...

Татьяна ЭЙХМАН, р.п. Карсун

ЧАЙ С БЕССМЕРТНИКОМ

Тьма и ветер. Не плачу в подушку,
Разжигаю в голландке огонь.

Заварю-ка бессмертника в кружку!
Кипяток
согревает ладонь,

Только есть
ли бессмертье — не знаю,

Просто пью обжигающий чай,

У окна я тебя
окликаю,

Ты мне весточку как-то подай.

Помнишь, как мы тебя провожали?

Одногодки вернулись назад.

Смежу веки —
ты машешь за далью,

Распахну —
умирает закат.

До сих пор твоя мама невесткой

Меня, в
улице встретив, зовёт.

...Всхлипнет форточка
громко и резко,

Заалеет в золе
уголёк.

ЗАЩИТНИКАМ КРОНШТАДТА

Прощались мы под хмурым ветром
На тёмном волжском берегу,
Сказала мне: «Ни миллиметра
Ты не отдай, мой друг, врагу!»

Пуржила ночь свинцом крылатым,
Швыряла снегом ледяным,
В шинелях выцветших солдаты
Вставали, шли вперёд сквозь дым.

Я чувствовал, твоя молитва
Теплом лампадного огня
Летела! Но со злом отлитый,
Разрывом смерч скошил меня...

Сначала тёплой, сладковатой
Сочилась кровь из ран моих,
Вмерзал я в серый лёд Крондштадта,
Чтоб прикрывать собой живых,

Оттаяв под весенним ветром
Упал лицом на запад я,
Врагу не сдал ни миллиметра,
Избавив дом твой от огня...

Сергей ШАТИН, р.п. Языково

ОТЕЦ

Ты в народном театре, я помню, играл,
Песни пел ты со сцены когда-то.
Каждый вечер ты ногу свою бинтовал,
Не зажившие раны солдата.
Ты рассказывал, как осыпалась земля
Когда танк проезжал над тобою.
Как горели повсюду родные поля,
Повинуясь жестокому бою.
Уничтожить десант автомат не забыл
На броне у фашистского танка.
Из орудия залп ты в ответ получил,
Орден Славы, лечение, гражданка.
А потом тридцать лет ногу ты бинтовал,
И война тебя не отпускала.
Каждый день тридцать лет ты её вспоминал,
По пятам за тобою шагала.
Никому не нужна эта встреча с войной,
Но однажды вы вновь повстречались.
И тебя поманила она за собой
И за теми, что в поле остались.
Ты себя не жалел, был веселым всегда
И шутил очень часто. Смеялся.
Мой отец, не забуду тебя никогда,
Ты живым в моем сердце остался.

Галия ПРОНИНА, р.п. Павловка

БАЛЛАДА О ПЕСНЯХ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Ярче и душевнее нет
Песен далёких военных лет.
Они – как знамёна, они – как набат,
В бои за Отчизну шёл с ними солдат.

В священной войне поднялась наша рать
С фашистской проклятой ордой воевать.
Как колокол, песни звучали слова:
Вставай, поднимайся, родная страна!

И шёл наш солдат по дорогам войны,
Не зная преград, шёл и ночи, и дни,
Шёл, слёзы глотая, теряя друзей,
Шёл, землю спасая, Отчизну, детей.

А в тесной печурочке бился огонь,
И пела солдату в землянке гармонь.
Всем вьюгам назло пой, гармонь, говори
О милых глазах, негасимой любви!

Забыв о войне, замирали бойцы,
А в вальсе старинном вздыхали басы,
Под звуки гармоники каждый молчал,
О чём-то своём, дорогим вспоминал.

Забравшись подальше к себе в уголок,
Вот кто-то достал из шинели платок.
За синий платочек, что носит с собой,
Строчит пулемётчик в страде боевой.

Летит в дом родной треугольник письма,
Солдат написал: «Я вернусь, жди меня».

И он возвратился, из пепла восстал,
Он выжил, солдат, хоть сто раз умирал!

Нет, эти дороги забыть нам нельзя,
Остались в полях боевые друзья,
Где вороны кружат, где пыль да туман,
Да пули свистят, да разросся бурьян.

И пусть соловьи не тревожат солдат,
Пускай перед боем солдаты поспят,
Ведь завтра опять потечёт кровь рекой,
И будет последний, решающий бой.

За рощей в дыму догорает закат,
От взвода осталось лишь трое ребят.
В бессмертье шагнули погибшие те
На безымянной родной высоте.

По снежным сугробам в метели и град
Шли наши бойцы защищать Сталинград.
А сколько осталось лежать там навек,
Упав на горячий и пепельный снег!

Но вот наконец День Победы настал,
О нём каждый миг каждый воин мечтал.
И радость, и слёзы у всех на глазах,
Блестит седины белый снег на висках.

Объят тишиною Мамаев курган,
Жертвы войны похоронены там.
И вечно с главою поникшею мать
Упорно сыночка с войны будет ждать.

На братских могилах не ставят крестов,
К ним кто-то приносит букеты цветов.
Увы! Велика той Победы цена...
Ты жив, фронтовик? Так надень ордена!

Пусть нам журавлей белокрылых полёт
Напомнит о тех, кто уже не придёт.
У Бога молю я, прошу тишины,
Чтоб не было больше на свете войны.

Тревожнее и душевнее нет
Песен далёких военных лет.
Они – как знамёна, они – как набат,
В бои за Отчизну шёл с ними солдат.



ЧЕРЕМШАН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ГОРОДЕ

Литературно-музыкальный фестиваль «Поэтический город», посвящённый 15-летию писательской организации «Слово», продолжает знакомить земляков с творчеством местных писателей.

Этой весной большой зал культурно-выставочного центра «Радуга» вновь объединил авторов и читателей на поэтическом вечере двух именитых димитровградских писателей, подаривших городу много замечательных книг: Е.С. Ларина и А.Г. Беловой. Поводом стала презентация книги Александры Беловой «Навсегда мне Россия дана», за которую Александра получила Межрегиональную литературную премию им. Н. Благова.

Александра Георгиевна и её коллеги вдохновенно читали стихи, посвящённые Димитровграду, природе живописной деревни Лопата, где прошли чтения в честь 200-летия Ивана Гончарова, Черемшану, горячо любимым детям и людям, с которыми поэтесса встретила на дорогах необъятной России. Благодаря лиричному голосу акустической гитары Сергея Сальникова, аккомпанировавшего поэтессе, литературно-музыкальные композиции живительной силой вливались в души и сердца слушателей.

Настоящим событием стало выступление фронтového корреспондента, писателя, журналиста, краеведа, члена Союза писателей России, почётного гражданина Димитровграда Евгения Степановича Ларина.

С замиранием сердца, в полнейшей тишине димитровградцы внимали сильному звучному голосу настоящего поэта, повествовавшего о подвиге русских солдат и тружениц тыла в годы Великой Отечественной войны.

Впечатления участников встречи

Зинаида Фадеева: *«Мне посчастливилось воочию познакомиться с легендарным мелекесским поэтом Е.С. Лариным, услышать в его неподражаемом исполнении стихи, звучащие высокой силой жизни! Благодаря Евгению Степановичу я вспомнила моего дорогого папу, который привил мне любовь к поэзии. В детстве зимними вечерами он читал нам книги, газеты, журналы. Мы умолкали и тихо, с вниманием слушали. Читал папа интересно, художественно. Он был для нас театром у микрофона. Папа выписывал районную газету «Знамя труда», «Ульяновскую правду», «Правду», «Звезду», «Сельскую жизнь», «Комсомольскую правду», журнал «Крокодил», «Вокруг света», «Роман-газету», «Новое время», а для нас, детей, – «Весёлые картинки». Он часто декламировал Е.А. Евтушенко, В.М. Шукшина, П.Л. Проскурина, Е.С. Ларина...»*



11 марта в культурно-выставочном центре «Радуга». Слушаем Е.С. Ларина.
Фото Р. Кашкировой

Е. Ларин



11 марта в культурно-выставочном центре «Радуга».
Е. Ларин, А. Белова, Р. Кашкирова, Н. Сучкова.
Фото В.Т. Комлева

Кристина Гришкина: «Стихи димитровградских поэтов написаны жизнью, они – о мелочах бытия, составляющих великое ВСЁ нашего существования. Это история нашего народа: настоящая, неподкупная, прожитая самими авторами. Это то, что стоит читать детям, чтобы знали, чтобы помнили...»

Стихи Е.С. Ларина – это живое свидетельство событий Великой Отечественной войны, они написаны горячим сердцем воина, поэта и адресованы каждому из нас.

«Чтобы память о смертных
Бессмертной была
И в умах, и в сердцах,
И в делах, и в стремленьях,
Чтоб к солдату тропа
Зарости не могла
Ни травой-сорняком,
Ни травой забвенья.
Равнодушие губит
И память, и жизнь.
Равнодушие тоже токсично,
Как стронций.
С равнодушьем всех стран
Начинался фашизм,
Крематории зла
Раздувая под солнцем».



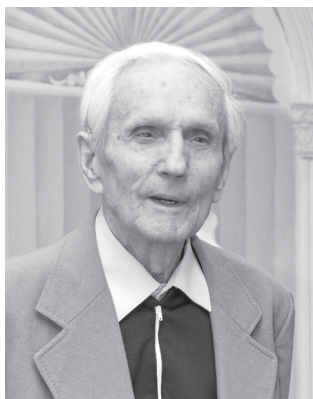
Слева направо А. Кобелев, К. Гришкина, Е. Ларин
Фото В.Т. Комлева



Писатели «Слова» в культурно-выставочном центре «Радуга»

Совсем юным читателям автор сердечно желает:

«Ну что же, растите,
Читайте, ребята.
Пусть будут безоблачны
Ваши года.
Вчера на войне
Умирали солдаты,
Чтоб вы не узнали
Войны никогда».



Евгений ЛАРИН, поэт, участник Великой Отечественной войны, член Союза писателей и Союза журналистов России.
Живет в г. Димитровграде

НА ОГНЕННОЙ ЧЕРТЕ

Фото В. Комлева

БЛОКНОТ

Целы немногие страницы,
Но до сегодняшнего дня
Мой фронтовой блокнот хранится
Средь документов у меня.
Он был всегда везде со мною
В дни моих будней огневых:
В пути на фронт, на поле боя
И в час привалов фронтовых.
Полуслова, слова и даты
Как вехи жизни боевой.
Я роюсь в памяти солдата,
Вдыхая дым пороховой...
Ах, память, память,
Ты как море,
Тебе ни дна, ни края нет.
Ах, сколько горечи и горя
Ты вобрала за столько лет!
...Грохочет вражья канонада,
Пылает зарево огня,
И рвутся мины и снаряды –
И всё в меня, в меня, в меня!
Гремят орудия и танки,
Весь горизонт заволочено.
Траншеи, дзоты и землянки...
Нет, ничего не заросло.
Мои окопные страницы –
Частица жизни фронтовой.
И вспоминается, и снится
Сорок четвёртый грозовой.
Я всё ещё в стрелковой роте,
Я всё по-прежнему в строю...

Я роюсь в огненном блокноте,
Листая молодость свою.

ВОЛЖАНКА

Вновь с почтальоном батальона
К нам сумка с письмами пришла.
Мы окружили почтальона,
Как чрезвычайного посла.
И раздалось:
– Кадыров. Спичкин.
Багдасарян. Дончак. Рубцов...
Как на вечерней переключке
Звучат фамилии бойцов.

Все пятьдесят четыре глаза
На почтальона брызжут свет.
Кому письмо,
Кому два сразу,
А мне по-прежнему всё нет.
Шуршат листы – и стало тише,
Как будто нет вокруг войны.
И вдруг своё я имя слышу
С повозки бати-старшины.

Спешу на зов.
– Где пропадаешь?
Забыл, что в баню взвод идёт?
Ты что бельё не получаешь? –
И хмуро свёрток подаёт.
И виновато, и сутуло
Я замер перед старшиной.
Рубашка тёплая пахнула
Домашней свежей белизной.

И не успел я удалиться,
Гляжу: на крае рукава –
«Привет, боец!
Бей крепче фрицев!»
Синеют чёткие слова.
Гляжу на эти строки в оба,
И прояснился хмурый день
От слов: «Ульяновская область.
Р-н Карсунский. Б – Урень»
А ниже: «Ева Ильичёва».
И тут же в скобках: «Напиши».
И всё. И более ни слова.
И всё так просто. От души.

Я без конца друзьям-солдатам
Твердил, волнуясь, допоздна:
– Мне не бельё –
Письмо, ребята,
Сегодня выдал старшина.
И жарко сделалось в землянке,
И озарял мне душу свет.
Ведь мне, волжанину,
В о л ж а н к а
Прислала с родины привет!

Ну а друзья острили долго,
Такой им повод дал я сам:
– Да-а, плохо,
Ева-то на Волге,
А ты – в Прибалтике, Адам...

Привыкший к шуточкам армейским,
Ничуть я не был уязвлён,
Но женским именем библейским
Буквально был заморожен.
Взгляну направо иль налево,
И в потайной своей тиши
Мне сердце шепчет: «Ева, Ева!»
И соблазняет: «Напиши!»

И вот в землянке нашей роты,
Когда утихла вся братва,
Я стал набрасывать в блокноте
Свои ответные слова.
И в тусклом сумраке землянки
Плыла за строчкою строка:
«Спасибо, милая волжанка,
Прими привет от земляка.
Благодарю за пожеланье,
За человеческий порыв...»

Но оборвал моё вниманье
Необычайно сильный взрыв...

В землянке всё пришло в движенье,
Никто ещё не разберёт:
То ль немец начал наступленье,
То ль свой обычный артналёт?
Опять расплачиваться роте
За этот вражеский разбой.
Стояли мы почти в болоте,
В траншееке – в метр глубиной.
И та была почти зарытой,
Когда пронёсся ураган...

Вот возле бруствера – убитый
С письмом в руке – Багдасарян.
А рядом – юный и красивый,
Прижав трофейный автомат,
Лежал, как спал, Рубцов Василий,
И кровь стекала на приклад...

С тех пор прошли десятилетия,
Немало пройдено дорог,
Но с Евой я за годы эти
Связаться письменно не смог.
И до сих пор нередко снова
Всё задаюсь вопросом я:
Жива ль ты, Ева Ильичёва,
И какова судьба твоя?

На фронте мы благодарили
Вас, незнакомых нам подруг,
За всё, что воинам творили
Ладони ваших добрых рук.

АГЛИУЛЛОВ ШАВКАТ

Боевой мой ровесник,
Однокашник-солдат,
Мой земляк и мой друг,
Аглиуллов Шавкат.
Сколько вместе прошли мы,
Ты знаешь и сам,
По латышским болотам
И литовским лесам!..

В то осеннее утро
Штурмовали мы дзот.
Ты услышал, как справа
Замолчал пулемёт.
И глазами сверкнув,
Ты метнулся туда,
И на нас в контратаку
Устремилась орда.

Немцы ближе и ближе,
Ну а мы ближе к ним.
И как раз в это время
Зататакал «максим».
Как понятна была
Его длинная речь,
Что заставила гадов
Моментально залечь.

Не давая фашистам
Поднять головы,
Ты косил и косил их,
Как стебли травы.
И бросал командир
В твою сторону взгляд:
– Хорошо, Аглиуллов!
Молодчина, Шавкат!..

И когда раздолбали
Мы вражеский дзот,
То не слышали,
Как замолчал пулемёт.
А когда подбирали
Мы погибших ребят,
Я увидел тебя,
Дорогой мой Шавкат...

Ты бессильно рукой
Обнимал пулемёт,
И горячая кровь
Заливала твой рот.
И поднявши с холодной
Осенней земли,
К санинструктору роты
Мы тебя принесли.

– Всё закончено, друг, –
Ты шептал тяжело. –
Мне уже не вернуться
В родное село.
Сообщи моей маме,
Передай ей поклон...
А деревня – Поповка...
Чердаклинский район...

А ещё там живёт
Де... девчонка одна.
Я любил её тайно,
Но не знала она...
Наиля синеглазая,
Напиши Наиле.
Нет другой синеглазой
Та... татарки в селе.
Мо...жет...вспом...нит...

И пала на грудь голова.
О любимой
Последние были слова.

Отгремели бои,
Замолчала война,
И оглохла без выстрелов
На земле тишина.
Я вернулся в Заволжье,
Когда отслужил,
Но наказ однокашника
Не позабыл...

Я с волнением ходил
Незнакомым селом
И увидел вдруг
Ж е н щ и н у
На руках с малышом.
Не глаза,
А два солнышка
Синих зажглось...
– Наила? –
Вопросительно я произнёс.

Озаривши меня
Бирюзой своих глаз, –
– Извините, – сказала, –
Но не знаю я вас.
Моё имя, наверно,
Дорогой ветеран,
Вам подсказано кем-то
Из наших сельчан?

Я ей всё рассказал...
И вздохнула она:
– Я в него-то ведь тоже
Была влюблена.
Он на фронте, как видно,
Был отважен и смел,
А вот мне даже слова
Сказать не посмел.

На прощанье
На мальчика бросила взгляд:
– Ну-ка, ручкою дяде
Помашем, Шавкат...

И мальчонка послушно
Ладшкой махал,
Я же вздрогнул,
Как имя его услышал...

Спи спокойно, мой друг,
На литовской земле.
Побывал я, Шавкат,
В твоём тихом селе,
Где подругу твою
Повстречать довелось,
Чьё пресветлое имя
Ты с собою унёс.

А когда говорил
О тебе ей слова,
Помутнела в глазах
У неё синева.

Значит, в сердце её
О тебе память есть,
Если сына она
Назвала в твою честь.

ЦЫГАНКА

К нам в избу сегодня
Цыганка вошла.
Как в песне цыганка
За руку брала.
И вот прокатилось
По тихой избе:

«Голубчик, давай
Погадаю тебе.
Ты будешь счастливый,
Ты будешь богат.
Дороги тебе,
Дорогой, предстоят.
По с к о р о й –
В отцовский воротись дом,
По п о з д н е й – к подруге,
Что в сердце твоём.
Она ж по тебе
Не страдает, любя.
Другая, крестовая,
Любит тебя.
Опасен для сердца
Крестовый огонь.
Давай, сизый голубь,
Клади на ладонь...»

Довольно цыганка,
Болтать-пригудать.
Тебе ли, цыганка,
О счастье гадать?
Ты счастье сулишь,
Не жалея прикрас,
А я уже счастлив,
Сегодня, сейчас!

Я счастлив, что снова
В родимом селе,
Что я, не пригнувшись,
Хожу по земле.
Я счастлив, что вижу
Друзей и родных
И мирное небо
Без туч грозových.

Ты мне говоришь
Про дороги-пути...
Да мало ли их
Довелось нам пройти!
За мирную землю,
Родимой страны
Мы шли без дорог
По дорогам войны.

Зачем на ладонь
Ты, цыганка, глядишь?
Зачем ты, цыганка,
Не то говоришь?
Да знаешь ли ты,
Что вот эта рука

Была в сорок первом
 Рукой мужика?
 Она и пахала,
 И сеяла хлеб,
 Сжимала топор,
 И лопату, и серп.
 Она на работу
 Спешила чуть свет.
 И было всего ей
 Четырнадцать лет.

А в год сорок третий –
 Мой год грозовой –
 Она уже стала
 Солдатской рукой.
 Ещё не обняв
 Никого из девчат,
 Она прижимала
 К груди автомат...

Зачем ты, цыганка,
 Глядишь на ладонь?
 Зачем говоришь
 Про крестовый огонь?
 Я помню другое:
 Как вышли в тот год
 Крестатые танки
 В крестовый поход.
 Я знаю другие,
 Похлеще огни,
 Что дамским «огням»
 Далеко не сродни.
 В тех жарких огнях
 Польшала страна
 И нас, некрещённых,
 Крестила война...

Цыганка, с глазами
 Как чёрный агат,
 Ты мне нагадала,
 Что буду богат.
 Вот в этом, цыганка,
 Ты вроде права.
 По-своему понял
 Твои я слова.

Я тем и богат,
 Что остался я жив,
 Валютных богатств
 И палат не нажив.
 Богат, что хожу,
 И гляжу, и дышу,
 И горькие строки
 О прошлом пишу.

Но главным богатством,
 Всему вопреки,
 Считаю, цыганка,
 Свои две руки.
 Всё могут они:
 И пахать, и косить,
 И лишь подавняя
 Не могут просить!

ЕСЕНИНСКОЕ ПРИЧАСТИЕ

Стихи всегда со мною были,
 Я наизусть их много знал.
 Когда соратники просили,
 То я охотно им читал.

Ни взрывы бомб,
 Ни грохот пушек
 Не заглушали мудрых строк...
 И шли в сердца и души Пушкин,
 Некрасов, Лермонтов и Блок.

Но как-то после выступления
 Соседней роты лейтенант
 Сказал мне:
 – А Сергей Есенин
 Ничуть не меньший был талант.

Сергей Есенин?..
 Имя это
 Я знал и в школьные года,
 А прочитать стихи поэта
 Не приходилось никогда.

И от смущения краснея,
 Я лейтенанту отвечал,
 Что книг Есенина Сергея
 Я, к сожаленью, не видал.

И лейтенант вдруг из планшета
 Блокнот увесистый достал.
 – На, причастись строкой поэта,
 Я целый том переписал...

Я начал вслух, ещё не зная,
 О чём друзьям прочту сейчас,
 И все ребята, замирая,
 В упор с меня не сводят глаз.

Про дом родимый, про Россию,
 Про шёпот ситцевых берёз,
 Они услышали впервые
 Стихи, пронявшие до слёз.

Забилось всё на белом свете,
 Такая тишь вокруг была,
 Как будто, слыша строки эти,
 Война – и та вмиг замерла.

Бойцы задумчиво вздыхали,
 Дымя моршанским табаком,
 И молча слёзы вытирали,
 Кто рукавом, кто кулаком.

А писарь даже помолился
 И полушёпотом сказал:
 – Ух, я и впрямь как причастился
 И вроде дома побывал...

А я читал и восхищался,
 Жестикулируя рукой,
 И с наслажденьем причащался
 Живой есенинской строкой!

ПУШКА «ВЕРА»

В хмуром небе тучи реют,
На деревьях жухнет лист...

К нам в траншею с батареей
Заскочил артиллерист.
Подавал руку всем.
– Ребятки, –
Он улыбочиво сказал, –
На моей сорокопятьке
Кто-то «ВЕРА» написал.
Слово радует мне душу,
И для пушки – это честь.
Есть «катюша»,
Есть «андюша»,
А теперь – «веруша» есть!
Был я в двух взводах стрелковых,
Но хочу сказать и вам:
Кто писал на пушке слово,
Я часы тому отдам.

Он глядел на всех серьёзно,
Подкрутил слегка усы
И почти молниеносно
Снял наручные часы.
Взад-вперёд траншею меря,
Он шагал, прищурился,
Только автор слова «ВЕРА»
Не нашёлся и у нас.

– Ты про слово как про Бога
Говоришь, – вздохнул связист.
– В этом слове смысла много, –
Подчеркнул артиллерист.
– Я хотя не суеверный,
Но готов кричать «Ура!»
У меня невеста Вера,
Вера – младшая сестра.
И ещё, как говорится,
В слове есть секрет один:
Вера, что раздадим фрица,
Вера, что придём в Берлин,
Вера в крах немецкой своры,
Вера в наш победный час,
Вера в то, что скоро-скоро
Наши Веры встретят нас...

– Слышь, браток, – заметил ротный, –
Не спеши часы дарить.
За такую речь охотно
Надо нам тебе платить.
А пока, чтоб не озябли,
Сядем все плотней в кружок
И из фляжек всё до капли
Выльём в общий котелок.

И поплыл, и закачался
На ладонях котелок.
К нему каждый прикасался,
Всё равно что целовался,
И блаженно улыбался,
Сделав маленький глоток.
Гостя мы благодарили:
– Ну спасибо, друг, тебе...

Меткость слова
Все ценили,
Как и меткость
При стрельбе.

О ВОЙНЕ

Целый век мы о войне всё пишем,
Целый век мы чувствуем войну!
Целый век мы залпы её слышим
Сквозь покой, и сон, и тишину!

Эти залпы душу потрясают,
Хоть давно и кончена война.
Тишина ещё не означает,
Что и в сердце тоже тишина.

Снова марши площадь оглашают
И слышны из окон и дверей.
Музыка ещё не означает,
Что утихли стоны матерей.

До сих пор они ещё страдают
С неугасшим трауром в глазах.
До сих пор они душой рыдают
О мужьях, сынах и дочерях.

В день, когда Победу отмечает
Под багряным знаменем страна,
Торжество ещё не означает,
Что о павших боль заглушена.

Чтить героев – это память века,
Память сердца и души страны...
Каждый День Победы – это эхо
Тьмы и света, мира и войны!

КНИЖКИ ПРО ВОЙНУ

Пришёл ко мне нынче
Соседский мальчишка,
Он книжку уже
Прочитал не одну.

– Есть, дядя, у вас
Интересные книжки?
– Какую ж тебе, дорогой?
– Про войну.
Ещё я люблю
Про разведчиков чтение,
Да только теперь
Книг таких не достать. –
И он на стеллаж
Поглядел с восхищеньем
И взгляда не может
От книг оторвать.

А я на читателя
Глянул любовно,
И током в душе
Прокатилась волна.
– Ну вот тебе, друг,
«Это было под Ровно».
Тут – всё:
И разведчики есть,
И – война...

Мальчишка, сияя,
Со мной попрощался.
Ах, как же напомнил
Он мне обо мне.
Вот так же когда-то
И я увлекался
И книги запоем
Читал о войне.

Ух, как я мечтал
О боях раскалённых,
Чтоб сабля – на мне
И наган на ремне!
И мысленно мчался
За храбрым Будённым,
Как Павка Корчагин,
На быстром коне.

Мечтал я о подвигах,
Лёжа в постели,
О славе солдатской
Мне грезились сны...
Ну думал ли я,
Что в солдатской шинели
Я скоро пройду
По дорогам войны?..

Ну что же, растите,
Читайте, ребята.
Пусть будут безоблачны
Ваши года.
Вчера на войне
Умирили солдаты,
Чтоб вы не узнали
Войны никогда.

НА ОГНЕННОЙ ЧЕРТЕ

Три года
До Берлина
Он шагал,
Чтоб с главарями Рейха
Рассчитаться,
И у Рейхстага
Замертво упал,
Пытался встать,
Но не сумел подняться.

Письмо из штаба
Матери пришло,
Что имя сына
Будет не забыто...

И возвратился он
В своё село
Тяжелым монументом
Из гранита.

Прошёл он сто путей
И сто дорог
Сквозь огненные
Смерчи и метели.
Но не истёк
Его солдатский срок,
Не снял он
Ни погон и ни шинели.

Стоит солдат
На главной высоте
И исполняет
Долг свой и присягу.
Он всё на той же
Огненной черте,
И за черту
Не отступил
Н и ш а г у.

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Меня в один из майских дней
Спросила группа молодёжи:
«Что и милее, и нужней?
Что и важнее, и дороже?»

Какой ответ найду для них?
И есть ли доводы такие?
Из тысяч ценностей людских
Я выбрал только основные.

МИЛЕЕ – мать, родная мать.
Она нас жизнью наградила.
Всё что могла сумела дать.
Что с нею связано – всё мило.

НУЖНЕЕ – самый верный друг,
Кто верен до самозабвенья,
И пара рук его, как круг,
Что друг бросает для спасенья.

ВАЖНЕЕ – правда, совесть, честь,
Когда они в сознание живы,
Пока они на свете есть,
То меркнет всё, что в мире лживо.

ДОРОЖЕ – отчая страна,
О ней с пелёнок нам поётся.
На всех она у нас о д н а
И нам до грани дней даётся.

Во все века и времена
Ей Вечность – вечная цена.
Не покупается она
И никогда не продаётся.

Подготовила Раиса КАШКИРОВА



МОЛОДЫЕ ГОЛОСА



Иван ВОЛОСЮК родился в 1983 году в городе Дзержинске Донецкой области в семье шахтёра.

Выпускник русского отделения филологического факультета Донецкого национального университета.

Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Волга», «Новая Юность», «Юность», «Новый берег», «Интерпоэзия», «Воздух».

Участник ряда форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, фестивалей фонда СЭИП на Украине и в Беларуси. В том числе, был участником Всероссийского совещания молодых писателей в Ульяновске. Пишет региональные обзоры для «Года литературы». Живёт в Донецке.

И ТЫ ПОЙМЁШЬ, ЧТО ЗВЁЗДЫ ГОВОРЯТ

* * *

В.К.

Будь Кеплером, гуляя в снегопад,
Коперником на детской карусели,
и ты поймёшь, что звёзды говорят,
таят слова и знают дни недели.

Будь Дарвином и каждого вьюрка
добавь в друзья, узнай по форме клюва,
а мне оставь созвучья языка,
мне всё равно, где Таганрог, где Тула.

Самара и Саратов – всё одно,
я здесь с Тмутараканью заодно,
и, кажется, душа остекленела.

Поговори со мной сейчас, скажи,
носил ли Бог под мышкой чертежи
за тысячу веков до Шестоднева?

* * *

Зови меня домой голодного, босого,
кричи до хрипоты, а всё-таки зови!
Мне снилось, что парад планет не согласован,
Венеру бьёт ОМОН, а Марс лежит в крови.

На кухне газ горит – мирок из песни Цоя,
а где-то Южный Крест, Корма и Паруса.
«Сынок, иди домой, она того не стоит», –
но я всю жизнь отдам за эти полчаса.

Я должен угадать полуночные знаки:
над шахтой «Чигари» звезда ползёт впотьмах,
а где-то пацанов бросают в автозаки,
но я не при делах, опять не при делах.

* * *

Николаю Давыдову

Забудь Ульяновск, от «Венца» до «Шипра»
полтыщи метров, около того,
названия эти содержали шифры,
я все их разобрал до одного,
но в поезде оставил свой блокнот,
где цифры, знаки, потаённый код.

Я выяснил, зачем копали землю,
что прятали внутри библиотек,
зачем везли не каждого отдельно,
но всем один приобрели билет.

И в кукольном музее Гончарова
я сделал вид, что мне опять хреново,
отстал от всех и тяжело дышал.

И, счастье ощущая в полной мере,
я молча растворился в атмосфере,
как будто не всерьёз существовал.

* * *

Моими собеседниками были
евреи обрусевшие. Они
меня несли, пока не уронили,
потом вернулись – подняли с земли.

Останется не гул в магнитофоне,
не «Синтаксис», не томы ЖЗЛ,
но черепашка-ниндзя на картоне,
её тогда я выиграть сумел.

Неважно, с кем ты просыпался, – страшен
сам переход из пробной темноты,
которую, как панцирь черепаший,
не перебьёшь, не одолеешь ты.

И если нет ни Альфы, ни Омеги,
а только смерть, и прах, и вещество,
тогда зачем зимою столько снега
и столько тишины на Рождество?

* * *

Остался вымпел на Луне,
где нет следов собак и кошек,
где Армстронг выпил в тишине,
где небо в беленький горошек.

Тем, кто не прыгал с гаражей,
поможет мягкая посадка.
За домом в девять этажей –
овраг, подстанция, посадка.

Попробуй небо обогреть,
оно не даст тебе свалиться,
бывает проще умереть,
чем из Фейсбука удалиться.

* * *

Выцарапывай музыку из грампластинок, «Урал»,
дело времени – всё разрушать, кроме камня и звука,
в симфонической близости к смерти я переступал
через чьи-то тела, через головы, ноги и руки.

Так давай, Леонардо, бери меня на карандаш,
в человеке душа, но она не попала в учебник,
в придорожную пыль превращаются «наш»
и «не наш»,
в алфавит вещества,
пропечатанный мелко на стебле.

Здесь листвы прочитал Заболоцкий
изнаночный код,
здесь война началась и уже никогда не пройдёт.

* * *

*Трое смотрят, светится один...
Андрей Фамицкий*

Я был немым, но мой светился рот,
и, кулаком не пробивая лёд,
я видел: ты со мною говорила.
Здесь и звезде бывать невмоготу,
её солдат сбивает на лету,
орлы – над нами, а над ними – вилы.
Давай, мой мальчик, там, в степи, ложись,
ты солнцу говорил: «Остановись!»,
повязанный мышленьем Птолемея.
Но в глубине души весь космос зрил,
и вот Господь тебе глаза открыл,
и ты застыл, пред Ним благоговей.

* * *

*Песок остывает согретый
Мандельштам*

Пора пространство сматывать в рулон,
носить с собой мирок, куда ни шёл бы,
но выход в космос был осуществлён:
прыжок в уме и медный лязг щеколды.

Пора привычку перенять у птиц
сидеть в ветвях и не чирикать всеу,
мне остаётся несколько страниц,
но я живу, а значит – протестую.

Тому виной «Наука» и «ДЕТГИЗ»
(нас всех ругали, что читаем лёжа).
Холодный воздух опустился вниз,
нагретый поднялся, но умер тоже.



Олисава ТУГОВА родилась в 1985 году в Рыбинске. Закончила ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, магистр филологии. Работала в газете «Рыбинские известия» (2009 – 2013). Участник Межрегионального совещания молодых литераторов в Ярославле (2018, 2019), Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках (2019), Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Ульяновске (2019). Руководитель рыбинского отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России.

БУКОВКИ

Женечка любит водить пальчиком по узорным листьям и цветам, нарисованным на клеёнке, будто это лабиринт, как с последней странички журнала «Весёлые картинки»: помоги мышке добраться до сыра – помоги Женечке пройти по всем линиям – то вверх, то вниз, то спиралью, то зигзагом – будто канатоходец в цирке... Но сегодня на столе вместо клеёнки скатерть. Белое полотно. Нитки вдоль. Нитки поперёк. Толстые. Ровные. Скучные. Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы... Стоп – непроглаженная складка высится горбатой горой...

– Кушай скорее, Женечка, а то опоздаем. Сегодня у тебя занятия по грамоте, музыке, рисованию... Давай-давай, кушай! – звенит мамин голос.

Женечка копает ямки в пшённой рыхлой каше. То впадины, то холмы – не каша, а белёсо-зернистый бок Луны. Масло янтарно блестит в лунных озёрах.

Хлопает дверь и на пороге – бабушка. Она прижимает к животу зеленую эмалированную миску.

– Понесла в церковь святить, да к вам по пути забежала, а то ведь уедете куда – не застану потом ни разу за целый день ...

Морщинистые бабушкины руки с круглыми костяшками ставят миску на скатерть. В миске – крашенные яички, будто алый цветок с лепестками. Посередине яичко с буквами. Буквы лучатся во все стороны, как бабушкины морщинки.

– Христос воскрес! – это зашёл отец. В рубашке для праздника, той, у которой пуговицы похожи на прозрачные леденцы.

Женечка улыбается отцу, бабушке, яичку, тянется, хватает. То самое, с буквами. Гладкое и тёплое.

– Какие это буквы, Женечка?

Одна буква похожа на неправильный, сломанный плюс, а вторая подбоченилась и нога у неё – колесом.

– Давай стукнем! Кто кого на этот раз?!

– Чур, носиком!

– Бей, не бойся!

Гладкая скорлупка сминается так, что никогда больше не станет ровной и целой. Женечка отколушивает пальчиком алые кусочки с белыми краями, как чешую неведомой рыбки. Чистит. Под чешуёй – белое, мягкое, скользкое, с разводами...

– Посоли.

Мальчик сует пальчик в соль – налипают прозрачные крупинки, похожие на светлые песчинки

на реке, редкие среди обычных, желто-коричневых, они не тают во рту, хрустят на зубах.

– Женечка! Мы же на занятия опоздаем!

– Не подвезёте ли тогда меня до церкви, а, Славушка? Я бы и Женечку с собой взяла. В прошлый раз ему так понравилось, так смотрел на всё, так смотрел... Там хорошо, поют, свечечки горят... А вы его опять на занятия потащите. Нужны ему эти занятия? Всего ведь четвертый годок... В школе небось потом всё равно всему научат...

– Ой, да как же! Раннее развитие – это залог успешности. Если не заложим нужную базу, то неизвестно, что из него вырастет. Сейчас новое время, другое. И не сравнивайте, – морщится мама.

– Ты не видишь что ли, что твоя Пасха – сплошное тёмное язычество? Куличи да яички. Кулыт плодородия, далёкий от христианства. Яйца ли надо святить в светлый праздник? Не о том люди думают. Не о молитвах и спасении души, а о ритуалах, о еде. Ни к причастию, ни на исповедь не ходят, креститься забывают – только бегают куличи святить и за водой на Крещение. Тёмный народ твои верующие. И сердитый, – отец гудит весенним мохнатым шмелём, проснувшимся по весне на балконе.

– Так у Бога свои университеты, – улыбается бабушка, морщинки разбегаются солнышком. – Каждому – по способностям его. Это будто божий детский садик. Всё яркое, красочное, простое. Как у Женечки. Не заставляют же деток сначала решать уравнения, а предлагают то, что они понять могут и усвоить, чтобы ещё раз пришли. Настанет время, они и до главного дойдут, если интерес будет и желание. Сначала куличики, потом молитвы.

– Уравнения, кстати, – хорошая тренировка для структурного мышления, – мама убирает со стола посуду, торопится, звенят стаканы...

Бабушка прячет руки в голубой передник с алыми розами, долго смотрит в окно. Там кусты сирени с молодыми нежно-зелёными листочками. Каждый листочек похож на сердечко.

Класс светлый, а коридор за дверью темный, там ждёт мама.

Женечка сидит на маленьком стульчике, локоточки – ровненько по столу. Сердитая тётя стучит указкой о доску, показывает буквы.

– Это «ЭН», повторите, дети, – «ЭН»...

– Энннн, – мычат ребятки.

Не отпустили Женечку с бабушкой в церковь. И он видит не белые полоски мела на чёрном фоне, а перекладыны в разноцветном храмовом окне, они

так похожи на эту букву. И свет через такое окно летит тоже разноцветный – жёлтый, зелёный, фиолетовый... Женечка угадывает в буквах то золото подсвечников, то огонёк свечи, то узоры мозаики на полу. В церкви у каждого человека – где-то очень высоко, почти на небе, – светлое лицо. Откуда-то сверху, с расписанного фресками потолка, падают молитвы и песни, похожие на облепиховое варенье из звука и света. Там можно просто быть. И всё. Жить вместе с другими. Подпалить на огоньке чужой свечки донышко своей, чтобы оно размягчилось, втыкать в особенную подставочку и смотреть, как оживает тёмный лик на иконе, кивает ласково:

– Здравствуй, Женечка. Хорошо, что пришёл.

Дотрагиваться до своего твердого лба, мягкого живота, неугомонных плеч – бабушка, какое сперва? Не спеша отходить со всеми за какую-то незримую черту, когда идёт красивый бородатый человек и машет ароматным дымом. И чувствовать, что он – Женечка – не один. Его любят и принимают. И ему для этого не нужно учить буквы, рисовать дома и деревья не так, как хочется, а как велят.

Кисточка оставляет на бумаге алую дорожку. Бежит полосочка через тонкие синие линейки. Мимо, мимо, сквозь... Живая дорожка, куда захотела, туда и бежит, не держат её чернильные печатные рамки...

– Женечка, ты меня не слушаешь! Женечка! – стучит указка по доске. И дорожка сбегает с листа на стол... – Встань! Мы не рисуем на столе! Что ты здесь всё извозил?!

Женечка стоит в коридоре и смотрит, как на маму сыплются непонятные колючие слова:

– Не может фокусировать внимание. Не выполняет задание. Проверьте на наличие аутичного спектра.

Мама пылает:

– Но он же знает все буквы и цифры, все цвета! Мы много занимаемся, читаем! Может, он просто устал сегодня?

И Женечка чувствует, что происходит что-то страшное. Если он им не скажет, как называются эти черточки на бумаге, то мама для него совсем погаснет.

– Мой сын не может быть аутистом, с ним всё в порядке! Он поступит в гимназию! У него талант. Евгений! Какая это буква?! – мама визжит, и Женечка сжимается, упирает подбородок в грудь, но он всё равно дрожит. И сочатся слёзки из зажмуренных глаз:

– Я плохой! Мама не любит меня плохого!

И рыдает отчаянно, умирая головой, животом, ногами, спиной, каждым пальчиком, каждой ресничкой. И не может стоять. Мама несёт его вниз по лестнице и думает о том, что нельзя сдаваться. Нужно больше заниматься. И будет всё хорошо.

На крыльце она показывает Женечке букву на железной табличке: «Как называется?». И он знает, что эта буква для мамы сейчас важнее, чем он сам. Обреченно, так, будто навсегда превращается в буквы на железной табличке, Женечка отзывается: «А». И еще там «О», «Л» и «К»... А первая «Ш»...

Она похожа на подсвечник без ножки. Но маме об этом говорить нельзя.

ВИНТОВКА И КНИГА

– Женё-е-ек! – бабушка высовывается из окошка, держится рукой за деревянную раму и зовёт протяжно. Белая занавеска вырывается наружу, натягивается и трепещет на ветру, как парус.

– Женё-е-ек! Иди! Парад смотреть! По телевизору! – она высовывается ещё дальше из рамы наличника и щурится, разглядывая через ветки цветущей яблони внука, играющего на улице.

По краю канавы покачивается трава. И в ней то появляются, то исчезают растрёпанные вихры, прищуренный глаз, щёки с разводами грязи и палка, угрожающе к ним прижатая, словно ствол винтовки.

– Женё-е-е-ек! Иди...

– Ша, бабуль! – пронзительный и недовольный возглас летит к густо-синему майскому небу.

– Тыщ-тыщ-тыщ! Тра-та-та-та! Ты убит, убит! – обрушивается в ответ. Из-за дерева выбегает мальчишка в сетчатой бейсболке со сломанным козырьком, размахивает гнутой корягой – и полустёртый орёл на его футболке воинственно топорщит крылья.

– Туф! Туф! Туф! – это ты убит! – каучуковым мячиком подскакивает Женёк из канавы.

– Нет ты! Я первый крикнул! Или я не играю! – спорит товарищ. – Тыщ! Тыщ! Тыщ!

– Аггггггггг – Женёк хватается за шею, плечо, живот, коленку, подгибает ногу и боком падает прямо в заросли сныти. Торжествующий мальчик в бейсболке подходит поближе:

– Контрольный в голову!

– Возрождение! Возрождение! У меня еще одна жизнь осталась! – Женёк перекачивается на спину и распрямляется вверх, как пружинка, подхватывая деревянное оружие.

Снова раздаётся бабушкино:

– Женё-е-ек!

Внук выбирается на дорожку и пылит к калитке:

– Потом доиграем. Я пойду парад по телеку позырю.

Маленькая рука, вся в мелких царапинах, с грязными обломанными ногтями, поворачивает деревянную вертушку. Калитка жадно захлопывается за спиной, на которой воинственно перекрещиваются лямки штанишек. Качают тяжёлыми головами алые тюльпаны, роняют лепестки на утреннюю влажную землю – ножки в детских ботиночках быстро-быстро топают мимо, только шнурки хлестнули со мьями усами. По тёплым доскам крыльца – и в прохладу дома. На столе – кружка с молоком и ломоть хлеба с маслом. Красные горошины на кружке.

– Женёк, завтрак! С самого утра убежал ведь. Руки! Руки-то вымой! Да как следует, с мылом!

Клацает рыльце умывальника, стекает серая пена. И колодезной водицей в лицо – ух! Хорошо! Глотнуть этой прохлады.

– Не пей сырую воду! Сколько раз тебе говорено! Горло схватит! – волнуется бабуля.

Телевизор рыкает торжественно государственными словами. На Красной площади полки – побатальонно – шагом -м – арш!

Суровый дед слушает внимательно, но не смотрит – привычно мастерит что-то на широком подоконнике. Он приклеивает полоску тонкой бумаги на книжку – Женёк вчера уронил с этажерки, и об-

ложка отвалилась. Растрёпанная книга – как раненая птица, дед лечит, бурчит неодобрительно:

– Явился! А кто мне обещал помогать чинить?

– Деда, я думал, что ты парад смотришь... – Женёк уплетает хлеб, сыплются крошки на лоскутный половичок. Мякиш, запитый молоком, сладко растворяется во рту.

– Думал... Я поглядываю, а руки делают, что время терять... – книжка хлопает обложкой, как крыльями, того и гляди взлетит. – Это ты у нас тунелюдец, только и занятый, что с палками бегать да ворон пугать. В кого уродился... Что из тебя вырастет. Вон, в школу скоро.

– Не скоро, деда, на будущий год же!

– Год пролетит – и не заметишь.

– У-у-у... – Женьку год кажется неизбывной временной ямой, глубокой, как космос.

– Здравствуйте товарищи! Зра-жела-това-мир-обороны! – гудит телевизор сотнями голосов.

– Все нормально из меня вырастет. Я воевать пойду. Врагов бить! Стану героем!

– Каких врагов? – дед смотрит на внука поверх очков.

– Всех! Каких прикажут, таких и буду! Это тебе не под машинами лежать, как папа. Это подвиги, это оружие! Настоящее! – палка, принесённая Женьком, стоит в углу.

– Урраааа! Урррраааа! Уррррааааа! – взрывается телевизор.

– Сейчас отец приедет. Поедешь с нами к Вечному огню, цветы понесём. Иди нарежь тюльпанов, – дед барабанит пальцами по книге.

– Зачем вы к огню? Пусть туда ветераны приходят. А ты же не воевал, деда.

– Когда война кончилась, деду столько было, сколько тебе сейчас, – вздыхает бабушка и налегает на тесто – месит его в большой гулкой кастрюле, испечет пирогов на праздник.

– И ты на фронт не сбежал? Я бы сбежал и убивал фашистов, – Женёк кривит губу.

Дед молчит.

– Твой прадед воевал. И погиб под Москвой, – бабушка кивает на фотографию на стене. Из потемневшей рамы смотрит человек, похожий на отца Женька, только моложе.

– Я бы отомстил! А не сидел в тылу. Как трус, – Женёк отставляет пустую кружку и торжествующе смотрит на деда, будто бы, в отличие от него, уже сбежал на фронт.

Дед аккуратно кладет вылеченную книгу на этажерку и выходит в сени. Грузно хлопает дверь.

– Прадед твой не выбирал между книгой и винтовкой, – бабушка держит всё тесто на весу, будто большой колобок, и перекидывает его из руки в руку.

– Что выбирать, когда война! – Женёк воинственно прищуривается.

– Раз война, так всем на фронт? А кто будет делать на заводах оружие и танки? Шить одежду? Учить детей? Женёк, в войну столько детей остались без родителей, ушедших воевать. О них должен был кто-то позаботиться, а? Мы выиграли войну, потому что больше всех хотели мира... – бабушка посыпает стол мукой, ладонью ровняет белую пудру, шмякает тесто и тянется за скалкой. – Прадед был учителем. И как раз накануне войны его отправили работать в степное Забайкалье. Тогда было так – куда послали,

там и работаешь, не выбирали...

И Женьку представляется диковинный, далёкий край, где струятся нескончаемые дороги и ветер запутывается в выжженных солнцем космах ковыля. Где ждут молодого прадеда неведомые дети в разбитых, грязных лаптях, заштопанных полосатых штанишках и серых, застиранных рубашках... У них за спинами тряпичные котомки с хлебными ломтями и одна разбухшая тетрадка, куда они записывают все школьные премудрости. У этих ребят загорелые лица и взрослые, серьезные глаза. «А как же мы? Что будет с нами, если ты уйдешь на фронт?» – вопрошают они безмолвно.

– Я должен идти, – отвечает им молодой учитель, ласково и немного виновато. – Да, я нужен здесь. И все же иду добровольцем. Понимаете, сидя в тылу, я не имею права говорить вам о патриотизме. Все мои слова будут пустыми. А так я напишу вам много фронтовых писем... Мы с вами вместе выкуем победу в наших сердцах, – он кладет большую руку на плечо то одному, то другому. Никто не может встретиться с ним взглядом, ученики отворачиваются. А он шагает за калитку – скрипят ржавые петли – дорога уводит далеко-далеко. И машет с холма веснушчатая прабабушка в ситцевой косынке, у неё на руках сверток в сером одеяльце.

И вот уже холодно. Вместо большого класса – тёмный закуток раздевалки – его можно обогреть жидким теплом раскаленной докрасна печки-буржуйки. Ребята собираются здесь, получив карантинную палочку трудодня за тяжелую колхозную работу, и разворачивают выученные наизусть бежевые треугольники фронтовых писем. Строки, написанные химическим карандашом, расплываются... Они полны боли, тревоги, но и веры в общую, народную мощь: «Боритесь! Не сдавайтесь! Вся страна борется сейчас вместе с вами! Наше дело правое!». Сводки с фронта коротки и черны – теряются в руинах города, их сдают целыми вереницами, кажется, ещё чуть-чуть, и померкнет на карте алая звездочка Москвы. Но пульсом бьются строчки в письмах: «Нам некуда отступать! Держитесь! Мы отомстим!» Внутри маленькой печки полыхает огонь. Он сжигает строчки, письма, скорбные силуэты фигур, дома, дороги, небо, землю, воду... Прадед погиб в октябре 1941-го под Москвой.

Бабушка раскатывает кружочки теста величиной с ладонь, укладывает горсточку начинки, закатывает к центру края, подшлёпывает-подправляет аккуратный пирожок и сажает его на масляный противень. Улыбается устью русской печи.

– Ну, поехали что ли! – гремит из сеней бас деда – Женька! Срезал цветов?

И Женёк торопится, прошмыгивает мимо него, щелкает ножницами, наклоняется к ало-чёрным тюльпанам – они так похожи на тот огонь...

Дед выходит на крылечко, здоровается за руку с отцом, щурится на майское солнышко: «Теплынь-то какая...»

Женёк подскакивает, рассыпая лакированные лодочки тюльпановых лепестков, шмыгает носом.

– У тебя не аллергия ли часом на пыльцу? – озаченно вглядывается в его лицо отец.

Женёк часто-часто кивает, вытирает лицо рукавом и сует дедушке растрёпанный, росистый букет: «С Днём Победы, деда!»



СВОБОДНЫЕ СТИХИ?
СВОБОДНЫЕ СТИХИ...
СВОБОДНЫЕ СТИХИ!



Вера ЛИПАТОВА

Член Союза литераторов России, председатель секции поэзии СЛ РФ.

Автор книг: «Восемь лирических героинь» (2004), «Диалоги богов» (2008), «ВЕРЛИбром говорим» (2018), «Версии себя самой» (2019).

Публиковалась в «Независимой газете – НГ EX LIBRIS» (2017, 2018, 2019), в антологиях: «Современный русский свободный стих» (Москва, 2019), «В поисках утраченного Я» (Санкт-Петербург, 2012), в альманахах: «Среда» (Москва, 2016), «Словесность» (Москва, 2017, 2018, 2019), в журналах: «Мономах» (2003, 2009), «Карамзинский сад» (2008, 2010), «Литературный Симбирск» (2014), «Симбирскъ» (2017, 2019), «Дети Ра» (Москва, 2008, 2010), в сборниках по следам Международных фестивалей свободного стиха: «Самое выгодное занятие» (2003), «По непрочному воздуху» (2004), «То самое электричество» (2007), «Солнце без объяснений» (2009). Постоянный участник международных фестивалей свободного стиха (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Тверь).

Работала учителем русского языка и литературы в школе №17 города Ульяновска, старшим преподавателем и доцентом кафедры русского языка УлГПУ. Сейчас – профессор кафедры риторики и культуры речи МПГУ.

Провела в Ульяновске Весенний вечер верлибра (2004), вечер-презентацию книги «Восемь лирических героинь» (2005), семинар о верлибре в литературном клубе Александра Четвёркина «Свеча» (2008), вечер-презентацию книги «Диалоги богов» (2009), Первый фестиваль верлибра в Ульяновске (2019).

РОМАН О ВЕРЕ

когда
я рассказываю студентам
о том как меня зовут
а это необходимо делать
в силу верности
своей цельности
так вот
когда я рассказываю студентам
о том как меня зовут
мне приходится
по законам жанра
упоминать об отце
юлии цезаре
и о матери моей
софии
а также о моих сестрах
любое и наденьке
мне приходится разбирать
фонетически
звуки моего большого имени
rrrr дрожащий строгий
льльль ласкающий мягкий
и тогда я начинаю верить
что она
действительно существует
и мне очень хочется встретить
ее
эту
веру
юльевну
липатову

твоя фамилия эй дер ман

зато мое отчество
юллльевна

вера страстная
изо всех сил играющая

веру холодную

то что
вы
видите перед собой

существует только потому

что отличается
от
меня

name вера липатова

nickname верлип

interjection верrrr лиии бrrrrrr

ДИАЛОГИ БОГИНЬ

мини-пьеса

Действующие лица:

Артемиды – богиня охоты, покровительница природы

Афина – богиня мудрости, покровительница знаний

Афродита – богиня любви и красоты

Гера – верховная олимпийская богиня, покровительница брака

АРТЕМИДА:

сегодня я знаю
я буду выслеживать
острым ищущим взглядом
ваши жаркие нагие тела
одетые в курки и брюки
сегодня я знаю
я буду прислушиваться
чутким пронзительным слухом
к вашим нежным рокочущим сильным
и так необходимым мне голосам

я знаю

ты где-то здесь

АФИНА:

сейчас
как правило
смотрят не на тело
а на одежду
как будто с ней собираются
заниматься любовью

АРТЕМИДА:

в этой толпе
стоит мужчина
который хочет меня
его желание
трудно осуществимо
я в своем
утреннем автобусе
навечно проезжаю

АФРОДИТА:

вечер весны
огни в магазине напротив
рядом этот самый незнакомец
не взгляну не взгляну не взгляну

не буду
не буду
не буду смотреть
иначе всю изовьет
страшным заветным желанием
любить мужчин
одной
всех
сразу
сейчас
здесь

АФИНА:
сказать
не значит
сделать

АФРОДИТА:
на темной улице
под фонарями
взять твою руку
значит опрокинуть небо

ГЕРА:
ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА
заперли дверь
погасили свет
сели с тобой на диван
отпили по глотку
долго
в шкафу в духоте
стояла початая бутылка
напоминая о том
какие мы были
чистые

АРТЕМИДА:
ВЕРОМАН
роман в четырех частях
1
меняю Романов
меняю романы
2
если город ульяновск
курортный край
то ты мой курортный
роман
3
у меня роман
роман не с женщиной
не с женщиной
и даже не с камнем
роман с самооценкой
4
роман о вере
роман о Вере
Роман о Вере
Роман о вере
ВЕРОРОМАН

ГЕРА:
ты равна себе
ты равна своему
так ли необходимо смотреться
в мужские глазницы страстей

АРТЕМИДА:
сладчайший из моих любовников
стирает себе рубашки

а в это время он должен быть
в игорном клубе
в блестящей компании

а в это время он должен быть
на тайном ужине
у маркизы

а в это время он
бешено мчит
с жестокими глазами по черной трассе

а он стирает себе рубашки

ГЕРА:
как сладко
вымолвить истину
в отчаянные глаза мужа
я вся и только твоя

АРТЕМИДА:
оказывается мужчина
даже серьезный
втайне мечтает
быть растоптанным женщиной его судьбы
мечтает быть размазанным по полу
растекшимся темной лужей
чтобы потом сжаться
собраться
приподняться
вскочить
отттррряхнуть
слепить из женщины своей судьбы
позолоченную серьгу
в виде преданного зверька
и продеть себе в ухо
вот так

АРТЕМИДА:
P.S.
а я-то думала о его мечте
лечь хотя бы помадой на
бледные губы прекраснейшей
женщины
так называемой роковой
а я готовилась возводить
крутые бока городской стены
и глубокие ниши крепости
а я

ГЕРА:
хлебные крошки
картофельные очистки
распаренные руки
плата
за горделивое
замужем

АРТЕМИДА:
на моем небосклоне
ты хотел
быть

прозрачным облаком до которого
никому
нет
никакого дела

АФРОДИТА:

о с к о л к и
за все время наших не встреч
лишь однажды
ваш взгляд
скользнул по моей руке
прикоснувшейся к волосам

АФИНА:

и вдруг тебе захочется любви
и нежности
и глупости
наивный

АРТЕМИДА:

некоторые люди
всю свою жизнь
живут химерами
к их числу

принадлежу и я

АФРОДИТА:

кого ждала
начиная с пеленок
о ком мечтала грезила вздыхала плакала
рыдала умирала кляла проклинала
в кого не верила но продолжала ждать
о ком написаны романы повести рассказы
и даже эссе

кого наконец встретила
он оказался тебе ну совсем ни к чему

АФРОДИТА:

наивная запись на асфальте
все равно
ты будешь моей

АФИНА:

не увеличивай зло на земле исходя из добра
не увеличивай зло на земле исходя из
не увеличивай зло на земле исходя
не увеличивай зло на земле
не увеличивай зло на
не увеличивай зло
не увеличивай
не

АФРОДИТА:

АПОЛОГИЯ ГЕДОНИЗМА
приходите
читайте стихи
наслаждайтесь друг другом

АРТЕМИДА:

любишь одного
пишешь о другом
посвящаешь третьему
даришь четвертому
хвалит пятый

хвалит пятый
даришь четвертому
посвящаешь третьему
пишешь о другом
любишь одного

АФРОДИТА:

неужели это
правда
что я равна
твоим дивным стихам обо мне

АРТЕМИДА:

жди
он не придет
даже не думай что
ты встретишь его
ты останешься одна
не верь тем кто говорит будто
он придет

АФРОДИТА:

а теперь прочитай снизу вверх
по строчкам

АФИНА:

ОБЕРЕГ ОТ САМОУБИЙСТВА
ходишь себе
и любишь
потихоньку

АРТЕМИДА:

когда ты
отправлялся в плавание
ты не знал
о разбившихся до тебя
кораблях

АФИНА:

когда мы
так прекрасно
уживаемся в тексте
к чему претендовать
на иную реальность

АРТЕМИДА:

Вам
хочется думать
что победили Вы
думайте
если хотите

АФИНА:

мы с тобою
друг для друга
чистые объекты искусства

АФИНА:

страстное и милосердное
низменное возвышенное
плотское и духовное
разделенное безответное
не дайте упасть

АФИНА:

как часто
мы забываем
свои прошлогодние молитвы к богу
а всё происходит
строго по ним

АРТЕМИДА:

раньше я засыпала
с одним именем на устах
теперь с другим
какая разница

АФИНА:

кого ждала
начиная с пеленок
о ком мечтала грезилась вздыхала плакала
рыдала умирала кляла проклинала
в кого не верила
но продолжала ждать
о ком написаны романы повести рассказы
и даже эссе

кого наконец встретила
он оказался тебе
ну совсем ни к чему

ГЕРА:

собираешь пыльцу
а могла бы
пить мед
полным горлом

АФРОДИТА:

какое счастье
чувство счастья
легко дышу
легко иду
легко смотрю
легко держу позвоночник прямым

АФРОДИТА:

мои тексты все о любви
и вообще все тексты о любви
даже если они о ненависти

АФИНА:

тому кто прочел до конца
единственное
что могу сказать в оправданье
меня была дрожь
при мысли о том
что могут подумать
я не лгу

МОЙ УЛЬЯНОВСК

что значит

БЫВШИЙ

симбирск

если город ульяновск
курортный край

то ты мой курортный
роман

СИМБИРСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ГОРКИ

На остановках ТУТА
и ЗДЕСЯ не останавливаем.
Места для девушек. 90 – 60 – 90.

*Остановите, пожалуйста:
вон там стоит*

очень красивый молодой человек!!!

Тише скажешь – дальше проедешь...
Говорите громче: водитель глухой!

Пожалуйста, остановите:

вижу теперь очень много молодого человека!!!

Толкай. Потом. Не хлопай дверью!
Закрывай, как дверь своего холодильника.

Остановите! Остановите!

Стоит молодой человек сразу с двумя именами!!!

Бананы, семечки, орешки есть с кожурой!
Шоколад под попу НЕ ЛОЖИТЬ!
Места для трезвых и худых.

*Может быть, вы всё-таки остановите?
Ведь загнались уже...*

Аптечка, огнетушитель

и молоточек находятся у водителя.

Интим вместо денег не предлагать!

Сдачу не кланчить!

Закройте меня нежно.

*Уважаемый господин-товарищ шофёр!
Вы не могли бы выполнить мою просьбу?*

О с т а н о в и т е!

Я в ы х о ж у!!!





ПОД СЕНЬЮ ДРУЖНЫХ МУЗ

Елена СЕРГЕЕВА, искусствовед, заведующая Музеем изобразительного искусства XX – XXI вв., филиала Ульяновского областного художественного музея.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ НИТЬ...

Нить, связующая творчество поэта и художника, многогранна, порой, неуловима. В книге она представлена в тех измерениях, которые отмечены глубинным пониманием миропорядка глазами женщины, с ее интуицией, ощущением огромного количества оттенков бытия. В литературе, живописи от начала XX века до наших дней во многом именно «женское лицо» искусства дает импульсы для его развития. Понятно, что без освоения традиций, их исторических перспектив и коллизий современное творчество обходиться не может. В то же время эти послы приводят к выявлению новых смыслов пространства и времени.

Идея создания книги и выставки появилась одновременно. Стихи Натальи Калагиной и живопись Ирины Гершевицкой – своеобразный творческий тандем, в котором картины не выступают в привычной роли иллюстраций к конкретному стихотворению. В этом диалоге, порой в унисон, порой в противопоставлении, действует сопоставимость лирического и драматического начал, ритм слога и композиции картины, эмоциональная магия словесного и живописного колорита, многообразие то логически выверенного, то спонтанно предъявленного сюжета. Важным является присутствие тонкой интуиции не только в масштабных сюжетно-смысловых мотивах, она наполняет разнообразные по настроению словесные и живописные пейзажи, а также фотопейзажи Натальи Калагиной. Во фрагментированном камерном уголке природы или, напротив, панорамном его величии всякий раз предстает образ мира, пропущенного через чувствования авторов. Стихи и живопись, настроенные на преобразование виденного, неизбежно объединяются с фиксирующим это естественное преобразование взглядом фотокамеры.

**Наталья Калагина
и Ирина Гершевицкая**



Наталья Калагина
 Август – спокойствие.
 Август – молчание.
 Щедрых садов разноцветная роса.
 Время и тогов, дорог и прощания.
 Август – несбывшихся снов колыбель.
 В желтых подсолнухах солнце укроется.
 Чтобы потом окунуться в закат.
 Птиц, перелетчика вот-вот успокоится,
 В небе останутся лишь облака.
 Запахи терпкие трав увядających,
 Зыбких туманов ночных миражей.
 Слезы беззвучные звезд оплывающих...
 Лето проходит, а кажется – жизнь.
 2018

Сердце сошло с орбиты
 Сердце скачет голодом с места,
 И Земля как-то сильно кружит,
 А в груди горячо и тесно,
 Слово пламя забралось в душу.
 Скажет мне старинный приятель,
 Как и я, доктор дел сердечных,
 Что пора поуметь, и к стати,
 Со здоровьем нельзя бесечно.
 Сердце – это не винт, не доплат,
 «Полетит» – не спасут таблетки.
 Ну, а сердце то камнем в промашку,
 То замрет, словно птица в клетке.
 Док, болезни – твоя стихия,
 Но не надо клише избитых,
 Это вовсе не аритмия,
 Это сердце сошло с орбиты.
 2017

Дождь барабанит гулко
 Дождь барабанит гулко
 В стареньких переулках,
 Грусть подруская ближе,
 Хмуримся по утрам.
 Нас от зимы спасая,
 Осень кружит босая,
 Платит с заплатах рыжих
 Хлопает на ветер.
 Хочешь – бросай на ветер
 Все, за что был в ответе
 Чувства, мосты и листья –
 Их все равно сожгут.
 Жизнь, как сезон года:
 «Н» – кончи исхода,
 перо иль кисти
 брать в руки?

В лирической поэзии **Натальи Калагиной** одной из основополагающих формул сложения стихотворения становится доверительная раскованность, отражающая главную – ассоциативную – функцию коммуникации между автором и читателем. Это происходит благодаря философскому подтексту, иронии, перерастающей часто в самоиронию. Амбивалентность, изначально заложенная в замысел, способствует формированию глубокого внутреннего переживания. Драматические коллизии с торжествующей жесткой ритмикой определены для освоения приоритета подлинного чувства

Ирина Степановна Гершевицкая
 Родилась в 1957 г. в 1983 г. закончила Ульяновский институтский Восточный факультет. С 2006 г. участвует в выставках и конкурсах. Член Союза художников России. В 2008 г. соавтор книги «Ирина Гершевицкая. Живопись и скульптура» в серии «Жизнь и творчество» издательства «Арт-пресс».

Наталья Александровна Калагина
 Родилась в 1972 г. в Ульяновске. В 1997 г. заочно окончила Ульяновский институтский Восточный факультет. С 1998 г. – член «Арт-пресс» Ульяновского областного народного отделения Союза художников России. С 2019 г. – заведующая отделом культуры и искусства администрации г.Ульяновска.

**ОТ СЕРДЦА
К СЕРДЦУ НИТЬ...**

**Наталья Калагина
Стихотворения**

**Ирина Гершевицкая
Живопись**

УЛЬЯНОВСК
2020

*Картины и стихи
в экспозиции выставки*



Фото Владимира Ламзина



над прозаическим проявлением жизни. Частички юмора, как и частички горечи, не всегда выставляются напоказ, но запрятаны не слишком глубоко. И смысловые акценты чаще всего деликатны, словно созданы в качестве начальной стадии, за которой, однако, следуют проникновения в смыслы более глубокие. Палимпсест сжимается до одного стихотворения, подчас одной строфы. У Натальи Калагиной эмоционально возвышенное наслаивание впечатлений происходит естественно, а множественность ассоциаций способна выдавать яркое именное представление о том или ином моменте жизни. В стихотворениях о животных всегда существует несколько аспектов, а игровое начало способно усилить лирическую или драматическую линию. «Буря и натиск» – известные гости в любовной лирике. Бьющие наотмашь фразы, ритмика, схожая с металлическими звуками оставленного счастья, скрывают затаившиеся в форме бравады печаль и тоску, надежду и ожидание. Вневременное чувство соединяет в единое целое необходимость бесконечных поисков истоков любви. Ее приход, успокоенный или, напротив, драматический уход воспринимается как завершение главы жизни. За кажущейся спонтанностью в выражении чувств – точность и самоотдача каждого слова. Чувства двоих органично вписаны в образ природы, которая то помогает, то сопротивляется человеческим эмоциям. В стихотворениях

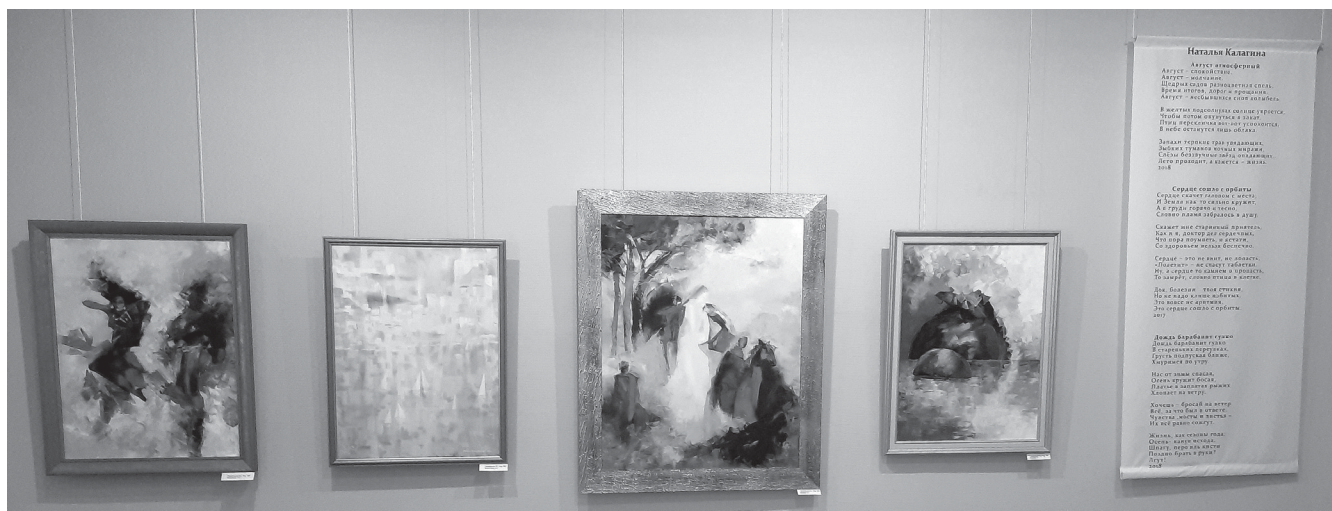
имманентно соединяются два образа: природа, с ее совершенством и естественностью, и растерявший, но пытающийся возродить любовь человек. И потому следует неожиданная концовка – подчас резкий монолог, обращенный к образу реальному или воображаемому? Мягкие лирические ноты, изысканный словесный колорит чаще всего отражены в стихах, посвященных природе. Но она никогда не существует «в чистом пейзажном жанре». Как и в любовной лирике, здесь ощущается следование традициям поэзии Серебряного века. Здесь главенствует желание прикоснуться к природе в поисках женского счастья, и эти поиски никогда не смогут завершиться.

В картинах **Ирины Гершевицкой** нашли отражения реалистические, экспрессионистические и абстрактные тенденции. Работы отличаются многоплановостью, поисками нового художественно-смыслового решения, где могут пересекаться фрагменты реальных и воображаемых разновременных событий, соединенных на холсте. Их строгая логическая завершенность придают полотнам цельность и глубину познания мира через чувствования самого художника. Именно естественность, которая является основой творческих импульсов, позволяет переходить от реальных концептов в живописи к обобщенно-фигуративному решению, далее – к абстракции. Ирина Гершевицкая очень свободна в создании собственных образов – миров с их открытостью чувствам в безграничном пространстве и времени, которое может быть кратким или недосыгаемо бесконечным.

Пейзажам, натюрмортам, выполненным в реалистической манере, присущи жанровые черты, иногда повествовательно-бытовые, иногда ассоциативные. Часто в произведениях житейские подробности становятся пластическими знаками-символами. Экспрессионистические устремления заставляют вырваться за пределы иллюзорности. В последние годы Ирина Гершевицкая большое внимание уделяет портретам. Они выполнены во время путешествий, география которых широка. Во всех работах приметы современности никогда не меша-



Экспозиция фотографий Н.А. Калагиной



ют глубинному, как бы вневременному повороту сюжетов, пластическое воплощение направлено на выявление сути характера персонажа. Манера письма становится предельно свободной, живопись органично и философски глубоко способна передать не только внешность и настроение героя, но прежде всего суть его внутреннего мира. Восприятие сути событий, человека и природы соединяются в единую гармоничную «картину мира».

Собранные в книге стихотворения Натальи Ка-

лагиной и полотна Ирины Гершевицкой наполнены множественностью ассоциаций и метафор, в них несовершенство мира преобразуется, обретая логическую и эмоциональную оправданность. В диалогическом контакте стихотворной и живописной формул все направлено на бесконечные поиски гармонии. Выставка, на которой экспонируются картины, фотографии, стихотворения авторов – зримое подтверждение имманентно заложенного главного смысла творчества Натальи Калагиной и Ирины Гершевицкой.



Наша справка:

Ирина ГЕРШЕВИЦКАЯ – предприниматель, художник. Родилась в 1967 году. В 1989-м окончила Ухтинский индустриальный институт, профессия – горный инженер. С 2006-го училась живописи у ульяновского художника Юрия Какичева. В 2008 г. совместно с Юрием и Любовью Какичевыми участвовала в своей первой выставке.

Персональные выставки: частная галерея, Мюнхен-2012; «Новые имена». Ирина и София Гершевицкие. Ульяновск-2013, Музей изобразительного искусства XX – XXI вв., филиал Ульяновского областного художественного музея; Культурный центр Пьера Кардена. Париж-2016; «Антибиеннале», Москва, ЦДХ-2018; «Диалог с палитрой», Москва, ЦДХ-2018; «Антибиеннале», Москва, ЦДХ-2019; участник выставки «Понаехали» Санкт-Петербург, Экспоцентр-2020.



Наталья КАЛАГИНА – врач-кардиолог, поэт. Родилась в 1972 году в Ульяновске. В 1997-м окончила медицинский факультет филиала МГУ имени М.В. Ломоносова, профессия – врач. С 1998-го – врач-кардиолог Ульяновского областного кардиологического диспансера, с 2019-го – заведующая отделением соматической реабилитации ГУЗ ОКД. В 2014 г. – победитель областного литературного конкурса «Мир равных возможностей» в номинации «Лучшее стихотворное произведение». Публикации: газеты «Ульяновская правда», «Вестник», «Дыхание Земли»; журналы «Мономах» №3 (10) 1997, «Ваше здоровье», №7, 2012. С 2016 г. занимается фотографией. Участник фотоконкурсов и выставок: XVIII региональный фестиваль-фотоконкурс «Экология – Безопасность – Жизнь» – 1 место в номинации «Мобильный фоторепортёр» – 2018, Ульяновск; XIX региональный фестиваль-фотоконкурс «Экология – Безопасность – Жизнь» – 2019, Ульяновск; городская фотовыставка «Забор 2019», Ульяновск-2019.

Наталья КАЛАГИНА

ПУСТЬ МЕСТА НЕ БУДЕТ В ДУШЕ ДЛЯ ПЕЧАЛИ

СЕРДЦЕ СОШЛО С ОРБИТЫ

Сердце скачет галопом с места,
И Земля как-то сильно кружит,
А в груди горячо и тесно,
Словно пламя забралось в душу.

Скажет мне старинный приятель,
Как и я, доктор дел сердечных,
Что пора поумнеть, и, кстати,
Со здоровьем нельзя беспечно.

Сердце – это не винт, не лопасть,
«Полетит» – не спасут таблетки.
Ну, а сердце то камнем в пропасть,
То замрёт, словно птица в клетке.

Док, болезни – твоя стихия,
Но не надо клише избитых,
Это вовсе не аритмия,
Это сердце сошло с орбиты.

* * *

Мне бы с тобой в сказку,
Но сказка – ложь,
А ты – свет.
Мне бы надеть маску,
А я – душу
Да на просвет...
Радуемся, как дети,
Кто скажет: не та пора?
Веришь ли, что на свете
Я – для тебя...
Из твоего ребра?..

ВЕТЕР ЗАБРАЛ С СОБОЙ

Это можно было назвать борьбой
За возможность чувствовать в унисон
И заполнить жизнь до краев собой
Для того, кто больше уже не сон.

Чтобы разгоралось ночной порой
Пламя от твоей дорогой руки...
Это можно было назвать игрой,
Только ставки слишком уж высоки.

Это можно было назвать судьбой,
Но, что будет завтра – не нам решать...
Ты ушел и ветер забрал с собой,
И мне просто нечем теперь дышать.

НИКАКИХ НОВОСТЕЙ

У меня для тебя никаких новостей.
Снова осень за окнами листьями кружит.
Эпидемия гриппа «висит на хвосте»,
Ничего, отобьемся. Бывало и хуже.

Белой дымкой туман над рекою скользит,
Когда мёрзнем с собакою мы на прогулке.
В стылом воздухе неуловимо сквозит
Что-то, бьющее в душу ударами гулко.

Скоро выпадет снег, и зажгутся огни
Разноцветных гирлянд
на больших перекрестках,
И, как прежде, заставят поверить они
В то, что сбудется глупая сказка для взрослых.

В то, что сложится, выпадет, произойдёт,
Повезёт непременно и сгинут печали.
Помнишь, как мы с тобою (какой же был год?)
Горячо и наивно о счастье мечтали.

Мы мечты научились развеивать в дым,
Вместо глупостей – чашка имбирного чая.
Никаких новостей.
Ты всё так же любим.
И всё так же нелепо я жду и скучаю.

* * *

Одинокая, стылая, белая
Снова выпала мне дорога.
Онемела зима: как посмела я?
Разве молят об этом Бога?

Но Его, неземного, незримого,
Исступленно, до боли, до хрипа
Я просила: верни любимого!
А он снег мне в ладони сыпал.

* * *

Снова я к нему лечу,
Да по встречной.
Кто сказал, что в мире чувств
Всё не вечно?

Светофор судьбы, стервец,
Светит красным,
Только золото колец –
Не указ нам.

Если голубем в окно
Бьются чувства,
А в душе, как домино –
Пусто-пусто,

И уже в руках других
Не согреться,
Не поделишь на двоих
Одно сердце.

И всего-то пара фраз
Ненадежных
Подведёт друг к другу нас
Осторожно

Сквозь горящие мосты,
Через пламя...
И оставит у черты:
Дальше – сами.

АКРОСТИХ

Луна, как в белой вазе,
Ютилась в облаках,
Бросала взгляды наземь,
Их вдаль несла река.

Манящая прохлада –
Отрада летних дней,
Муз дерзких серенада
У ивовых ветвей.

Мне сладко быть в неволе –
От сердца к сердцу нить.
Едва ли лучше доли
Мне доведется боле
У Господа просить.

АВГУСТ АТМОСФЕРНЫЙ

Август – спокойствие.
Август – молчание.
Щедрых садов разноцветная спель.
Время итогов, дорог и прощания.
Август – несбывшихся снов колыбель.

В желтых подсолнухах солнце укроется,
Чтобы потом окунуться в закат.
Птиц переключка вот-вот успокоится,
В небе останутся лишь облака.

Запахи терпкие трав увядающих,
Зыбких туманов ночных миражи,
Слёзы беззвучные звёзд опадающих...
Лето проходит, а кажется – жизнь.

АВГУСТ РАСТАЯЛ

Август растаял облаком вдалеке.
Сменит его вереница холодных дней.
Кто вам сказал, что осень всегда к тоске?
Осенью поцелуй всегда нежней.

С осенью нелегко перейти на «ты»,
Ветреным никогда не подаст руки.
Кто вам сказал, что осенью жгут мосты?
Осенью просто ярче все маяки.

Мальчик крылатый крепко свой держит лук,
В сладкой истоме ищущий новых жертв,
Кто вам сказал, что осень – пора разлук?
Нет у любви сезонов, ну право же!

Выбросив все ненужное, налегке
В нашу любовь войдём, чтоб остаться в ней.
Это неправда, что осень всегда к тоске!
Осенью мы друг другу еще нужней.

ЕСТЬ ЛЕГЕНДА

Есть легенда в народе одна,
Возвеличена славой нетленной,
И гласит, как известно, она
О другой, параллельной Вселенной.

В ней лишь два у сезонов лица:
Рай весны и цветущее лето,
В ней у сказок нет вовсе конца,
Но никто не жалеет об этом.

Там сбываются вещие сны,
Но лишь те, что пророчили счастье.
Там вовек не случалось войны,
Лишь любовь пребывает во власти.

Там неведомые существа
Средь людей обитают бесстрашно,
Там забыты дурные слова,
И все лица как будто бы краше.

В той Вселенной ко мне ты спешишь,
И душа всё ещё на свободе.
Ну, а в этой ты просто болишь
Где-то слева в груди.
К непогоде.

* * *

Утро начинается не с кофе,
Если ты, мой друг, теперь «собачник».
В зеркале едва мелькнет твой профиль –
Ждут в прихожей поводок и мячик.

У природы с небом неполадки:
Льёт оттуда уж вторые сутки,
А твой пёс играть надумал в прятки,
А ещё – «смотри: да тут же утки!»

Друг ты мой любимый, человечий,
Дай лизнуть тебя от чувств избытка!
И лапищи грязные на плечи
Лягут вдруг увесисто и прытко.

А потом зима придёт и стужа,
Ты ладони в теплой шерсти греешь.
И вдруг с удивленьем обнаружишь,
Что давно простудой не болеешь.

Летний зной, дожди, мороз звенящий
Для души – спасение от мрака.
Неспроста для дружбы настоящей
Символом является собака.

СТИХИ ДЛЯ ДОЧЕРИ

Девочка-эльф с недоверчивым взглядом
Цвета созревшей сентябрьской травы,
В сердце смешались и боль, и отрада:
Как же ты быстро взрослеешь, увы...

Ты, словно хрупкий наивный цветочек,
Тянешься к солнцу, не ведая зла,
Сколько еще не поставлено точек,
Кажется даль и легка, и светла.

В зеркало смотришь, вздыхая украдкой,
Не замечая своей красоты,
Милая дочка, всё в полном порядке,
Как же сказать, чтоб поверила ты?

Ах, если было бы это возможно –
Сердце твоё от невзгод защитить,
Всё, что мучительно в жизни и сложно,
Мне за тебя отболеть, пережить.

Только я знаю, свою дорогой
Каждому в жизни придется идти,
Бог, не суди мою девочку строго
И береги её в долгом пути.

* * *

Дождь барабанит гулко
В стареньких переулках,
Грусть подпуская ближе,
Хмуримся поутру.

Нас от зимы спасая,
Осень кружит босая,
Платье в заплатках рыжих
Хлопает на ветру.

Хочешь – бросай на ветер
Всё, за что был в ответе.
Чувства, мосты и листья –
Их всё равно сожгут.

Жизнь, как сезоны года:
Осень – канун исхода.
Шпагу, перо иль кисти
Поздно брать в руки?
Лгут!

* * *

Ты сошлешься на простуду,
Попрощавшись на бегу.
Вновь решу, что ждать не буду,
Но опять себе солгу.

Наши встречи так нечасты,
В этом нет ничьей вины,
Обменяв на принцип счастье,
Стали мы с тобой равны.

Посиди со мною рядом,
Посмотри в мои глаза,
Обними хотя бы взглядом.
Кто сказал, что так нельзя?

Наломали дров немало,
Да не разожгли костра.
И грехи твои устало
Я прощаю, как сестра.

* * *

На душу приклеив две новых заплатки,
Шепчу, улыбаясь: я в полном порядке.
От боли в груди моей всё ещё тесно,
Да только кому это всё интересно?

Как много людей в жизни нас окружает,
Но лишь станет плохо – любой это знает –
Куда-то исчезнут друзья и подруги,
И только незримые ангелов руки

Нас держат, пытаясь не дать нам до срока
Быть сожранным черною бездной жестоко.
Чтоб ветер опять заиграл парусами,
Должны мы быть сильными сами. Лишь сами.

Мой ангел, как хочется мне не проснуться
И крыльев твоих белоснежных коснуться,
Хоть раз, нарушая условности, мне бы
Подняться с тобою в бескрайнее небо.

Чтоб вновь захотелось обратно к любимым,
Порою несносным, но тоже ранимым.
Чтоб злоба ушла, наших душ не касаясь,
Нам нужно любить и прощать, не прощаясь.

МАЙСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Звёзды отражаются в реке,
Тает догорающий костёр.
Песнь на соловьином языке,
Так прекрасна. Смолк лягушек хор.

Ждут рожденья молодой луны
Небеса, над городом застыв.
И ещё так трепетно нежны
Листья на ветвях плакучих ив.

Опьяненный запахом цветов,
Мир приглушит краски до утра,
Погрузившись в царство светлых снов.
Май в разгаре.
Дивная пора.

НА ПОРОГЕ ЛЕТА

А завтра, а завтра уже будет лето,
И снова, как в детстве, душа замирает
В предчувствии счастья, свободы и света,
Ведь ты ещё помнишь, как это бывает?

Висят облака дирижаблями в небе,
А ветру, наверное, лень их подвинуть,
И ласточки воздух утюжат, и мне бы
Дать солнцу погладить и плечи, и спину.

А после гадать о любви по ладони
Твоей

На опушке ближайшего леса,
Укрыв суеверно от взглядов сторонних
Все тайны свои за зелёной завесой.

Пусть в речку вплетаются лунные блики,
Пусть места не будет в душе для печали,
Чтоб первые брызги лесной земляники
Вновь губы с твоими мои повенчали.

Министерство искусства и культурной политики Ульяновской области
Музей изобразительного искусства XX-XXI вв., филиал
ОГБУК «Ульяновский областной художественный музей»



ВЫСТАВКА 12+

«ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ НИТЬ»

Ирина Гершевицкая (живопись)
Наталья Калагина (фотографии, стихи)

ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ

9 марта в Музее изобразительного искусства XX – XXI вв., филиале Ульяновского областного художественного музея, открылась выставка «От сердца к сердцу нить».

Ирина Гершевицкая (живопись). Наталья Калагина (фотографии, стихотворения). На вернисаже было сказано много теплых слов в адрес авторов, среди выступающих – искусствоведы, литераторы, художники. Стихи Натальи Калагиной звучали в исполнении актрисы театра - студии *Enfant-Terrible* Татьяны Леоновой. Музыку Астора Пьяццоллы исполнил лауреат Международных и Всероссийских конкурсов, солист Ульяновского государственного губернаторского оркестра русских народных инструментов Константин Новичков. После церемонии открытия выставки состоялась презентация одноименной книги.

Автор и куратор концепции книги и выставки – Елена Сергеева, искусствовед, заведующая Музеем изобразительного искусства XX – XXI вв.

Участники проекта: Марина Калинова, Алексей Сидakov, Анна Бацарова (старшие научные сотрудники музея), Алина Калагина, София Гершевицкая.



9 марта 2020. Открытие выставки «От сердца к сердцу нить»



Экспозиция фотографий Натальи Калагиной

По QR-коду через смартфон вы можете увидеть страницы Музея изобразительного искусства XX – XXI вв. и видеосюжет с открытия выставки «От сердца к сердцу нить».



**ДИАЛОГ С ПАЛИТРОЙ.
КАРТИНЫ ИРИНЫ ГЕРШЕВИЦКОЙ**



И.С. Гершевицкая. Время дует в спину. 2017



И.С. Гершевицкая. Осень – Зима. 2012



И.С. Гершевицкая. Афон. 2020



И.С. Гершевицкая. Монах. Афон. 2020



И.С. Гершевицкая. Полет против ветра. 2012



И.С. Гершевицкая. Хамелеон. 2012



И.С.Гершевицкая. Африка. 2017



И.С. Гершевицкая. Мелодия. 2013



И.С.Гершевицкая. В юрте. 2018



И.С. Гершевицкая. Букет. 2020



И.С. Гершевицкая. Подсолнухи. 2012



И.С. Гершевицкая. Зной. 2009

ФОТОВЗГЛЯД НАТАЛЬИ КАЛАГИНОЙ



Н.А. Калагина. До завтра. 2017



Н.А. Калагина. Таинственная тропа. 2018



Н.А. Калагина. След херувима. 2019



Н.А. Калагина. Кружево осени. 2018



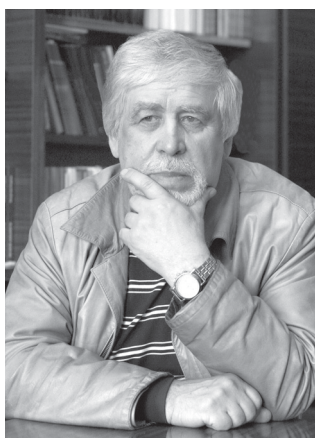
Н.А. Калагина. Антитеза. 2019



Н.А. Калагина. Пленница октября. 2019



СТРАНА ПОЭЗИЯ



Владимир СКИФ

В этом году отметил большой юбилей наш коллега, руководитель Иркутского отделения Союза писателей России, известный поэт, лауреат престижных литературных премий, автор 29 книг Владимир Петрович Скиф.

Владимир Петрович – секретарь правления Союза писателей России, член приёмной коллегии Союза писателей России, член редколлегии журналов «Подъём» (Воронеж) и «Литературный Крым», зав. отделом поэзии журнала «Сибирь», академик Российской академии поэзии.

В.П. Скиф награждён орденом «За службу России», золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы», медалями М.В. Ломоносова, М.Ю. Лермонтова, В.М. Шукина, адмирала Кузнецова, Георгия Жукова, Акинфия Демидова и др. Он победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо – 2008», победитель поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина (2010), лауреат международных премий им. П.П. Ершова (2009), «Имперская культура» им. Э.Ф. Володина (2014), «Югра» за перевод «Слова о полку Игореве» (2015), лауреат всероссийских литературных премий «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова (2013), им. Николая Клюева (2014), издательского дома «Российский писатель» (2014, 2016), журнала «Наш современник» (2015), лауреат Большой литературной премии России (2018). Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Болгарии, Венгрии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки.

БЫЛОЕ НЫНЧЕ, КАК ПРЕДАНЬЕ...

СТРУНА

Я ночью, пробудившись ото сна,
Лежу один во тьме несокрушимой.
В ночи звучит негромкая струна...
Откуда этот звук непостижимый?

Быть может, это ангелы во тьме,
Архангелом отпущенные к миру,
В предутренней осенней кутерьме
Несут мою истерзанную лиру.

А, может, это у меня – Господь
С души покровы темные срывает.
Наверно, он, обретший кровь и плоть,
Струну небес негромко задевает.

А, может, сон царапает сосна?
Поводит ворон крыльями из жести?
Наверно, эта странная струна –
Забытых предков тайное известье.

Их слово неугадное – во мне,
Их вера мне передалась в наследство.
Вновь наяву, а может быть, во сне
Под звук струны я проживаю детство.

И кажется – расходится стена.
И светлячками бездна расцветает.
Звучит над бездной вещая струна,
И над струною Ангелы летают.

РЯБИНА

Вновь шуршит трава опалая,
День промыт до синевы.
Ах, рябина моя алая,
С легким кружевом листвы!

Небосвод прошился утками,
Журавлями прозвенел.
Скоро снег тебя укутает,
Станешь белой, как мел.

Станешь ягодой посверкивать
Из холодной белизны.
Ах, рябина моя терпкая,
Еще долго до весны.

Будешь с ветром силой меряться,
Наблюдать под ёлкой рысь.
Я приду к родному деревцу
Знобкой ягоды погрызть.

Нашепчу тебе о верности,
О грядущем светлом дне.
Кедру слово сокровенное
Передать доверишь мне.

Ты не дубу, кедру-молодцу
Отдала свою любовь.
За него болит и молится
Твоих жарких ягод кровь.

ЗОЛОТАЯ ПОРА ЛИСТОПАДА

Сердце чуду осеннему радо,
Высоте поднебесного дня.
Золотая пора листопада
Обняла, закружила меня.

Время год намотало на оси
И кибиткой умчало в зенит,
Золотыми монистами осень,
Как цыганка, звенит и звенит.

Я лечу с журавлями по небу,
Белой чайкой скольжу между скал,
А листва золотистой нерпой
Окунается в ясный Байкал.

И звучит, как живая гитара,
И пьянит, как шальное вино,
Листопад – огневой до угара –
И травы золотое руно.

Я с любимую женщиной рядом!
Отражается, как в небесах,
Золотая пора листопада
В опрокинутых женских глазах.

И не слитки минувшего лета,
Не листва с ее гиблой игрой,
Поцелуи срываются с веток
Золотою осенней порой.

Ты – моё наслажденье, услада,
Искупленье последних грехов –
Золотая пора листопада,
Золотое сеченье стихов!

В ГОСТЯХ У ПСА

В гостях у пса
В просторной будке
Сидим и пьем вино вдвоем.
В гостях у пса
Сухую булку
Сидим и медленно жуем.
Он говорит мне:
Надоело
Ночами лаять на луну,
На столб мочиться
То и дело
И цепью цапать тишину.
Он говорит:
Упали уши,
Теперь я стар и одинок.
А кобелям другим
На ужин

Бросают лакомый кусок.
Теперь не лается,
Не спится
И суки стали обижать.
Теперь я пью.
Охота спиться,
Пропить ошейник
И сбежать.

ОДА БАЙКАЛУ

Живое зеркало Байкала
В оправе скал. Скала к скале.
Здесь совершенство отыскало
Себя в байкальском хрустале.

Здесь небо в море уместилось,
Рисунок гор – неотразим!
В распадах ветры угнездились:
Култук, сарма и баргузин.

Здесь быть и жить необходимо –
У этих вод, у этих скал.
От зла да будет оградимо
Твое вместилище, Байкал!

Порою ты клокочешь гневно,
То пустишь рябь, то гонишь вал...
И мне охота каждодневно
Читать, как Библию – Байкал.

Оно почти невыразимо
То чувство древнее во мне,
Когда на крыльях баргузина
Душа несется по волне.

Но, чу! Глухая ночь упала...
Деревья спят, и люди спят.
Лишь где-то рядом запоздало
Во тьме уключины скрипят.

Я, ощутив Байкала трепет,
В нем звездную увидел взвесь.
Скажите, звезды, а на небе
Подобное Байкалу есть?

Он вечный! Вещий! Драгоценный!
Он место в космосе искал...
И если есть душа Вселенной,
То это всё-таки Байкал!

* * *

Твоих забот полдневный круг
Меня в печали обнаружит,
Но свет твоих волшебных рук
Меня над бездною закружит.

Среди тоски, где я дичал,
Стихов и женщин одержимых
Я рук нежнее не встречал,
Таинственных, непостижимых.

Я пальцы тонкие найду
В полночной тьме и чувств не скрою:
Я к ним губами припаду
И поцелуями покрою.

* * *

Среди унылости земной,
Среди осенних бездорожий
Мне так охота в час ночной
К тебе прижаться всею кожей.

Меня на диких взлётах бьёт
И разрывает на стремнинах.
Мне так тебя не достаёт
В ночах прокуренных и длинных.

В кругу благих и не благих
Знамений, лет и дней летящих
Одна лишь ты среди других
Бываешь самой настоящей.

* * *

Так много внутреннего света
В твоих глазах, в лице твоём,
Что кажется – сияет это
Живой, огромный водоём.

Сияет снег, сияет небо...
Ты так близка по свету им,
Что я подумал: ну, а мне бы –
Быть отражением твоим.

Белеет инеем ограда,
Зима справляет Рождество,
А ты, как тихая лампада,
Стоишь у сердца моего.

МАМА

Былое нынче, как преданье,
Напоминает мне о том,
Что есть излучина за далью,
А в той излучине – наш дом.

Мне чудится наш двор за школой,
Где время встало на постой,
Где воробьиный гвалт веселый,
И гулких лиственниц настой.

Я вижу август переспелый
С кувшином солнца в облаках,
И с кружевной молочной пеной
Подойник в маминых руках.

Там я, послушный и упрямый,
Познать пытаюсь жизни суть.
Иду по жизни рядом с мамой,
Запоминаю тяжкий путь.

Впервые в думах об Отчизне
Понять пытаюсь бытиё.
Учусь у жизни – правде жизни,
У мамы – мудрости её.

Спасибо, мама, за сиянье,
За воду чистую в ковше.
Моей души живые грани
Твоей обязаны душе!

ХРИПЛОЕ ДЕРЕВО

Видел я хриплое дерево:
В нём раздавался не скрип,
Но и не шелест размеренный,
А человеческий хрип.

Дерево тёмное, бурое,
Будто в засохшей крови,
Гнулось под ветром, понурое,
Гнило вдали от любви.

В небо смотрело воронами,
Смертную тайну храня.
Тяжкими хрипами, стонами
Часто пугало меня.

Что в нём таилось и кашляло,
Билось, как сотня оков?
Тайна ли спряталась страшная
Или сомненье веков?

Я к нему душу примеривал –
Выспросить, что в нём и как?
И прохрипело мне дерево:
– Я твоя совесть, дурак!

ДЕРЖАВЕ

Кому досталась ты, держава?
В какие влилась берега?
Кого, таясь, во тьме рожала?
Неужто – кровного врага?

С кем честь и власть свою делила?
Не помышляла об ином,
Как в дни разлада и распыла
Перевернуть себя вверх дном.

Ты обнищала и потухла.
Держава ты – или уже
Та девка, что для всех доступна
На площади и на меже.

Ведь ты жила и отражала
Любого грозного врага.
Воистину звалась Держава!
Теперь раздета донага.

В народе со своей виною
Тебе всех болей не объять.
Неужто девкой площадною
Так и останешься стоять?

...И всё-таки порой осенней,
Когда в стыде очнёшься ты,
Я тихо брошу на колени
Тебе последние цветы.

СЛАВЯНАМ

Неужто наваждение слепое
Славянами владеет, как судьба?
О, древний спор славян между собою,
Он до сих пор не исчерпал себя.

До сей поры нас Бог, как шельму, метит,
В своих пожарах мы опять горим.
Неукротимы под пятой у смерти,
Опять свою гордыню не смирим.

Нас по углам хулители разводят
И снова между нами, без затей,
Жируют и врагов для нас находят,
Изводят наших собственных детей.

А мы никак свой дом не обиходим,
Свистим в кулак и свой сжигаем флаг.
Мы нацию на кладбища выводим
И строим новый для себя – ГУЛАГ.

Да где же вы, славяне? Украина,
Россия и родная Беларусь?
Торчат ножи-раздоры в ваших спинах...
А ведь когда-то всех спасала Русь.

ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ

Мы все, наверно, понимали,
Придут разор и чёрный дым.
Но ты грядущие печали
Прозрел пророчеством своим.

Горели судьбы и скрижали,
Был воздух Родины тяжёл.
Мы оказались на пожаре,
Куда ты раньше нас пришёл.

Какая творческая сила
Тебя над миром вознесла!
Сама земля, сама Россия
Тебе свой голос отдала.

Ты посреди родных околиц
К живому Слову прирастал.
Теперь там светит колокольня,
И Храм, который ты создал.

Под ним – нетленная Матёра,
И– Китежа большая тень,
И– вся Россия, о которой
Душою страждешь каждый день.

О, как спасти родных и близких,
Деревья, травы – от беды?
Непокорённый царский листвень
К тебе рванётся из воды.

Вдруг оживут луга и доли,
Сойдут святители с небес.
Опустится плетень у школы,
Заговорит убитый лес.

Быть может, это вправду будет,
И обновлённый мир вздохнёт?!
Нам, грешным, Валентин Распутин –
Матёру – каждому вернёт...



Нина ОРЛОВА (Маркграф) родилась на Алтае, в селе Андронове. Окончила Камышинское медицинское училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор книг стихотворений: «Царь-сердце», «Утешение», «Птицы-летицы», сборника рассказов «Хочешь жить, Викентий?». Автор стихов и рассказов для детей, в том числе «Православной азбуки», которая выдержала несколько переизданий. Автор-составитель книг «Мысли русских Патриархов», «Мудрый сердцем» (о московском священнике о. Николае Голубцове) и др. Лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского. Лауреат премии в номинации «Лучшая книга исповедальной лирики» (2016 год). Лауреат Международного конкурса имени Сергея Михалкова за сборник рассказов «Хочешь жить, Викентий?». Живет в Москве.

НА РОДИНЕ ДУШИ МОЕЙ

Из Алтайского цикла

ГЛУПЫЙ КОЛЯ

Его в деревне называют глупым Колей,
он телом взрослый, разумом дитя,
Все лето босый, вот бежит по полю,
лицом красив, черты как отблеск рая,
глаза – озера горного Алтая,
рот в детской радости открыт и ловит мух.
Все Коле нравится. Все хорошо ему.
– Ты мамку любишь?
Засмеется Кольша.
Он любит всех, но бабушку всех больше.

Мать в городе, все ищет лучшей доли.
В завивке модной, в платье чистый шелк,
с гостинцами для бабушки и Коли
приедет в отпуск – то-то хорошо!
Но отчий дым ей очи ест, он горек,
недельку поживет – и снова в город.

Сейчас, мы знаем, полем он бежит,
вдали комбайн срезает волны ржи,
садится солнце, вот оно погасло,
и гонит стадо пыльное пастух,
идут коровы,
молоко, сметану масло,
дары для жизни в вымени несут.
Воитель грозный, племени хранитель
в любовной муке бык-производитель
цель догоняет, трепетную Майку,
в нем центнер мышц, башка размером с шайку,
и, как ухват, угнутые рога.
Идет отдельным стадом мелюзга,
овечки-ярочки и козочки пуховы,
баран шагает и козел бедовый.
Над речкой мост, дощатые подмости,
толпятся бабы, старики, подростки,
здесь вся деревня собралась
встречать скотину,
и Коля тут босой и с хворостиной.
Он за козлом бежит, смеясь: эй, Борька!
На спину прыг и едет на козле!
А бабка смотрит и вздыхает горько.
«Ох, горькое дитя!»
Ровесники робята уж девок щиплят,
на тракторах все лето, на канбайнах,
Володька Дудь с весны на мотоцикле,

а мой-то, поглядите, на козле».
И слезы фартуком несчастно утирает,
А Коля:
– Баба, бабушка, не плачь!
Бросает Борьку, тот умчался вскачь.
«Ох, горькое дитя, ох доля злая...»
Он обнимает бабушку:
– Не плачь!
И плачет сам.
А почему не знает.

ЛАД СВЕТА

Когда я сегодня проснулась,
берёза зарянками пела,
верхушка ритмично качалась,
качался мой синий гамак,
я каждую ветвь оглядела,
но не было птичек. Казалось
(и мне по душе эта шалость),
что пела берёза сама.

Сказала я ей: гениально!
И трели, и гамы, и свисты!
А слух у тебя – нереальный
А свежих «ре-ми» – килограммы,
такие мажорные гаммы –
лад света и радости чистой!

Ты лютня, ты арфа, ты цитра,
оркестром прекрасна и сольно,
ведь ты – из семейства щипковых
всей сутью своей белоствольной!

Семь раз обошла я березу,
шутя с ней, талант воспевая,
вдруг розовых колбочек воздух
стал синим, тяжелым – и стая

зарянок рассеяла ветки,
коричнево-красным блистая.
Их мелкие грудки-ранетки!
Как в школьном саду на Алтае.

Как в первом, с забором из дранки
саду, бывшем раньше церковном,
я знаю, оттуда зарянки,
Ранетки андроновской школы.

Из цикла «Солнце правды»

ТРИСВЯТОЕ

История одного монаха

Недвижно на постели мать сидела.
Уж сутки на руках ее дитя
лежит, запало личико и потемнело,
в кровавой сыпи тело, жар в головке,
до корня воспаленным правым легким
хрипит. В чертах – небытия изгиб,
на одеяле – ручек желтый гипс.
Вдруг тихо все. Дыхания не слыша,
она встает,
прикладывает зеркальце к губам.
Нет облачка. Малыш ее не дышит.

Кладет дитя. И медленно идет.
Ее виденье странное ведет:
подземный берег в дудках камыша,
река течет вся черная –
не Стикс ли?
За пятку крепко держит малыша
фигура темная, в воде дитя купая
с холодным плеском. Тень ее скупая
застыла вдруг. И плач, и всплески стихли.

«А личико его
такое, как у сына моего! –
мать думает. – Иду к тебе, иду!»
И понимает, что она в бреду.

И возвращается. В углу иконостас.
соль четверговую хранит Пречистый Спас.
Сосуд. Богоявленская водица.
Ей ясно виден Бог, а не божница.
Она упала на пол перед Ним
«Верни мне сына, Господи, верни!
сердечко всколыхни,
кровь приведи в движенье,
Вдохни дыханье, брызни в очи свет,
пусть он живет! Даю святой обет:
Тебе он будет отдан на служенье!»

Ночь за окном. Какая нынче ночь!
Точь в точь монаший куколь – неба купол:
он шлем спасительного упования,
остроконечна высь, ширь бесконечна,
И серафимы осияли шлем
и «Трисвятое» вышито огнем.

Она молилась – сколько не известно,
вмещал все небо красный угол тесный,
все Небо благодатное! И вдруг
она увидела большой чудесный луг,
течет ручей, вода еще в нем та,
что пили яблоны Эдема, травы рая,
и сын ее резвится и играет
с детьми такими же веселыми, как он,
и пенье издали ей слышится и звон,
молясь, она к себе его зовет,
ее лицо, глаза залиты потом,
и, прячась в пышных куцах, неохотно
на материнский зов дитя идет...

Она очнулась. Пел соседский кречет.
А что же сын? С постели к ней бежит,
румяны щечки и веселый вид,

и просит есть и что-то все щебечет...
Мать обняла его – и в это время сойка
в окно влетела. Шар воздушный солнца
сиял, и птица белая в лучах
крылом коснулась детского плеча.

...Где древний бор, тропа в плену корней,
есть пустынь – мало знает кто о ней.
Горит лампада в кельи монастырской,
пред чудною иконою Ахтырской
кладет поклоны старец. Помолясь,
выходит он на двор скита просторный,
монаший куколь островерхий черный
на нем. Очами детскими глядит
на птиц, к нему летящих, – светлых соек,
блестит небес холодный зимний наст,
он трижды крестится и повторяет Трисвятое:
Святой Боже,
Святой Крепкий,
Святой Бессмертный,
помилуй нас!

БЛАГОВЕЩЕНИЕ У КОЛОДЦА

Хлеб испечен и чисто прибран дом.
«С Иисусом на колодец мы пойдем» –
Она сказала, из кувшина выливая
остатки донные в большую кружку,
брусок к бруску приладив, гвоздь вбивая,
кивнул Иосиф. Маленький Иисус,
метелкой с верстака сметая стружку,
прозрачную, как воск медовых сот,
одну поднял и к матери несет.

Они пошли к колодцу, сын бежал
чуть впереди, сухой полдневный жар
клонил олив серебряные выи,
шли женщины – овые* на плече, овые
на голове несли кувшины,
куст голубел, но был гиматий ветхим,
звенела птица – колокольчик под дугой
большой упругой ветви.
И вспомнился Марии день другой,
когда вот так же шла она весною.
Сияло утро, будто голубь Ноя
всей переливчатой листвою масличной.
Казалось новым всё и необычным.

Кувшином воду зачерпнув,
Она молитвенно стояла,
прикосновеньем неземным приятен
был воздух, и дышалось всласть,
из перьев золотых, лазурных пятен
даль состояла, и висела, и вилась,
сквозь ушко солнечной иглы продета.
Ей голос был, звучал он рядом где-то:
«Радуйся, Мария!»
И устрашилась.
И прижала к сердцу руку.
Сруб каменный колодца. Неба свод.
С высот до дна, со дна и до высот
взлетает звук,
но скрыт Господний рупор.

С тяжелым водоносом на плече,
Она спешит, шаги тревожны, быстры,
А даль, висевшая на солнечном луче,
Угасла и рассыпалась на искры.

* овые – некоторые, иные из них

ПОСВЯЩАЕТСЯ НАЗАРЕТУ

И вот они верулись в Назарет.
 презренный, галилейский, захоластный,
 пещерный камень душно разогрет,
 давно остыла печка, пусто устье,
 лишь на шестке щела и холмик стружки
 не убраны остались. Второпях
 золу не выгребли, поленьев белый прах
 дно выстилает. На полу игрушки,
 эй, деревянный ослик, цок-цок цок!
 Приехал твой хозяин. Вот, сынок,
 твой ослик! И дитя на пол садится,
 хлопочет мать, Иосиф суетится,
 и паутины серебрист ковыль,
 простого быта обрамляет быть.

Здесь можно, сев за прибранным столом,
 в тиши внимать пророчеству Исайи
 и удивляться, книжный лист листая:
 казалось в детстве, что они взлетают,
 заглавных букв большие снегири
 и маленьких размашистые стаи!

Так незаметно и наступит утро.
 И кажется клубком одушевленным
 веретено зари –
 красна, пушиста пряжа,
 на улице пронзен озоном воздух,
 питает кровь целительная взвесь,
 плоть обретает слово, возглас – весть,
 и пряжа жизни вечной
 здесь соткана, где Назарет Предвечный!

Ни сильный Рим, ни умные Афины
 не приютили их за стенами своими,
 в прохладных горницах твоих, Ирусалим,
 нет ни угла, ни даже койки им,
 но Назарет, песчинка у горы,
 хранил их...

КЕДРОНСКАЯ ДОЛИНА

Отсюда виден путь Господень.
 Иерусалим, Иерусалим!
 Кедрон омыл оливам ноги,
 как сотаинницам своим.

Осленок солнечного утра
 очами детскими глядел,
 как веер ветви изумрудной
 плыл по воде, плыл по воде.

Цвела зута, и жук карминный
 полз, шелестя зеленый шелк...
 Жива Кедронская долина,
 которой Бог когда-то шел!

Дух жив у стен Ирусалима.
 И день воздушною рукой
 на храм Марии Магдалины
 надел гиматий голубой.

Гора Масличная под вечер
 еще свежей и зеленей.
 Хотела б в эту землю лечь я,
 хотела б здесь лежать до Встречи –
 на родине души моей.





ДОРОГА К ХРАМУ

Иеромонах ПАНТЕЛЕИМОН (КРАВЕЦ)

ЦАРЮ НЕБЕСНЫЙ...

Помню, всё никак не мог решить – с чего начать свой рассказ. Вот ведь незадача! Мучительно представлял в голове предполагаемые фрагменты будущего повествования, и ни один из них упорно не желал становиться первым. Будто сам текст в глубинах своей сути уже таил какой-то готовый ответ, но какой – я не мог для себя понять. Так за размышлениями незаметно прошёл день. Монастырский колокол ударил к вечерне. И то, что я услышал буквально сразу, зайдя в храм, вмиг разрешило сомнения.

Ответ был очевиден. Конечно же! С чего начинается всё наше православное богослужение? С молитвы Святому Духу! Мы всё начинаем с неё. Фрагмент, которому изначально суждено было «стать во главу угла», сам занял своё законное место. Ярко и отчётливо, словно было это только вчера, вспомнились мне то робко наливающееся солнцем утро, облака в перечёркнутом решётками голубом проёме над головой и мы, иступлённо замершие, словно птицы на краю утёса... «Царю Небесный, Утешителю... иже везде сый и вся исполняяй... прииди и вселися в ны... и спаси ны...». Голос чтеца на клиросе звучал ровно, возвышенно. А я стоял, окутанный тёплой живой волной из прошлого, и вспоминал, как пели мы эту молитву Святому Духу тогда, в 2008 году, с моим тюремным братством в холодных и уютных каменных объёмах штрафного изолятора...

Колония, в которой я нёс своё пастырское служение, была основана в 1931 году. Вид она тогда имела, конечно, иной. Какой именно – теперь, при желании, можно увидеть на многочисленных музейных макетах, картинах художников и даже в кино. Колонии того времени строились практически всегда по одному типу. Всё было бревенчатым, дощатым – бараки, заборы, охранные вышки. Наверное, бревенчатым был в те времена и штрафной изолятор. Когда именно появилось существующее ныне здание ШИЗО – сказать сложно. Но думаю, каков бы ни был возраст этого мрачного места, оно успело повидать на своём веку немало горя, злобы, слёз и, наверное, крови... Сокращённое название штрафного изолятора – ШИЗО – с самого начала не ассоциировалось у меня с предметом, который оно обозначает. При произношении неизменно вызывало ощущение чего-то шершавого, неприятно скребущего душу. И скорее походило на термин, означающий одноимённый вид психического расстройства. Как ни смешно теперь об этом говорить, но вначале я действительно думал, что ШИЗО – это место для сошедших с ума заключённых. Такой закрытый, простите, местечковый дурдом. Моя версия сразу же вызвала дружный смех нашей тюремной братии, и мне объяснили, что на самом деле это слово обозначает. Но и после того оно осталось для

меня больше символом болезни, чем обозначением режима содержания.

Официально штрафной изолятор – это «отделение исправительного учреждения, где расположены камеры для нарушителей режима содержания»¹. Своеобразная «тюрьма в тюрьме». В обиходе – «крытка» или «под крышей». «Крытый режим» означает содержание в камерах, по типу тюрьмы, в отличие от более свободного, «под солнышком», режима колонии. Своеобразно и очень характерно звучат на тюремном языке действия, связанные с отправкой и возвращением из ШИЗО. Отправить заключённого в штрафной изолятор – «кинуть в ШИЗО». Выпустить из штрафного изолятора – «поднять в колонию». Звучит так, словно разговор идет о подземелье, о каком-то «царстве Аида».

И хотя смысл этих слов, казалось бы, лежит на поверхности – ну, чего тут вроде непонятного? – ухудшить положение, улучшить положение, кинуть—поднять, вниз—вверх по шкале благополучия – по-настоящему он стал понятен мне, лишь когда я впервые увидел камеру изолятора изнутри. Тогда я сердцем ощутил, а не умом – какое состояние могло родить подобную ассоциацию. Существует знаковый тюремный обычай. «Поднявшемуся в колонию» из изолятора заключённые дружно собирают новую одежду. И не только «робу». А всю – до трусов и носков. На мой вопрос, для чего это следует делать, ответили: «Нужно выбросить одежду, в которой человек страдал. Новая жизнь – новая одежда». Страдания в данном случае – это не какого-либо рода издевательство. Не о них сейчас речь! Это внутреннее чувство, что тебя выбросили за пределы нормальной жизни, за черту, за край. Оказаться в ШИЗО, оказаться в подземелье, в бездне... Что должно стать следующим шагом? Оказаться в аду? Если тюрьма – это окраина жизни, а ШИЗО – это окраина окраины, то куда дальше? Выкинуть одежду страданий! Сжечь её как лягушачью кожу! Вот он смысл. Внутреннее подспудное желание каждого человека вырваться из этого страшного состояния. «Подняться» – не значит вернуться. Это внутреннее движение вверх, а не назад. Вверх! – из этого состояния отчуждённости, выброшенности, никому ненужности, – словно человечество окончательно избавилось от тебя как от гангрены, как от проказы. «Подняться» – это праздник пусть маленького, пусть не окончательного, но всё же освобождения. От горя, от людей, от себя самого. Отход от края пропасти, пусть всего на несколько шагов, но в сторону нормальной, хотя ещё и не окончательно свободной жизни. И пусть «нормальной» – пока только в твоём понимании, с известной долей тюремного заливчатства. Пусть! Это праздник, когда всё окружающее – обстоятельства, люди и даже само твоё внутреннее состояние – отчаянно стремятся «кинуть» тебя в пропасть, – с глаз долой! – но невидимая,



*«В тяжких обстоятельствах
Небо всегда ближе...»*

непреодолимая Сила всё-таки берет тебя и «поднимает»! Вверх – к свету! Разве это нехарактерно и вообще для нас всех?

Во время Таинства Крещения принято снимать старую одежду и облачаться в новую – «в ризу правды», в «ризю светлу». Сейчас это уже, конечно, не соблюдается, но в первые века христианства новокрещёные обязательно несколько дней после совершения Таинства ходили в своих новых белых крещальных одеждах. Даже одеждой символизируя своё обновление. Конечно, эти события совершенно несоизмеримы! И всё же...

В процессе своего служения в колонии я не раз задумывался над тем, что, возможно, не надо весь тюремный язык относить к «блатному жаргону» и сторониться его как лингвистической проказы. И если штрафной изолятор – это

«тюрьма в тюрьме», то сама тюрьма – это «страна в стране». А каждая страна имеет свои обычаи и свой язык. Говорить на этом языке, конечно, не стоит. Но изучать нужно, для того чтобы лучше, глубже понимать этот трагический внутренний опыт переживания тюрьмы. Он, несомненно, важен как часть переживания внутренней трагедии всего человеческого существования.

Я прекрасно помню, каким впервые увиделось мне ШИЗО. Несколько заключённых, в то время находившихся в изоляторе, подали заявление в администрацию колонии с просьбой дать им возможность побеседовать со священником. Заявление рассмотрели, одобрили, и в назначенный день я, приготовив всё, что мне могло пригодиться, сидел в позе «всегда готов» на лавочке в притворе нашего тюремного храма. Хождение по территории колонии посторонним лицам – а священник, как ни крути, в колонии постсоветского пространства лицо постороннее – без сопровождения запрещено, и я ждал пока меня заберет с собой дежурная смена. Наверное, я волновался бы ещё больше от неизвестности, от какой-то липкой, постоянно наваливающейся в подобных случаях неуверенности, но начальник колонии разрешил взять с собой двух моих самых близких помощников из числа тюремной братии. Оба они, Николай – наш тюремный староста, и Михаил, на плечах которого лежала организация чтения и пения в нашем тюремном храме, были люди глубоко верующие, верные, надежные и, что немаловажно, к тому времени уже имеющие приличный тюремный опыт, – мне было с ними гораздо спокойнее. Словно они были гарантами, что изолятор не выкинет со мной какую-нибудь злую шутку.

В назначенный час мы с дежурной сменой прошли через плац, через вереницу одноликих серых бараков и уткнулись в забор, увенчанный гирляндой колючей проволоки. Изолятор, будучи своеобразной «тюрьмой в тюрьме», «государством в государстве», был огорожен собственным забором.

На запрос офицера, произнесённый как пароль в какой-то едва приметный глазу микрофон, железная калитка с громким щелчком распахнулась, словно движимая чьей-то невидимой рукой, и мы вошли в глубь двора. Нашему взору открылась довольно просторная территория, поросшая аккуратной зелёной травкой. Как-то нелепо, словно не отсюда, смотрелись две или три крошечные клумбы с редкими цветами. Здание изолятора простиралось посреди двора как огромный серый валун. Низкое, приземистое, оно выглядело так, будто насмерть вцепилось когтями в землю. Дальше – под уклон по узкой асфальтовой дорожке, оставляя справа две просторных клетки прогулочных дворишков, – под навес, и наконец, налево – вход. Переступив порог, я вдруг почувствовал, что переступил границу двух миров. Внутренность изолятора моментально сдавила, как каменная рубашка. Совершенно необъяснимое чувство. Впереди меня был длинный коридор, освещённый мутным светом коридорных ламп. В некоторых местах сумрак коридора резали на отсеки чёрные преграды решётчатых перегородок. В конце коридора можно было разглядеть дверь в прогулочный двор. По обе стороны – двери в камеры. Бетонный пол. Грязно-болотным цветом выкрашены стены; с кантиком, как кухни старых «хрущёвок». И запах... Смесь затхлости, тревоги, хлорки, пота. Я не могу описать его, но точно помню – мне показалось тогда, что это запах самого человеческого горя. Истошно орала музыка. Я даже запомнил: пела Алёна Апина. Я спросил идущего рядом дежурного:

– Зачем?

– Зачем Алёна Апина? – сдержанно улыбнулся он.

– Нет... вообще...

– Чтобы они тут совсем с ума не посходили, – был ответ.

Я пожал плечами – обсуждать это не было ни времени, ни смысла, хотя слова его меня совершенно не убедили. Хотелось сказать ему, что от истошно орущей Алёны Апиной я бы и на воле непременно с ума сошёл. Впрочем, а что я собственно собирался тут услышать? Шопена? Моцарта? Баха? Наверное, Шуберт бы подошёл... Уже позднее я понял, что именно меня смутило. Я вообще не собирался услышать тут громкую музыку. Овеянный тайной и всевозможными жуткими преданиями, загадочный изолятор ассоциировался у меня не иначе как с гробовой тишиной, гробовым молчанием.

Комната, в которой мне предстояло проводить исповедь, называлась «медицинской» и находилась примерно в середине коридора. От остальных камер она завидно отличалась некоторым повышенным тюремным «комфортом». Обычная камера – это бетонный пенал с небольшим зарешечённым окошком. К стене крепятся подвешенные на цепях раскладные «нары», которые днём должны быть, по инструкции, к этой же стене пристегнуты. В бетонный пол вмурованы железные трубы, сверху к которым приделаны крашенные деревянные прямоугольники. Это стол и стулья. В одном углу – умывальник. В другом, за перегородкой высотой примерно по грудь человеку, «параша» – тоже вмурованный в бетон железный военного типа унитаз. В медицинской комнате «параша» не было, от чего

воздух был не в пример чище. У стены стоял настоящий деревянный топчан. У окна деревянные – стол и стул. Часть стены была покрыта плиткой. По меркам изолятора это был большой уют.

Мы двинулись по коридору. Двери, ведущие в камеры штрафного изолятора, двойные. Снаружи – массивные, толстые, с глазком. Вторые, более лёгкие, решётчатые – внутри. В тот день внешние двери некоторых камер были открыты. Появление священника вызвало оживление и интерес. Заключение подходило и сквозь решётки смотрели на меня, в глубине их глаз как будто таился безмолвный вопрос. Или просьба? Так и осталось в памяти: бледные руки, цепляющиеся за рифлёные прутья, глаза и холодок по спине от этой картины человеческого зверинца. Я помню, от всего этого меня слегка знобило. Возможно, читателю покажется, что я сгущаю краски. Но в самом начале, я уже говорил – эти воспоминания носят глубоко субъективный характер. Таким я увидел тогда изолятор. Такой мне почувствовалась тогда его метафизическая суть. Именно – человеческий зверинец...

Ещё одно: лица показались мне похожими на старые испорченные портреты. Смазанные, расплывчатые. Слово все были на одно лицо. Будто в клетках тут держали какой-то особый, отдельный вид человеческих существ. Даже когда они приходили на исповедь, это ощущение одинаковости, смазанности всё ещё некоторое время оставалось. Но в процессе разговора, а особенно исповеди, маски словно растворялись в воздухе. И как старые иконы сквозь свежий слой белил, медленно проступали лики; проявлялись личности. Я искренне радовался этим счастливым метаморфозам, этому Божьему действию в них. Но всегда чувствовал, что вдаваться в саму суть происхождения этих масок мне не хочется. Я не «проклятый психолог», как мог бы крикнуть мне в лицо испуганный Ставрогин...

Когда железная калитка, ведущая во двор штрафного изолятора, вторично щёлкнула у нас за спиной, я, жмурясь на играющее в небе разноцветными кругами солнышко, облегчённо вздохнул. Поднялись в колонию!

Лет шесть или семь спустя, я, помнится, посетил тот же изолятор, хотя в колонии уже не служил. Один из заключённых, там находившийся, считая меня своим духовным отцом, хотел исповедаться. Администрация пошла навстречу. И вот я снова оказался в этом неудобном месте. Изолятор было не узнать. Посвежевший после ремонта, он выглядел неожиданно иным. Сопровождающий офицер с радостью и даже неким оттенком гордости показывал мне стены и двери, окрашенные светлой краской, душевую, выложенную вполне приличной плиткой, электрические замки на дверях камер, выполненные по международным стандартам. «Ни много ни мало – тюремный рай» – мелькнула мысль. В глубине души я вполне понимал его чувства. Большую часть служебного времени ему приходится проводить тут. Но даже такой обновлённый вид изолятора в молочном свете коридорных ламп таил какую-то скрытую, словно въевшуюся за долгие годы в стены, тревогу. И казался мне чем-то вроде духовного морга или подземного хранилища обмерших душ где-то на самом краю бытия...

После возвращения из ШИЗО я поделился с братьями нашего тюремного прихода своими ощущениями. Ребята внимательно слушали, рассуждали – в ответ делились чем-то пережитым своим. Некоторые к тому времени побывали в изоляторе и знали о нём не понаслышке. Мы рассуждали о тюрьмах вообще. О внутренних духовных состояниях свободы и заключения как символах внешних. Ребята делились интересными случаями из своей жизни, из истории колонии. Какое-то важное и нужное решение медленно созревало у меня внутри. Потом немного шутили, чтобы разговор не стал совсем уж мрачным. Наш староста Николай вдруг ни с того ни с сего вспомнил, что слышал – будто в советские времена, в 1970-е, наша колония была политической и сидели тут многие известные деятели. И что даже одно время отбывал тут срок будущий министр финансов Израиля. И что он вроде даже приезжал сюда уже потом, спустя годы, правда, неизвестно зачем.

– Напишите ему, – пошутил я. – Может, пришлёт денег на благоустройство?

– Ага! Дождешься от него! – засмеялись в ответ братья. – Как бы сам чего не попросил. Ножичек там сделать или нарды на память.

– Ну, я так, гипотетически...

– Нет, батюшка, – вдруг уверенно возразил Михаил, – Мы уже убедились. В этих наших условиях всё самое важное должны делать мы сами.

Потом мы обсуждали тюрьмы начала XX века. Беломорканал. То, как создавалась ветка Дубравлага в начале 30-х годов. «Самое важное должны делать мы сами... в наших условиях... мы сами», – почему-то, словно камerton, звучали у меня внутри сказанные Мишей слова. Кажется, важное решение созревало не только во мне, оно как будто витало в воздухе. Потом мы ещё говорили о репрессированных в те годы священниках и монахах, которые находились тут и, возможно, даже в этом штрафном изоляторе. О страданиях российских новомучеников и исповедников. И вообще о страданиях людей в те страшные времена. Почему-то всплыли в голове слова святителя Иоанна Шанхайского (Максимовича): «В трудные времена каждый христианин сам лично ответственен за всю полноту православия». И вдруг осенило!

– Правильно, братья. Мы должны. Именно мы. Мы сами!

Так родилась идея отслужить водосвятный молебен в штрафном изоляторе и окропить это место освящённой на молебне водой. Именно мы должны были наконец-то сделать это впервые за всю историю колонии. Потому что только в наше время наконец-то появилась эта возможность.

– А может, кто-то и служил уже? – раздалась чья-то робкая версия. – Столько батюшек тут сидело за это время. Может, и служили втихаря...

Но это было уже не важно. Наше заявление было подписано через несколько дней.

Возможно, кто-то скажет: «Эка невидаль! Водосвятный молебен. Да в храмах он чуть не каждый день служится. В чем тут важное решение-то?». Но для меня это не был просто водосвятный молебен в штрафном изоляторе. Это был мой внутренний протест, мой духовный «крестовый поход» против всего этого шершавого, мрачного, насмерть вцепившегося когтями, гнетущего и убивающего душу.

Вот, наконец, мы и подошли к тому эпизоду, ради которого я и описывал в доступных моему перу красках – вид штрафного изолятора, ощущения от пребывания там, всю эту наполненную мрачными нотками и штрихами гамму и палитру переживаний. Я, как мог, как умел, пытался возбудить в читателе чувство живого восприятия. Дать возможность при желании хоть отчасти окунуться в ту атмосферу. По меткому выражению Владимира Набокова, «сделать из читателя зрителя». Ах, если бы ещё обладать его талантом! Разумеется, зрячим в нашем случае должно быть сердце...

Робко наливалось солнцем свежее просторное летнее утро. Мы собирались на молебен. Первый водосвятный молебен за всю историю штрафного изолятора, с самого начала его основания. Мне снова позволили взять с собой неизменных моих помощников – Мишу и Николая. Без них мне было бы не обойтись. Собрали утварь, книги. Перед выходом встали у Царских Врат нашего тюремного храма, прочитали «Царю Небесный...» – молитву Святому Духу. Но эта была ещё совсем не та молитва, о которой я говорил в самом начале этой главы. Ещё не та...

Опять, как и положено, дождавшись сопровождающих, мы прошли, навьюченные пакетами, уже знакомой

дорогой – мимо серых бараков, через отворяемую невидимкой железную калитку по асфальтовой дорожке. А потом через весь коридор изолятора. Через двери, перегородки, решётки, руки, реплики, глаза, приветственные кивки, робкие улыбки... Изолятор в этот день встречал меня как своего. «Батюшка, благослови... Отче, добрый день... Отец, смотри не забудь нас покропить...». Как вынырывающий из-под воды человек в ожидании спасительного вдоха. В конце коридора, у открытой двери в прогулочный двор, нам предложил расположиться для молебна невысокий, добродушный, улыбчивый прапорщик. Я до сих пор с огромным теплом и благодарностью вспоминаю этого замечательного человека. Господи, прошу Тебя, помяни его во Царствии Своём! В тот день он явил не просто терпение, а море, бездну терпения. Читателю, наверное, даже трудно представить – насколько сложно проводить подобные

*Возможно, кто-то скажет:
«Эка невидаль! Водосвятный
молебен. Да в храмах он чуть
не каждый день служится.
В чем тут важное решение-
то?». Но для меня это не был
просто водосвятный молебен
в штрафном изоляторе. Это
был мой внутренний протест,
мой духовный «крестовый
поход» против всего этого
шершавого, мрачного,
насмерть вцепившегося
когтями, гнетущего и
убивающего душу.*

мероприятия в помещениях режимных объектов. Тем более таких, как штрафной изолятор. Он весь напичкан условностями как истеричная барышня. То нельзя, сё нельзя! Нельзя, чтобы одновременно было открыто больше, чем положено, дверей в камеры. Нельзя, чтобы в одном, отделённом решётчатой перегородкой отсеке находилось больше, чем положено, заключённых. И ещё куча всяких – нельзя, нельзя, нельзя, – которые создают массу нервирующих помех и лишних трудностей для представителей администрации при проведении церковных мероприятий, как они в этих местах называются.

На новость откуда взявшейся старой, полинялого цвета выщербленной тумбочке мы стали расставлять всё необходимое. Постелили парчовую с бахромой накидку – сразу среди окружающей бетонной серости возникло ощущение храма. Поставили нашу кандею² – большое жёлтое эмалированное ведро. Перед ним – кованный в местной кузне витой трёхсвечник. Миша разбирал книги, ноты. Николай свечой разжигал уголёк для кадила. Я потихоньку облачался в священнические одежды.

Дежурный офицер с прапорщиком занимались заключёнными. Весь изолятор рвался на молебен, но попасть в коридор могли, конечно, не все. Слышались какие-то движения, возня. Добродушный прапорщик непрестанно гремел ключами – открывал и закрывал двери, кого-то выводил, заводил, переводил, перетасовывал. То тут, то там раздавался недовольный возбуждённый шёпот. Кто-то приглушённо убеждал, настаивал. Дежурный офицер твёрдо возражал, иногда вдруг резко повышая голос, но без злости, скорее от невозможности выполнить эти многочисленные просьбы. Кому-то он должен был отказать. Но он, действительно, делал всё, что мог.

– Так! Те, кто в ближних камерах, и так будете слышать... Может этих и этих из дальних в какую-нибудь поближе?... Так, этих и этих в коридор... А тебе чего!? Тебе чего?! Ты вообще наглец и нарушитель! Сиди тут! На молебен он, видишь, рвётся!.. Так, а этого тоже можно в коридор...

И снова улыбчивый прапорщик открывал и закрывал двери – выводил, переводил, убеждал, успокаивал, добродушно подшучивал. Неожиданно из-за двери справа раздался сдавленный хриплый голос. Я повернулся – прямо в проёме дверного глазка шевелились губы.

– Ээээ! А меня?! Меня забыли! Меня-то выпустите! Вы чё?! – И руки забарабанили по двери.

– Тихо там! – Офицер делал нарочито сердитый голос; глаза его не сердились. – Проснулся! Сиди, где сидишь. Ты и так от батюшки в двух шагах. Всё услышишь. Ещё и в глазок увидишь.

– У-у-у! – разочарованно прозвучало за дверью. – Ну, чё такое? Ну, чё за...

Наконец, все были разведены, расселены, расставлены. Майор в последний раз обходил коридор. В решётчатых отсеках стояло положенное по инструкции количество донельзя счастливых лиц. Я, как и положено, встал впереди, у самой кандеи с горящими свечами. Миша с Николаем встали рядом.

– Э! Слышь, Коль! – глухо, как в трубу, прогудел тот же хриплый голос за дверью. – Двинься малёхо в сторону, мне батюшку не видно!

Николай улыбнулся и сделал шаг назад. Добро-

душный прапорщик быстро глянул в сторону горящей двери, ухмыльнулся, но ничего не сказал. Потом ещё раз обвел всё вокруг взглядом и скромно кашлянул в кулак:

– Сейчас майор подойдет, и начинайте, батюшка, вроде все готовы.

Последними заняли свои места, чуть сзади и по обе стороны от меня, за правым плечом – дежурный офицер, за левым – вор в законе. «Забавное совпадение!» – невольно мелькнуло в голове. Но было уже не до улыбок. Все замолчали. И всё вокруг как будто наступила удивительная тишина. Пора было начинать. И тут случилось неожиданное. Вдруг...

...Мне показалось, что изолятор вздрогнул и зашевелился, как потревоженный спящий зверь. Серый валун ожил. Пространство завибрировало, изогнулось. Откуда ни возьмись на спину навалилось ощущение каменной плиты, страшной сдавливающей тяжести. Каждую жилку внутри начало медленно выкручивать туда и сюда. В довершение всего, в душе открылось чувство ужасной, жгучей адской тоски, отчаяния, беспомощности, – которую едва можно было терпеть. Кружилась голова, меня тошнило. Я не мог выдавить из себя ни слова. Пауза затягивалась.

– Батюшка, – словно откуда-то издали прозвучал голос майора. – Можно начинать...

Я сделал над собой отчаянное усилие и прохрипел предначинательный возглас.

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков!

– Аминь, – так же глухо и хрипло отозвался Миша.

Я посмотрел – он был бледен как полотно. Глаза лихорадочно блестели. Значит, чувствовал то же, что и я. Слово из паутины, выпутываясь сознанием из липкого, гнетущего морока, я едва шевелящимся языком произнёс следующую положенную по чину возглас, и мы запели молитву «Царю Небесный...». Столько лет прошло с тех пор! Я не помню лица. Не отложились в голове многие даты и события. Время развеяло по просторам памяти беспомощной цифровой пылью координаты и числа. Но ту молитву «Царю Небесный...» я запомнил на всю жизнь. Казалось, всё существо изолятора тогда восстало против нашего молебна. Он бил наши души наотмашь, невидимо топтал их. Он давил, душил нас. Мне становилось хуже. Казалось, будто ещё немного и, потеряв сознание, я рухну на бетонный пол. Положение было ужасное. Я поднял глаза вверх. Сквозь узкий проём двери, через решётчатую крышу прогулочного дворика виднелось небо. Пронзительно-синее, объятное извечным мудрым покоем. «Даже небо тут заключено в клетку» – мелькнула была первая мысль. Но тут же её перебила другая. Яркая, отчётливая. «Нет! Это не небо заключено в клетку! Это я заключён в клетку! С самого своего появления на свет я уже был в ней. И пусть Святое Крещение разбило замки и распахнуло двери настужь. Но ведь я так и не сделал те шаги, которые выводят из заточения на простор истинной неотъемлемой свободы. Вот она – страшная цена беспечности! И сейчас я такой же заключённый, как и они. Не важно, в тюрьме или на воле, я всё равно в «штрафном изоляторе»

своей собственной греховной души. И эта сила, которая сейчас рвёт наши души, словно зверь кровавую плоть зубами, пришла за мной, как за своим законным достоянием. Господи, а ведь я священник!». Я почувствовал себя в ужасном обстоянии. Та сила, что страшной чёрной тучей медленно и неукротимо наваливалась сейчас, была сильнее меня. Наверное, впервые в жизни я ощутил себя ничтожным, маленьким, отчаянно беспомощным. И внутренне собравшись воедино, всем сердцем сквозь пространство и решётки я закричал в это небо. «...Утешителю, прииди...» – я пел тихо и хрипло. Но всё моё существо вопило и рвалось вверх. Душа, как птица, жаждущая свободы, иступлённо билась о прутья. Мне казалось, что если сейчас мой отчаянный сердечный крик не пронзит небеса, то случится со мной что-то страшное, непоправимое. Я отчаянно звал Его... Мы допели молитву. Как в замедленном кино, Николай протянул кадило, я неуверенной немеющей рукой взял...

И тут небо над штрафным изолятором словно порвалось надвое! И хлынул поток неизъяснимой радости и света! В одно мгновение разлетелась тяжесть, испарилась адская тоска. Зверь замер, и хватка его ослабла. Благодатный поток заполнил собой всё пространство вокруг. Мне даже показалось – оттолкнись мы ногами от земли, смогли бы плавать в нём, как рыбы в океане. Я оглянулся. В этой переливающейся радости люди необъяснимо изменились. Все стояли и улыбались, все были похожи на маленьких счастливых детей. И глядя на эти обновлённые лица, я вдруг внутренне осознал, что в наступившем блистающем торжестве нет больше – ни офицера, ни вора в законе, ни заключённых, ни даже меня, священника – а есть только, в этом всепоглощающем сиянии – Бог и Его возлюбленные дети. Я повернулся и, словно шагая по облакам, пошёл совершать каждение.

Молебен прошёл как один вздох. Когда мы пропели последнее «Аминь», все ещё долго стояли молча. Никто не хотел шевелиться. Я обильно окропил

всех освящённой водой, и мне даже на миг показалось, что у некоторых капли воды смешались со слезами... Потом мы кропили коридор, прогулочные дворики. «Вот тут пообильнее, пообильнее...» – кое-где шептали под руку ребята. В каком-то закутке мы на несколько секунд оказались вдвоём с офицером. Он быстро достал из-за пазухи нательный крестик, протянул: «Батюшка, и мне окропите». Потом мы щедро окатили водой все камеры вместе с теми, кто весь молебен оставался по ту сторону дверей. Потом кандейки, «дежурку»... И опять улыбочивый, добродушный прапорщик терпеливо звенел ключами – открывал, закрывал, открывал, закрывал. И с кропила искрящимися брызгами разлетались во все стороны – радость и освобождение...

Уже уходя, в самом конце двора я обернулся. Мне показалось, что серый валун здания изолятора как-то растерянно обмяк; и когти, которыми он мёртвой хваткой держался за землю, беспомощно ослабли. В тот день, когда железная калитка щёлкнула у нас за спиной, не было ощущения, что мы «поднялись», выбрались из подземелья. Мы уносили в своих сердцах удивительное благодатное чувство. И откуда?! Из ШИЗО! Позже нам передали, что в изоляторе эта радость ощутимо царила ещё несколько дней. Заключённые говорили, что там «даже дышалось по-другому». Как жаль, что мы не находимся в том духовном состоянии, чтобы эта радость могла остаться с нами навсегда.

С тех пор я много раз пел и читал молитву «Царю Небесный...», но уже больше никогда так, как в тот памятный день. Я часто вспоминаю его, когда в душе начинают сгущаться тучи и веет смертельным холодом. Тогда в памяти снова встаёт то робко наливающееся солнцем утро. Облака в перечёркнутом решётками голубом проёме над головой. Мы, иступлённо замершие, словно птицы на краю утёса... И это на всю жизнь подаренное Богом чувство, что в тяжёлом обстоянии Небо всегда ближе.

ЧТО ТИ ЕСТЬ ИМЯ, БРАТЕ?

Мы собирались на Крестный ход. Первый в истории нашего прихода. Как, собственно, и первый за всю историю колонии с 1931 года. Аккуратно были расставлены вдоль стены молельной комнаты – разноцветный фонарь со свечой, хоругви. На полке – в рядок – иконы в резных киотах. Всё сделанное здесь, в мастерских «промзоны», руками моих тюремных братьев. Может быть, чуть грубовато, с легким налётом «кустарщины» (как скажут потом офицеры), но с любовью, «от сердца», из всего, что только нашлось под рукой; не штампованное в недрах Софринской «империи», – и потому, конечно, более близкое, дорогое. Своё! Я немного суетился от волнения, ребята добродушно улыбались. Понимали, поддерживали. Хотя были и сами взволнованы – нам предстояло впервые идти Крестным ходом на

глазах у нескольких сотен, по-разному (кто-то откровенно враждебно) относящихся к церкви людей. Ребята являлись жителями, частью этого замкнутого пространства...

Настало время выходить:

– С Богом, братья! Николай, бери фонарь со свечой! – скомандовал я.

– Нет, Батюшка, фонарь берёт брат Химик, – возразил мой тюремный староста.

– Что? Прости... кто? – не понял я.

– Ну, мы всё уже распределили, – староста деловито замахал руками. – Фонарь несёт брат Химик, хоругви – брат Боцман и брат Паровоз, Брат Крестный и брат Афоня – иконы...

Я на несколько секунд опешил, но когда понял – в чем дело, то от этого неожиданного церковно-тюремного симбиоза невольно рассмеялся. Через минуту всё мое тюремное братство уже хохотало вместе со мной.

Каким бы забавным ни казался случай, в нём – важная особенность церковной жизни в колонии. Тюремному священнику никогда нельзя забывать: тут особая территория, страна, живущая по своим, годами формировавшимся и ставшим со временем нерушимым «канонам, правилам и законам». Метаморфозы с именами – яркий тому пример. Из Библии мы знаем, что фараон дал новое имя Иосифу, а царь Навуходоносор – пленённым еврейским юношам. И это очень характерно. Издревле давать имя кому-либо считалось признаком власти. Власти, которая в своей безудержной дерзости порой не боится переименовывать даже то, что когда-то наименовал сам Бог. Тюремный мир тоже дает своим жителям новые имена. «Кличка», «кликуха», «погремуха», «погоняло» – идентификация принадлежности к тюремному миру. И в этом признак, претензия этого мира на власть, силу которой каждый священник, который служил там, думаю, сполна ощутил на себе.

Мне рассказывали об одном забавном тюремном обычае. Не могу сейчас припомнить, про Бутырку или Кресты шла речь. Первоходкам (т.е. попавшим сюда первый раз) в одну из своих первых тюремных ночей нужно было громко кричать в зарешеченное окно: «Тюрьма-старушка, дай кликушку!». И ведь кричали, добровольно просили переименовать себя сообразно месту! А отовсюду снаружи в ответ неслись самые невообразимые прозвища, от которых эти не искушённые в местных обычаях люди медленно, но необратимо приходили в состояние лёгкого шока. Конечно, этот обычай – забава из разряда тюремных развлечений, своеобразный «каторжанский юмор». Но устойчивая практика – раз уж ты попал в тюремную среду, то тебе «необходимо дать кликуху» – объективная реальность. Кличка или «приходит с человеком с воли» (если он был частью этого мира до заключения), или формируется в тюремной среде по каким-то признакам личности, биографии, или нарекается «авторитетом», «вором в законе», который является в своем роде неким «епископом тюремной жизни». Дать «кликуху» – признак его власти. И тут он выступает чуть ли не как сакральный лидер того мира, над которым стоит во главе. Ведь наименовать, дать имя – значит вывить существо предмета, познать его. Тюремный мир словно ищет в человеке существо, сродное себе, и фиксирует его в «кличке». Имя Святого, которое мы получаем в Таинстве Крещения (или монашеском постриге) дается нам, если угодно, «на вырост». В самом существе этого имени таинственно содержится новый вектор жизни. Тюремная кличка фиксирует человека в состоянии его падения и, по сути, является словесным выражением внутреннего состояния заключения. Христианское имя – символ того духовного состояния, до которого человеку предстоит вырасти. Кличка – символ того духовного состояния, в котором тюремный мир хотел бы человека навсегда удерживать. Кличка – своеобразная «словесная тюрьма».

То, что перед тобой не просто Сергей или Алек-

сей, а «брат Бурый» или «брат Серый» – эту обусловленную местом двойственность необходимо правильно оценивать и непременно учитывать. Понимая, что твои тюремные прихожане являются жителями, по сути дела, – «страны в стране». Без учета этого можно наломать дров и даже принести кому-то из них реально непоправимый вред. Нужно чётко осознавать – насколько им сложнее тут – в этом странном и чудовищно-болезненном переплетении миров – возрастать, становясь личностью, по примеру перволичности Господа Иисуса Христа. Тогда как вся окружающая атмосфера стремится сделать из них недоличностей, недочеловеков. Не даром тюрьму иногда называют «бесовским монастырём». Наречение «кликух» всегда ассоциировалось у меня с чем-то вроде антикрещения или антимонашеского антипострига. Начав служить в колонии, порой ощущаешь себя так, словно ты – апостол, который пришёл проповедовать Евангелие в особую страну, название которой – Тюрьма.

И как же трудно порой одолевается это влияние местных законов и правил! Помню, в молельной комнате случился инцидент, в котором церковные требования непримиримо столкнулись с требованиями тюремного мира. И один из заключённых сказал мне: «Простите, батюшка. Я понимаю, что Вы правы. И всё, что Христово – выше наших условий. Но мне сидеть тут ещё восемь лет. Я не смогу прожить их в презрении, как отверженный. Простите...». Что я мог сказать ему? Да и мог ли вообще? Как часто было бессильным то, что исходило от меня. К сожалению, причину я долго видел в обычной неспособности подобрать нужное слово в (к) определённой ситуации. Оказалось же всё гораздо сложнее и глубже. Теперь я понимаю, что только искренняя внутренняя готовность страдать за Христа может вдохновить на страдание других. Помочь преодолеть это глубинное противостояние. И не готовность как помысел или слово, а готовность как неотмирная сила, как «сияние Бога на лице»³ – видимая, осязаемая. Та, которую мы видели на лицах наших старцев, ощущали душой, находясь рядом с ними. Которая одна только и способна зажигать сердца. Ведь старцам порой и говорить-то ничего не приходилось. А если и говорили, то слово исходило от них с силой, «со властью». Сердце рядом с ними будто само принимало решение, само соглашалось. В жизнеописании блаженной памяти схииеромандрита Виталия (Сидоренко) приводится такой случай. «Был у отца Виталия в гостях один священник. Батюшка и спрашивает его: «Если пришёл к тебе человек, ты с ним говоришь-говоришь, а видно, что он не понимает, что не доходит до него глубина духовная. Как тут быть?». А священник отвечает: «Если человек не понимает, так что ж я могу поделывать?». «Нет, – говорит отец Виталий, – мы должны считать себя виноватыми. Если я не смог утешить человека, значит, я не приобрел той благодати, которую должен был дать этому человеку»⁴. Раньше я не до конца понимал всю силу этих глубочайших слов. И только когда начал служить в колонии – неожиданно понял. Сердцем понял, не умом. Теперь я готов просить прощения у всей своей тюремной братии за то, что не имел этой благодати тогда. За то, что не имею её сейчас...

Место, в котором я нёс своё священническое служение, носило литеры – ЛИУ. Лечебно-исправительное учреждение. Несколько сотен вичинфицированных людей. В то время всех режимов содержания, кроме особого. Неизменный спутник ВИЧ – гепатит в форме «С». В случае болезни – элементарной инфекции – умирали очень быстро. Пару-тройку недель, ну самое большее – месяца полтора, и всё... Иногда быстрее. Я не сразу это понял (хотя должен был!) и в самом начале своего служения в колонии совершил страшную ошибку. Однажды через администрацию братья сообщили, что попал в «больничку» один из наших прихожан. И что он очень хотел бы исповедаться. Я отложил исповедь до четверга (мы ездили в колонию по четвергам, а было воскресенье), но когда приехал, то с ужасом узнал, что брат уже скончался. С тех пор и до сего дня это – моя боль, моя скорбь. И мой долг теперь молиться за него, пока дышу. Больше я никогда не откладывал исповедь попавших в «больничку» ни на час. Как только узнавал, что кому-то из наших стало плохо, летел со всех ног. С благодарностью вспоминаю нашего тогдашнего Наместника архимандрита Варнаву, ныне епископа Павлодарского и Экибастузского

– он моментально находил транспорт и отправлял меня к больному брату.

Сейчас, спустя годы, в списке «об упокоении» числится большая часть моей тюремной братии. Ничего не поделаешь – такова уж специфика ВИЧ-инфицированного прихода. Когда я поминаю их за богослужением, то в памяти иногда вдруг встает тот самый забавный случай. «Что ты есть имя, брате?» – с улыбкой шепчу я слова из древнего монашеского обряда пострижения. Как пароль. И они все дружно снова и снова встают перед глазами. Мои братья, мой приход. Счастливые, смеющиеся... Мы собираемся на наш первый Крестный ход. Раб Божий Александр – брат Афоня, раб Божий Алексей – брат Паровоз, раб Божий Сергей – брат Боцман... И солнце разливается по плацу тонким слоем сусального золота... А на Жертвеннике – горкой – просфоры. Из них я, произнося имена, сегодня опять вынул частички. И мерно сыпятся они в Чашу с Божественной и всемогущей Кро-

*И солнце разливается по плацу
тонким слоем сусального
золота... А на Жертвеннике
– горкой – просфоры. Из них
я, произнося имена, сегодня
опять вынул частички.
И мерно сыпятся они в
Чашу с Божественной и
всемогущей Кровью Христовой,
омывающей грехи этого
больного, страдающего и
искорёженного мира.
И я, замерев, наблюдаю, как
наш Крестный ход медленно
уходит в вечность...*

вью Христовой, омывающей грехи этого больного, страдающего и искорёженного мира. И я, замерев, наблюдаю, как наш Крестный ход медленно уходит в вечность...

¹ Желающих более подробно ознакомиться с официальной информацией отсылаю к стр. 117-118 Уголовно-исправительного кодекса РФ.

² В церковном обиходе – сосуд для освящения воды.

³ «Никто не может прийти к Богу, если не увидит сияние Бога на лице человека». Митрополит Антоний Сурожский, «Ступени».

⁴ Житие схиархимандрита Виталия. Воспоминания духовных чад. Новоспасский м-рь, 2004 г., стр. 106.



Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, лауреат премии им. святого благоверного князя Александра Невского, лауреат премии им. И.А. Гончарова

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ПАСХЕ

*Ради погибшей овцы щедрость Твоя привлекла Тебя
в обитель мертвых, и Ты извлек ее из области смерти,
которая не осмелилась прекословить Тебе.*

Преподобный Ефрем Сирийский

Сложный был Великий пост. Много испытаний и искушений принес. Некоторые православные верующие дрогнули: как же так, патриарх назвал коронавирус «милостью Божией»? Черная оспа, мировая чума?

Тяжел, тяжел был пост. Все мы пролили немало слез. У каждого – свое горе, свои испытания. Всем нам приходится в земной жизни пройти весомую часть страданий Христа, но сколь же много их выпало в такой короткий промежуток времени!

Тяжело болела вся моя семья от привычного нашего, но свирепого вируса. Вернулся неожиданно сын с гастролей из-за рубежа, привез жуткие страхи в дом, где на маленьком пятачке хрущевки находятся престарелая бабушка, кормящая мать и слабенький новорожденный малыш. Слава Богу, обошлось.

Новый удар – уход Кларины Шадько, замечательной нашей актрисы, а для меня еще и духовной сестрицы. Не в силах унять слезы, вспоминала, как она однажды уплыла далеко-далеко, скрылась ее белая головка в волнах, а я стояла на берегу и истощно кричала: «Клара, вернись, вернись!» Была она отменной пловчихой, а я умирала от страха. И вот она уплыла навсегда – кричи не кричи. Я содрогалась в рыданиях, и душа по-настоящему вопила: «Кларочка, верни-и-сь...» Нет ответа. Небесная ладья унесла светлого человека в иные обители.

А коронавирус продолжал свирепствовать.

В Италии мор... Как же так? Там, в Бари, хранятся мощи святителя Николая Чудотворца. Припала к иконе святого Николай угодник, пожалей моих соотечественников, итальянцев и испанцев, немцев и французов – все человечество! Моли Бога о нас, грешных!

Так почему же эта черная чума, это испытание, это проверка на прочность – «милость Божия»?

В словах патриарха скрыт непростой смысл. Христос сказал: «*Будите готовы*». Не сказал: готовьтесь! Нет, в любой момент человечество настигнет новый Потоп и застанет нас врасплох, если мы не будем готовы. Забудем о Боге, о любви, о милосердии, не будем каяться и меняться к лучшему. Если

не будем вновь и вновь переживать Распятие, если не поверим в Воскресение.

А ведь это «если» уже случилось! Мы действительно забыли о Боге. Погрязли в мерзости, зависти, человекоугодничестве, лжи, высокомерии, корысти.

Не знаем, что такое благородство. Помним, конечно, о рыцарях, о гардемаринах, о какой-то чести, которую они якобы защищали. Но есть иное благородство, духовное: жертвенность. Это когда человек не с других спрашивает, а с себя. И жалеет, жалеет всех вокруг.

Благородство – это еще и умение радоваться великой Радостью – предвкушением Пасхи. Без веры в Великое Воскресение страдание не имеет смысла. Строптивая душа воспринимает страдание как наказание, незаслуженное зло. Гордыня всегда протестует: за что?! И, не находя ответа, впадает в отчаяние, а это, как известно, путь к гибели.

На пятой неделе Великого поста, в среду вечером, в храмах совершалась утренняя четверга: ее называют Стоянием Марии Египетской. В этот день я всегда старалась попасть в храм, ныне же пришлось слушать трансляцию по ТВ. Пятичасовую службу совершал патриарх Кирилл. В этом году она воспринималась с особенным трепетом. Мне даже показалось, что наш патриарх вложил в чтение Великого канона Андрея Критского все свои духовные силы, чтобы мы покаялись и воскресли.

Карантин о многом заставил задуматься. Например, о тщетности забот и сует. У нас ведь не было ни минуты для передышки, для осмысления жизни, анализа собственных поступков. Дома, в тишине, душа успокоилась, будто получила благословение Христово.

Я верю: страшная напасть поменяет нашу жизнь, обновит сердце, очистит душу.

Дожить до Пасхи непросто. Это значит – дожить до Воскресения. Впустить в себя свет невечерний, погасить земные страсти и научиться созерцать Вечное, чтобы воистину покинуть трясину смерти.

В этом есть великая мудрость Бога.





благотворительный
сбор
МАКУЛАТУРЫ
В ГОРОДСКИХ БИБЛИОТЕКАХ

Экологическая палата Ульяновской области

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ОЦЕНКА НАСЛЕДИЯ ГОРОДА УЛЬЯНОВСКА ЦБС

**ПРОТЯНИТЕ РУКУ ПОМОЩИ!
ПОМОГИТЕ НУЖДАЮЩИМСЯ!**
С 4 МАРТА ПО 17 АПРЕЛЯ

В городских библиотеках организованы пункты благотворительного приема макулатуры. Полученные в ходе проведения акции денежные средства пойдут на нужды подопечных хосписа.

Подробная информация:
 WWW.MUKCBS.ORG
 32-57-06
 VK.COM/MUKCBS
 TWITTER.COM/UL_CBS

книги журналы газеты бумага

**БИБЛИОТЕКИ
УЛЬЯНОВСКА
ОБЪЯВИЛИ СБОР
МАКУЛАТУРЫ
В ПОМОЩЬ
ПОДОПЕЧНЫМ
ХОСПИСА**

До 17 апреля в библиотеках Ульяновска организованы пункты благотворительного приема макулатуры. Полученные в ходе акции средства пойдут на нужды подопечных хосписа.

Ульяновцам предлагается собрать макулатуру и принести в любую близлежащую библиотеку (адреса библиотек можно найти на сайте Централизованной библиотечной системы города www.mukcbs.org в разделе «Библиосеть»). Принимаются любые виды бумажной продукции, в том

числе журналы, газеты, книги, бумага из принтеров, архивы, тетради, упаковка из картона, использованные листы А4, использованные тетради. Основным условием приема макулатуры является отсутствие скрепок, пластиковых папок и файлов среди офисной макулатуры. В Пасхальную неделю собранные средства будут переданы нуждающимся. Гарантируется закрытость информации и четкое целевое использование макулатуры в качестве вторсырья. Сроки акции могут быть продлены. **Справки по телефону: Тел. (8422) 32-57-06.**

**УЛЬЯНОВСКИХ
АВТОРОВ
ПРИГЛАШАЮТ
ПОУЧАСТВОВАТЬ
В МЕЖДУНАРОДНОМ
ПРОЕКТЕ «ГОРОД
КАК РАБОЧЕЕ
МЕСТО ПИСАТЕЛЯ»**



Дирекция программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» объявила прием заявок для участия в международном проекте «Город как рабочее место писателя».

Писателям, поэтам, драматургам и другим авторам, а также переводчикам и художникам из литературных городов ЮНЕСКО предлагается рассказать о месте в городе, где они любят работать над текстами. По итогам проекта будет подготовлена международная онлайн-выставка с фотографиями рабочих мест авторов. Участникам предлагается прислать фотографию и краткий текст о любимом

месте в городе или дома, которые они используют для работы. Это могут фотографии самых разных мест: рабочий стол или ванная дома; скамейка в парке; столик в кафе; зал ожидания в аэропорту; комната в писательской резиденции; автомобиль, поезд, велосипед, самокат; любые другие места города. Проект поможет глубже понять отношения писателя с городом, помочь писателям узнать больше о работе друг друга, а также познакомить читателей с местными авторами.

Срок: до 20 апреля.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ДЭВИД ХОВАРД О РЕЗИДЕНЦИИ В УЛЬЯНОВСКЕ НА ПОРТАЛЕ ACADEMY OF NEW ZEALAND LITERATURE

На известном портале Academy of New Zealand Literature вышла новая статья гостя писательской резиденции в Ульяновске новозеландского поэта Дэвида Ховарда о работе в городе.

Напомним: в сентябре 2019 года Дэвид работал в Ульяновске над поэтическим триптихом в резиденции по программе «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», а также стал участником нескольких литературных мероприятий в городе. Подробности и ссылка на статью: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>



В УЛЬЯНОВСКЕ ПРЕДСТАВИЛИ КНИЖНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ ОДЕЖДЫ



В Ульяновске представили коллекцию одежды, главной идеей которой стала популяризация чтения. На разработку коллекции дизайнера одежды Ирину Малову вдохновили архитектура и интерьеры Дворца книги.

Весенне-летняя коллекция «Читай, мечтай, твори!» призвана также актуализировать интерес к русскому языку. «Раньше читали везде: в общественном транспорте, дома, на отдыхе. Сейчас бумажные книги заменили электронные, главным источником информации стал интернет. Культура чтения уходит, и мы хотим обратить на это внимание. Через нашу коллекцию задаем волнующие нас вопросы: что произойдет в ближайшее время с огромной индустрией книгопечатания, что придет на смену чтения в ближайшее время, можно ли вернуть популярность книг и как это сделать? Основой для создания принтов новой коллекции стали стены библиотеки, ее архитектура. Мы их «вырастили»: перенесли рисунки на ткань и сшили женственные платья летящего силуэта», – рассказала дизайнер одежды, автор коллекции, креативный директор бренда KUZINA Ирина Малова. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др. Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulskcityofliterature@gmail.com

Подготовила Гала УЗРЮТОВА



ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

МАЙ 2020



2 мая – 50-летний юбилей отмечает писательница, литературовед **Майя Александровна Кучерская** (р. 2.05.1970, г. Москва). Окончила филологический факультет МГУ (1992). За книгу прозы «Современный патерик. Чтение для впавших в уныние» удостоена Бунинской премии (2006). Была в Ульяновске 28-29 ноября 2015 г. в рамках проекта «Академия литературы»: провела встречи с читателями во Дворце книги и в Новоульяновской городской библиотеке. Автор романа «Бог дождя» (2007), сборника рассказов «Ты была совсем другой» (2017) и др.



3 мая – 45 лет исполняется поэтессе **Резеде Летфулловне Кафидовой** (р. 3.05.1975, г. Ульяновск). Окончила Ульяновское училище культуры (1994). Публиковалась в журнале «Мономах», сборниках и альманахах «Полети со мною рядом», «Гончаровская беседка», «Голоса земляков», «Стихи по кругу». Член Российского союза профессиональных литераторов (2003). Автор сборников стихов «Монолог» (2002), «Хлеб Господень» (2003), «Грозное тайное вино» (2006) и др. Лауреат конкурса молодых поэтов «Первая роса» (2009).



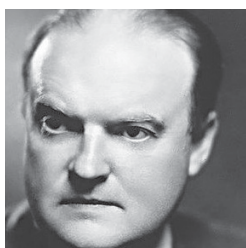
4 мая – 130 лет назад родился поэт, прозаик, теоретик искусства **Николай Давидович Бурлюк** (4.05.1890, пос. Котельва, ныне Полтавской обл. Украины – 27.12.1920, г. Херсон РСФСР, ныне Украины). В 1898 – 1899 гг. жил с братом

Давидом на хуторе Линёвка Симбирской губ. (ныне деревня в Ульяновском р-не Ульяновской обл.). Стихи публиковал в сборниках «Требник троих» (1913), «Молоко кобылиц» (1914). Автор статьи «Поэтические начала» (1914), эссе «Глухонемая», «Артемида без собак», «Сбежавшие музы» (1913) и др.



5 мая – 105 лет со дня рождения поэта **Евгения Ароновича Долматовского** (5.05.1915, г. Москва – 10.09.1994, там же). Окончил Литературный институт имени А.М. Горького (1937). Не раз бывал в Ульяновске: летом 1932-го участвовал в пионерском походе по Оке

и Волге на моторной лодке по маршруту Москва – Сталинград; в июле 1952 года отправился на теплоходе «Иосиф Сталин» на открытие Волго-Донского канала. Автор сборников стихов «День» (1935), «Московские рассветы» (1941), «Сталинградские стихи» (1952), «Верность» (1970) и др.



8 мая – 125 лет назад родился американский писатель, критик, журналист **Эдмунд Уилсон** (8.05.1895, г. Рэд-Бэнк, штат Нью-Джерси, США – 12.06.1972, Талкоттвилл, штат Нью-Йорк, США). Окончил Принстонский университет (1916). В середине 1930-х гг.

приезжал в СССР; в 1935 году побывал в Ульяновске. Поддерживал переписку с В.В. Набоковым. Автор книг «На Финляндский вокзал» (1940), «Рана и лук» (1941), «Свитки Мёртвого моря» (1955), «Окно в Россию на пользу иностранным читателям» (1972) и др.



9 мая – 75 лет отмечает писатель **Игорь Анатольевич Карпусь** (р. 9.05.1945, г. Усть-Лабинск Краснодарского края). Окончил Ростовский университет (1972). Работал на Собинском молочном комбинате (1965), экскурсоводом в Новороссийске (1966 – 1972), учителем в школе (1972 – 1999). Печатался с 1965 года в газете «Новороссийский рабочий». Приезжал в Ульяновск в апреле 1972 года. Живёт в Омске. Автор книг «Своё и чужое. Дневник современника. 1967 – 2005» (2010), «Уроки без перемен» (2012), «Осенний ледоход» (2018).



10 мая – 135 лет со дня рождения поэта-самоучки **Николая Семёновича Охотина**, псевдоним – Изгнанник (10.05.1885, г. Симбирск – 1944, г. Казань). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1905), учился в Казанском университете. Врач-окулист.

В 1906 – 1907 гг. был членом симбирской группы РСДРП. В 1906 году издал в Санкт-Петербурге сборник стихотворений «Песни предрассветных сумерек», в который вошли «Песня рабочих» и «Песнь пролетария». После Октябрьской революции 1917 года работал врачом в Казани.



12 мая – 40 лет исполняется писателю **Сергею Александровичу Шаргунову** (р. 12.05.1980, г. Москва). Окончил факультет журналистики МГУ (2002). Автор романов «Малыш наказан» (2003), «1993» (2013) и др. Заместитель председателя Союза писателей России, главный редактор журнала «Юность». Ведущий авторской программы «Двенадцать» на канале «Россия-24». Провёл 20 сентября 2019 года во Дворце книги в Ульяновске встречу с читателями в рамках XIX Международного форума молодых писателей. Живёт в Москве.



13 мая – 170 лет назад родился драматург **Модест Ильич Чайковский** (13.05.1850, г. Алапавск, ныне Свердловской обл. – 15.01.1916, г. Москва). Брат П.И. Чайковского. С мая по ноябрь 1870 года, окончив училище правоведения в Петербурге, служил в Симбирской служебной палате; принимал участие

в культурной жизни Симбирска. Автор либретто опер «Пиковая дама» (1890), «Иоланта» (1892), «Дубровский» (1894); пьес «Симфония» (1889), «Боязнь жизни» (1895), «Женская любовь» (1900), «Катерина Сиенская» (1907) и др.

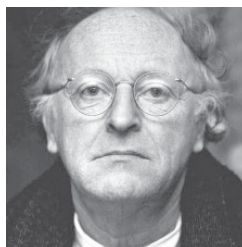


13 мая – 125 лет со дня рождения писательницы **Ларисы Михайловны Рейснер** (13.05.1895, г. Люблин, Царство Польское – 9.02.1926, г. Москва). Не раз бывала проездом в Симбирской губ. В 1918 – 1919 гг. прошла с Волго-Каспийской флотилией по Каме и Волге, работая в политотделах флота от Нижнего Новгорода до Астрахани; отразила это в книге «Фронт» (1924). Автор пьесы «Атлантида» (1913); книг «Гамбург на баррикадах» (1924), «Азиатские повести» (1925), «Афганистан» (1925), «В стране Гинденбурга» (1926) и др.



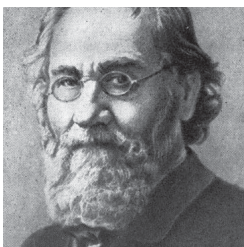
13 мая – 80 лет назад родился английский писатель **Брюс Чатвин** (13.05.1940, г. Шеффилд, Великобритания – 18.01.1989, г. Ницца, Франция). С 1972 года работал в газете «Санди Таймс». Совершая путешествие по Волге на пароходе «Максим Горький», летом 1982

года посетил Ульяновск; оставил воспоминания об этом в статье «Великие реки мира: Волга» (1984) и в книге «Утц» и другие истории из мира искусств» (2012). На русском языке вышли также книги прозы «Утц» (2005), «В Патагонии» (2006), «Тропы песен» (2006) и др.



24 мая – 80 лет со дня рождения поэта **Иосифа Александровича Бродского** (24.05.1940, г. Ленинград, ныне С.-Петербург – 28.01.1996, г. Нью-Йорк, США). Был проездом в Ульяновской обл. в апреле 1958 г. и в декабре 1960 г. по пути в Ташкент и Самарканд; в одну из этих поез-

ездок обсуждал с друзьями план захвата самолёта, чтобы улететь за границу. Автор поэтических сборников «Конец прекрасной эпохи» (1977), «Римские элегии» (1982), «Мрамор» (1984), «Урания» (1987) и др. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1987).



15 мая – 175 лет со дня рождения биолога **Ильи Ильича Мечникова** (15.05.1845, с. Ивановка Купянского у. Харьковской губ. – 15.07.1916, г. Париж). Лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908). В мае 1911 года возглавил экспедицию Института

Пастера в очаг чумы в Нижнем Поволжье; был проездом в Симбирской губ., когда добирался из Нижнего Новгорода в Астрахань пароходом по Волге. Автор сочинений «Этюды о природе человека» (1909), «Сорок лет рационального мировоззрения» (1914) и др.



27 мая – 130 лет назад родился поэт, классик чувашской литературы **Константин Васильевич Иванов** (27.05.1890, д. Слакбаш Белебеевского у. Уфимской губ. – 26.03.1915, там же). В 1903 – 1908 гг. учился в Симбирской чувашской учительской школе. В 1906 – 1907 гг.

перевёл на чувашский язык стихи М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, Н.А. Некрасова, Н.П. Огарёва, А.Н. Майкова. В 1906 – 1908 гг. написал лучшие свои поэмы, баллады, трагедии: «Две дочери», «Вдова», «Железная мялка», «Голодные», «Нарспи», «Раб дьявола» и др.



17 мая – 75-летний юбилей отмечает литературовед, публицист, литературный критик **Наталья Борисовна Иванова** (р. 17.05.1945, г. Москва). Окончила филологический факультет МГУ. Заместитель главного редактора журнала «Знамя». Автор книг «Гибель богов»

(1989), «Пастернак и другие» (2003), «Феникс поёт перед солнцем» (2015) и др. Провела 19 сентября 2018 года во Дворце книги в Ульяновске круглый стол «Критика и литература сегодня» в рамках XVIII Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья.



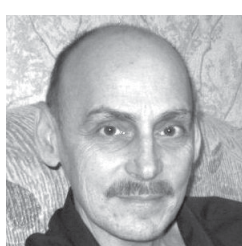
29 мая – 290 лет назад родился духовный писатель, митрополит Гавриил, в миру – **Пётр Петрович Петров** (29.05.1730, г. Москва – 7.02.1801, г. Новгород). В 1767 году участвовал в путешествии Екатерины II по Волге; с 5 по 8 июня находился с императрицей в Син-

бирске. С 1775 года – архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский. Автор сочинений «Последование и посещение болящих. Чин исповедания кающихся» (1766), «Краткое христианское нравоучение» (1769), «Краткие поучения на каждый день года» (1781) и др.



19 мая – 125 лет назад родился чувашский прозаик, литературный критик **Николай Кириллович Патман**, настоящая фамилия – Кириллов (19.05.1895, с. Чурачики Буинского у. Симбирской губ., ныне Комсомольского р-на Чувашии – 13.07.1945, умер в заключении). Окончил

Симбирскую чувашскую учительскую школу (1913). Работал учителем в школе, журналистом в газете «Канаш», редактором Чувашского государственного издательства. Член Союза писателей СССР (1935). В 1937 г. репрессирован. Автор книг «Акатуй» (1958), «За что?» (1959).



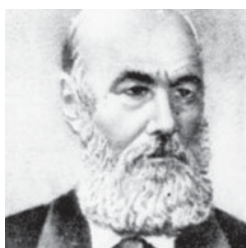
29 мая – 60-летний юбилей отмечает поэт, педагог, композитор **Олег Юрьевич Кислёв** (р. 29.05.1960, г. Сарапул Удмуртской АССР). Окончил Казанскую консерваторию им. Н.Г. Жиганова. Работает в Ульяновском государственном симфоническом оркестре. Член

Российского союза профессиональных литераторов (2000). Автор поэтического сборника «Светлое дуновение ветра» (2006), нескольких музыкальных альбомов. Лауреат областной премии «Шапка Мономаха» за заслуги в области литературного творчества (2015).



30 мая – 80 лет со дня рождения поэтессы и переводчицы **Людмилы Викторовны Копыловой** (30.05.1940, с. Горы Озёрского р-на Московской обл. – 1990, г. Москва). Жена поэта Г.А. Русакова, с которым ещё до замужества приехала в г. Мелекесс (ныне Димитровград). Окончила Литературный институт имени А.М. Горького (1964). Член Союза писателей СССР (1974). Автор поэтических сборников «Зарождение дождя» (1978), «Счастливая полоса» (1984), «Наискось по гусяной траве» (1990). Лауреат премии Я. Райниса. Жила в Москве.

275 лет назад родился краевед **Тимофей Григорьевич Масленицкий** (1745, г. Торопец Псковской губ. – 1801, г. Симбирск). Окончил С.-Петербургский кадетский корпус. Владел землями в Симбирском и Алатырском уездах. В 1780 году был назначен «ассессором в симбирскую палату уголовного суда». Автор сочинения «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нём инородцев» (1785). С 1788 года первый директор народных училищ Симбирской губернии.



190 лет со дня рождения литератора **Николая Александровича Крылова** (1830, с. Висяга Алатырского у. Симбирской губ. – ? 11.1911, г. С.-Петербург). Избирался мировым посредником и председателем Алатырской уездной земской управы.

С 1878 года жил в Петербурге. В 1892 – 1904 гг. в журналах «Исторический вестник», «Русская старина» и «Вестник Европы» публиковал воспоминания о ярких событиях в Симбирске, встречах с известными симбирянами. Автор книги «Экономическое значение Беломорского канала» (1889).



185 лет назад родился литератор, публицист **Пётр Алексеевич Мартьянов** (1835, с. Промзино Симбирской губ., ныне пос. Сурское Ульяновской обл. – 2.10.1865, г. Иркутск). Из крепостных крестьян, выкупился на волю. Служил в пароходном обществе «Кавказ и Меркурий». Печатал в газетах патриотические стихи.

В 1861 году уехал за границу, где познакомился с А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым. Издал в Лондоне брошюру «Народ и государство» (1862). В 1863-м при возвращении в Россию был арестован, выслан в Сибирь.

110 лет со дня рождения писателя **Александра (Абрама) Платоновича Макарова** (1910, с. Тагай Симбирского у. Симбирской губ., ныне Майнского р-на Ульяновской обл. – 1971, г. Ульяновск). Из крестьянской семьи. Окончил педагогический институт, работал учителем. Автор книг стихов и прозы, изданных в 1957 – 1968 гг. в Ульяновском и Приволжском книжных издательствах: повестей для детей «Горят костры», «Занимательная грамматика», «Человек человеку – друг», «Цветы на граните», поэмы «На Венце», ряда очерков и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ МАЯ

Резеда КАФИДОВА (р. 1975)

КРЕСТИК

Я дарила тебе кипарисовый крестик,
От сумы, от тюрьмы и беды оберег.
Чтобы в дом твой входили лишь добрые вести,
Чтобы счастлив ты был, мой родной человек.

Я пропела тебе свою новую песню,
Завлекла, закружила сиреной морской.
Но в просторном,
 большом твоём доме мне тесно
Со вчерашней, ненужной, бездомной тоской.

Я смиренную гостьей стою на пороге
И не смею сейчас ни любить, ни ласкать.
Что за мука такая – не венчанной в Боге
У любимого в доме таиться как тать!

Я дарила тебе кипарисовый крестик,
Чтобы чаще ты слышал небесную речь.
Не теряй... Ну, а я буду с крестиком вместе
У тебя на груди твоё сердце беречь.

ВОКЗАЛ НАДЕЖДЫ

Любимый мой, смотри и плачь:
Я меч к ногам твоим бросаю.
Я – не судья и не палач,
И не волчица в хищной стае.

Я – ветка гибкая под гнёт,
Я – глина мягкая в ладони.
Я та, что у окошка ждёт
В пустом, прокуренном вагоне.

И в сотый раз в смертельной мгле
Я жизнь свою начну сначала.
Но здесь, на рельсовой петле,
Я просто ждать тебя устала.

Я – нитка жемчуга в руке,
Я – амальгама в два микрона,
И жизнь на тонком волоске,
И свет Дивеевской иконы...

Любимый мой, во все глаза
Смотри и плачь слезою грешной.
Ещё не пуст и ждёт вокзал.
Вокзал любви, вокзал надежды.

Николай БУРЛЮК (1890 – 1920)

* * *

Как после этого не молвить,
 Что тихой осени рука
 Так нежно гладит паука,
 Желая тайный долг исполнить.
 Как после этого не вянуть
 Цветам и маленькой траве,
 Когда в невольной синеве
 Так облака готовы кануть.
 Как после этого не стынуть
 Слезами смоченным устам,
 Когда колеблешься ты сам,
 Пугаясь смерти жребий вынуть.

* * *

Осталось мне отнять у Бога,
 Забытый ветром, пыльный глаз:
 Сверкает ль млечная дорога
 Иль неба облачный топаз, –
 Равно скользит по бледным тучам
 Увядший, тусклый, скучный ум.
 И ранит лезвием колючим
 Сухой бесстрашный ветра шум.
 О ветер! похититель воли,
 Дыханье тяжкое земли,
 Глагол и вечности и боли
 «Ничто» и «я», – ты мне внемли.

* * *

Неотходящий и несмелый
 Приник я к детскому жезлу,
 Кругом надежд склеп вечно белый,
 Алтарь былой добру и злу.
 Так тишина сковала душу,
 Слилась с последнею чертой,
 Что я не строю и не рушу,
 Подневно миром запертой.
 Живу, навеки оглушённый
 Тобой – безумный водопад,
 И словно сын умалишённый,
 Тебе кричу я невпопад.

1910

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ (1915 – 1994)**ГЕРОЙ**

Легко дыша, серебряной зимой
 Товарищ возвращается домой.

Вот, наконец, и материнский дом,
 Колючий садик, крыша с петушком.

Он распахнул тяжёлую шинель,
 И дверь за ним захлопнула метель.

Роняет штопку, суетится мать.
 Какое счастье – сына обнимать.

У всех соседей – дочки и сыны,
 А этот назван сыном всей страны!

Но ей одной сгибаться от тревог
 И печь слоёный яблочный пирог.

...Снимает мальчик свой высокий шлем,
 И видит мать, что он седой совсем.

1938

* * *

Видать, не для моей судьбы
 Берёзовая дача.
 Ходить с лукошком по грибы
 Нелёгкая задача.

Мой опыт в этом деле мал,
 И в жизни, спозаранку,
 Я слишком часто принимал
 За белый гриб поганку.

1961

* * *

Иносказаний от меня не ждите!
 Я вижу в них лишь разновидность лжи.
 Что думаешь о людях и событиях,
 С предельной откровенностью скажи.
 Я знаю силу выстраданной правды
 И мысли обнажённой и прямой,
 И мне противны хитрые тирады,
 Рождённые иронией самой.
 Испытанный и радостью, и болью,
 Искавший путь не по чужим следам,
 Ни плакать, ни смеяться над собою
 И сам не буду, и другим не дам.

1965

Николай ОХОТИН (1885-1944)

* * *

Душа – в тревоге... Певец, – молчи!
 Не лей обманов волшебной лютней!..
 О, пусть иссякнут в песках ключи;
 Пустыня Жизни, без рос в ночи,
 Пусть станет глуше и бесприютней!

Был долог путь наш... На миражи
 Роня кости, шли пилигримы...
 Песком зыбучим, к своей межи
 Пойдёмте, братья, без светлой лжи –
 Томясь от жажды, огнём палимы...

Молчанье Смерти, с его бичом,
 Наполним вольным и шумным станом;
 И если жажду под злым лучом
 Не утолили одним ключом, –
 Зальём пустыню мы – океаном!

ГИМН

Пали оковы, неправдой рождённые...
 Славься, народная рать!
 Здравствуй, святая, зарёй пробуждённая,
 Родина-мать!

Стань колыбелью народов счастливых,
Цепи зарой без следа;
Да воцарится на вспаханных нивах
Братство труда!

Знамя свободы, добытое кровью,
Гордо поставь на пути;
Правдой народной, великой любовью
Мир освети!

1 МАРТА 1917 ГОДА

Ещё не кончен бой, и ночь ещё царит,
Но лавой плещется народная стихия...
Дорогу, слуги тьмы! Восток зарёй горит,
Идёт великая, свободная Россия!..

Иосиф БРОДСКИЙ (1940 – 1996)

НАБРОСОК

Холуй трясётся. Раб хохочет.
Палач свою секиру точит.
Тиран кромсает каплуна.
Сверкает зимняя луна.

Се вид Отчества, гравюра.
На лежаке – Солдат и Дура.
Старуха чешет мёртвый бок.
Се вид Отчества, лубок.

Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу.
В прихожей – куча на полу.

Луна сверкает, зренье муча.
Под ней, как мозг отдельный, – туча...
Пускай Художник, паразит,
другой пейзаж изобразит.

1972

* * *

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздём в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал чёрт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал чёрной телью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны воронённый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешёл на шёпот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни?

Что оказалась длинной.

Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

1980.

Константин ИВАНОВ (1890 – 1915)

НАРСПИ (отрывок из поэмы)

Занялась заря. Светает.
Скоро солнышка восход.
Только вспыхнул день – на свадьбу
Собирается народ.
Время молодцам проворным
Пляску лёгкую начать,
Время сверстницам-подругам
Песни звонко запевать.
Но шибир молчит; не видно
Музыканта; за столом
Перестало литься пиво,
И не потчуют вином.
Мигедер в курной избушке
Пререкается с женой.
Что ж такое приключилось,
Все притихли за стеной?
Тут притихнешь поневоле:
Нет невесты, скрылась дочь;
Да, Нарспи ушла с Сетнером
С хоровода в эту ночь.
Трое всадников на борзых
Рыщут по лесу чем свет:
Здесь один, другой подальше, –
Все какой-то ищут след.
Ищут след и каждый шорох
Ловят чутко, – ни дохнуть:
«Солнце всходит ярко, нужный
Не откроет ли нам путь?»
Но ни признака нет в чаще,
Надо глубже забрести.
В гневе хочется ругаться:
Поскорее бы найти!
Лес густой, суровый; всюду
Дикий крик и гомон птиц.
А следа нигде не видно, –
Ни проехать, ни пройти.

*Перевёл с чувашского
Пётр Хузангай*

Олег КИСЕЛЁВ (р. 1960)

* * *

В виноградных объятиях дворик,
Непослушные пряди лоз.
Через дырку в старом заборе
Виден чёрный щенячий нос.
Так прозрачно, светло и спокойно.
Дождя уже месяц нет,
И ленивое марево знойно
Дышит каждому встречному вслед.
Леность мыслей и леность движений
Навевает лишь лёгкую грусть:
Время праздно веда, без сомнений,
Без деяний и дум, ну и пусть.
Может, в праздности этой беспечной
Больше истины, чем в суете.
Небо чисто, и ветер неспешно
Моем лозы в небесной воде.

* * *

Опускается снег в законную глубь,
 Переулков колодцы, надгробия крыш:
 О, седая немота, пригрей, приголубь
 И с собой унеси в эту вечную тишь.
 В перепалку знакомых дворов и проулков
 С замираньем, с позёмкой как с горки влететь.
 О набат тишины, напряжённой и гулкой,
 Расшибиться до боли, тоской заболеть –
 Не унылой, а жгучей; в печали премудрой
 Раствориться безмерно и вновь до конца
 Всю минувшую боль пережить, чтобы утром
 С благовестом подняться к сиянью венца.

ЛУННЫЙ ТРИОЛЕТ

При лунном свете пела мне Русалка
 Мотив далёкой древности простой,
 И вторил чутким эхом лес густой.
 При лунном свете пела мне Русалка:
 За мной не торопись, я – сон пустой.
 Любовь живая слаще тени жалкой!
 При лунном свете пела мне Русалка
 Мотив далёкой древности простой.

Людмила КОПЫЛОВА (1940 – 1990)

* * *

Такая полнота в природе,
 что выйди в поле и завой!
 Лишь пугало на огороде
 качнёт порожней головой.

Такая полнота – живая!
 Что ни подумаешь – свершишь,
 пока, травы не задевая,
 к поленнице крадётся мышь.

Снесёшь, пока не холодает,
 любую ношу на горбу.
 Меня в деревне осуждают
 за бледность и за худобу.

А вдруг и правда, что не сдюжу,
 просучусь по мелочам?
 В себе не умещаю душу.
 И то всё больше по ночам.

* * *

По елям заплутало лето,
 уже изжитое на треть.
 Была б и я тобой воспета,
 когда б сумела умереть.

Глаза б огромнее синели,
 как будто свет сквозь облака.
 Так к дому вышедшие ели
 куда видней издалека.

* * *

От недосыпа отчётливей суть –
 вся шелуха отлетела.
 Пробую небо, как ветку, прогнать –
 ну и смертельное дело!

Воздух, он мягкий, а вряд ли согнёшь:
 точно пружина в прогибе.
 Вот почему ты, мой ветер, поёшь
 в поле – и всё про погибель.

* * *

Когда любимый мирно спит,
 а мне от радости не спится,
 тьма половицею скрипит,
 по-детски на меня косится.

Ну и дитятя! В кувырок
 сурок пустился у оврага.
 И сплюснен воздух между строк
 так, что выстреливает влага.



ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ МАЯ

Майя КУЧЕРСКАЯ (р. 1970)

БОГ ДОЖДЯ (отрывок из романа)

Аня училась с Глебкой в одном классе, а теперь и на одном факультете. Он давно уже воспитывал её – ещё осенью, увидев её с сигаретой, рассказывал о душевредности курения, принёс даже выписку из Павла Флоренского про табачный дым («чёртов ладан»). Явно постарался написать круглым, разборчивым почерком на двух сторонах картонного прямоугольника, сквозь который продёрнул нитку: «Снежинка, тебе в коллекцию!» Она только засмеялась тогда. Что Глебка – верующий, ходит в церковь, постится

как сумасшедший, не курит и не пьёт, Аня знала ещё со школы. Он и её давно уже пытался обратить, наставить на истинный путь, в начале десятого класса принёс ей Евангелие (изданное где-то за рубежом) и несколько самых важных молитв, отпечатанных на папиросной бумаге. Аня не противилась, ей было любопытно, однако молитвы оказались смутные, невнятные, «иже», «яко», «воздаждь» – какое-то избыточное жужжание во всём; встречались, впрочем, и поэтические слова – но зачем? Не лучше ли молить-

ся не по бумажке, а как получится, от сердца?

Евангелие – книжку в серой обложке размером с ладонь и совсем тоненькими страничками – она почитала повнимательней и удивилась отстранённо: вот откуда Достоевский, оказывается, всё взял! – впрочем, дочитать, даже Евангелие от Марка, которое Глеб рекомендовал ей особенно настоятельно, сил не хватило. Вскоре Аня вернула ему и папиросные бумажки с молитвами, и заморскую книжку. Всё равно ж это только повод, думала она, радуясь своей проницательности: Евангелие тут, разумеется, ни при чём – это же любовь, ухаживает мальчик как умеет, делится чем может – больше ведь в классе Глебика никому никаких молитв не носил. И хотя самой ей Глеб не так уж и нравился (смуглый, длинный, чёрный, коротко стриженный, какой-то очень уж серьёзный и погружённый в себя) – его внимание было приятно... Отчего-то только он никак не решался признаться в своих чувствах вслух, и терпение её кончилось – на выпускном Аня нарочно осталась с ним в классе вдвоём, чтобы всё наконец произошло.

В белой рубашечке, синем галстуке Глеб стоял у раскрытого окна – одухотворённый, строгий, красивый. Совершенно чужой. Сверху, из актового зала, неслась музыка, металлический голос Гребенщикова. «Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят...» В глазах у Ани защищало, как всегда от этой песни.

– Знаешь, Он тебя очень ждёт, – произнёс вдруг Глеб.

Взглянул на неё, быстро опустил глаза. Кто Он, было ясно по приподнятой интонации.

– Да? Ну я тоже, тоже жду, – Аня тяжело вздохнула.

Ей хотелось услышать другое, поцеловаться наконец; все, все девчонки в классе были целованные, а две вообще уже женщины и рассказывали такое... Она единственная не целовалась ни разу! Конечно, это был секрет, никому на свете Аня не признавалась, рассказывала сочинённые истории про пионерский лагерь, но хотелось уже не придуманного, а правды.

А тут – «Бог», «ждёт», да она тоже совсем не против встретиться, но позже, потом. А пока, Глеб, милый, посмотри, как хорошо на мне сидит это платье, белое, тонкое, воздушное, мамина знакомая сшила специально для выпускного. Посмотри, и глаза у меня не карие, а тёмно-зелёные на самом деле – такой необычный, таинственный цвет! Все мне так говорят. Но вслух Аня пробормотала «тоже жду». Глеб почувствовал себя уверенней. И уже не мог остановиться. Он говорил и говорил – о вере, любви Господней, о том, какую крепкую ощущает защиту с тех пор, как в прошлом году почувствовал в мире присутствие Божие, и какая на Пасху в храме небесная радость...

Так ничем и не кончилось тогда дело.



Эдмунд УИЛСОН (1895 – 1972)

НА СЕВЕРЕ ШТАТА НЬЮ-ЙОРК (отрывок из книги)

К Набоковым меня отвёз на машине сын Отиса Джордж Манн. Пиджака он с собой не взял и спустился к ужину в своей любимой пёстрой рубашке навывпуск. Увидев его в этом «наряде», Володя заметил, что выглядит он, как тропическая рыба. Сказать Джорджу нечего, поэтому он помалкивает и говорит, только когда к нему обращаются. При этом человек он достойный, хорошо, в добром старом стиле держится. Я боялся, что литературные и учёные беседы Джорджу наскучат, однако слушал он нас с интересом и впоследствии рассказывал матери, что больше всего его увлёк наш с Володей горячий спор, который длится уже много лет. Споря до хрипоты о русском и английском стихосложении, мы с ним обменивались ударами, точно игроки в теннис – Володя, кстати, считается хорошим теннисистом. Идея, с которой Володя не расстаётся, будто русский и английский стих, по сути, ничем друг от друга не отличаются, почерпнута им, в чём я теперь окончательно убедился, у его отца, лидера кадетов в Думе и сторонника конституционной монархии по британской модели.

Володин отец полагал, что между Россией и Англией, странами такими разными, существует (должна существовать) тесная связь. В середине XVII века русские писали силлабические стихи, то есть в поэтической строке имелось определённое количество слогов. Но уже в середине XVIII столе-

тия в России получил распространение стих тонический, в основе которого был не слог, а ударение – ямб или хорей, или любой другой размер, который строится на чередовании ударных и безударных слогов. Но русский разговорный язык не приспособлен к системе ударений немецкой и английской поэзии, состоящей из периодов, перемежаемых основными и второстепенными ударениями. А потому всякая попытка привить русскому языку западную ритмическую систему приводит к тому, что, с одной стороны, строго соблюдаются регулярные ямбы, чего английская поэзия, зачастую переходящая с хорей на ямб и обратно, стремится избежать, а с другой, разнообразие достигается жонглированием основных ударений. В рамках этого стихосложения огромного эффекта добивается Пушкин, но когда вглядываешься в его строку, то видишь, что он почти никогда ударение в словах не переносит. Володя отвергает саму идею метрического разноречия, которая так много значит у Шекспира и Мильтона, и по этой причине утверждает, что «Never, never, never, never, never» в «Короле Лире» – это либо пятистопный ямб, либо прозаическая строка. Судя по всему, он усматривает упрёк Пушкину в утверждении, что, с точки зрения английской метрической системы, его стих менее гибок, чем шекспировский, и даже считает, что в гибкости стиха Пушкин преуспел больше Шекспира...

В понедельник Джордж вышел к ужину в хорошо сидящей рубашке бежевого цвета. С нами вместе за столом сидели Джейсон Эпстайн, приехавший договориться насчёт публикации «Лолиты», и немецкий профессор, преподаватель французского языка, который переезжал из Корнелла в Принстон. Надо надеяться, я не перепугал его до смерти рассказом, чего следует ожидать от провинциальных аристократических замашек Принстона. Володя выступал в роли весёлого, общительного хозяина, чего раньше за ним не водилось и что, по-моему, ему не вполне свойственно. Успех «Пнина» и шум, который надела «Лолита», к тому же запрещённая в Париже, явно пошли ему на пользу. Без галстука, волосы ébouriffé,

он попивал из маленьких стаканчиков «профессорские» (как их называет Фрохок из Гарварда) портвейн и шерри, был со всеми радушен и, судя по всему, пребывал в превосходном настроении.

Однако уже на следующий день, вернувшись с экзаменов, которые продолжались два часа и принимать которые Вера, конечно же, ему помогала, он выглядел усталым, подавленным и раздражённым. Володя рассказал мне, что филолог Роман Якобсон, только что побывавший в России, уговаривал его поехать туда с лекциями, но он ответил, что в Россию не вернётся никогда, что отращивание к тому, что там происходит, превратилось у него в наваждение.



Игорь КАРПУСЬ (р. 1945)

УРОКИ БЕЗ ПЕРЕМЕН (отрывок из книги)

Мобилизованный на мировую, дед служил в самокатном батальоне. В 1917 году он находился в Петрограде и был захвачен вихрем революции: участвовал в демонстрациях, слушал выступления Ленина и его соратников. В Крутинку дед вернулся большевиком и влился в местную большевистскую группу. Приход колчаковцев мужики встретили враждебно, они не собирались идти на фронт и проливать кровь в братоубийственной войне. Массовые порки и расстрелы, повальные обыски и грабежи ещё больше озлобили сибиряков. В доме деда хранились в тайнике ружья и револьверы, а сам он уговаривал односельчан саботировать распоряжения властей и уклоняться от мобилизации. Осенью 1919 года на постое у Кутузовых жил солдат из карательного отряда, присланного омскими властями. Тогда Колчак объявил мобилизацию 22 возрастов – от 18 до 43 лет, и в Тюкалинском уезде намечалось призвать до 20 тысяч человек, чтобы пополнить белые части и остановить наступление Красной армии.

Постоялец Ванька, прозванный Палачом за лютый нрав, был дюжий толстогубый мужик с юркими глазами, от его прелых портянок несло такой воню, что бабка на второй же день подарила ему кусок чистого полотна. Ванька быстро освоился в кутузовской избе. Он подбрасывал на руках годовалую Наташу и признавался бабуле, что шибко сучает по своим малышам. Без всякого смущения солдат хватал из чугунка картошку, отпивал из кринок молоко, а перед уходом на службу совал в карман ломоть хлеба. Бабуля только морщилась от такого нахальства, а дед хмурился и успокаивал: «Чёрт с ним, пускай жрёт напоследок. Недолго им осталось командовать».

К хозяину Ванька был настроен миролюбиво, но однажды спросил, почему он не торопится на призывной участок. Дед не стал хитрить: «Я своё при царе отслужил. А вот ты кому служишь?» Солдат заученно гаркнул: «Законному Верховному правителю России. И ты, Андреич, обязан исполнять его приказы». Дед не сдержался и принял вызов: «Ну,

какой он Верховный... Самозванец. Смотри, Ванька, не прогадай, одумайся, пока не поздно, с кем тебе воевать». Солдат ничего не сказал, затянул ремень потуже и вышел из избы. А ночью Петра Андреевича арестовали по доносу и посадили в каталажку – крутинскую тюрьму. Не избегать бы ему пули на сельском кладбище, да товарищи подпоили охрану и выпустили заключённых на свободу. Объявленная на сентябрь мобилизация мужского населения в Тюкалинском уезде была сорвана: тысячи призывников скрылись и ушли в леса партизанить.

Дед свято верил в Ленина и Советскую власть – «самую правильную для трудового народа». В горнице висел на видном месте большой портрет Ильича в добротной самодельной раме, а под ним – альбом вождей Октябрьской революции. Дед часто листал альбом и объяснял детям: «Это Лев Давидович Троцкий, а это – Анатолий Васильевич Луначарский...» Нередко он устраивал экзамен, и дочь, как правило, безошибочно называла имена на портретах. Прямой и бесстрашный, Пётр Андреевич болезненно воспринимал любые злоупотребления, чванство, произвол местных коммунистов и открыто их критиковал, а на партийных собраниях при исполнении «Интернационала» вызывающе пел: «Кто был ничем, тот стал никем».

Дед был художественно одарённая и деятельная натура. В первые послевоенные годы он организовал драматический кружок и объединил голосистых сельчан в народный хор. Однажды Пётр Андреевич привёл в хор 17-летнего Костю Борисова, любимого племянника, и наказал ему: «Слушай старших и подстраивайся». По примеру деда и другие родители стали водить в хор своих детей. Клуба ещё не было, и спевки, репетиции проходили в каменном особняке бывшего магазина купцов Вольф. Пели старинные и революционные песни, играли пьесы Островского и водевили Чехова. Как-то раз в горницу набилось столько народу, что затрещали и просели половицы. То-то было смеху, когда взрослые и дети бросились врассыпную...

Сергей ШАРГУНОВ (р. 1980)

СВОИ (отрывок из книги)

Дико устроена память. Что-то кажется мелким и неважным, а ты всё равно возвращаешься к этому драгоценно мерцающему сору.

В моём владении много людей – живых и мёртвых, много драматичных сцен и никчёмных сценок. Чья-то фраза, не обязательно ошеломительная, какая-то ситуация, не обязательно знаменательная... Где же это было? В том давно не существующем кафе у Чистых прудов (и память высвечивает выпивох за соседним столиком), в вагоне метро на перегоне от «Спортивной» к «Университету» (вижу пассажира напротив – на кого же он похож? на моего деда, которого я не знал?). Всё отчетливо, как в кино. Память может истолочь в прах вчерашний день, но вдруг всплывает дальняя даль – и уже от тебя не отстаёт. Помнить всё – звуки, запахи, цвет, общий план, топографию случая! Какое это мучительное и радостное сумасшествие!

Зачем-то записалось в голове: девочка Юля, май, лёгкий хмель, выходим из подъезда дома на Фрунзенской набережной, сорванная мною сирень, впереди женщина с красной коляской, обгоняем, идём в парк Манделштама за Комсомольским проспектом, где встречаем нашего одноклассника, он выгуливает пса. Юля на поскрипывающих качелях. Вспоминаем вчерашний с ней разговор на перемене, её «йес, сэр», и она, смеясь, говорит, что это из фильма, там британский солдат так отвечал, прежде чем палить из пушки; смеркается, бежим через проспект обратно, ползёт троллейбус; обнявшись, движемся в сторону магазина «Русский лён», тёмный дворик, её губы, она говорит, что боится вон того пьяного...

Я понимаю, если бы остался сухой отчёт: гулял и целовался. Но зачем железный скрип, шорох шага, огни, которые обострила темень, встречные-поперечные, неразличимый пьяный шатко переходит двор, хватаясь за деревья, шум машин, летающий до поцелуя?.. Зачем помнить ерунду?

Память расфасовывает события по ящичкам, и на коробке шестнадцатилетнего мая намалёвано: романтика-взросление. Память – наставница. Она насыщает тебя приметам реальности, и, поскольку

много повторяется, ты действуешь на автомате, а это и есть зрелость. Ты уже знаешь, как всё должно быть, точно дичь, видевшая охотничье дуло. Память примиряет с уходом и одновременно отсылает в бесследно пропавшее прошлое, игриво суля бесмертие.

Она обещает: ангел вострубит, и мёртвые вскочат, соединяясь, обрастая плотью. А бывшие исчезнувшие дни вдруг встанут одним цветущим великаном, кадр за кадром, жилка к жилке.

...Я был в храме с синими маковками у священника Александра Меня за неделю до его убийства, мне было десять. Перед исповедью, прохаживаясь, он говорил: «Жизнь – это мост. На улицах нас ждут убийцы», – сделав паузу, он погладил меня в толпе и сказал: «Машины». Исповедь, склонённая голова с тёмными волнами волос, он приглашал ходить к нему чаще, но почему-то не благословил, не осенил пальцами, хотя я и просил (возможно, реформистски считал это лишним).

Или генерал Лев Рохлин в буфете глотает водку из стакана и щурится, заметив, что с обратной стороны донца прилипла раздавленная городская оса.

Или журналист Юрий Щекочихин звонит и приглашает в Рязань, где его, как считается, и отравят, я говорю, прижимая плечом к уху переносную трубку, что не получится, по комнате плывёт пыль, и чёрная кошка ослепительно зевает, как будто разломил сахарный арбузик.

Или певец Игорь Тальков, чьи щёки щетинисты, а рот приоткрыт в безмолвном пении, лежит в гробу, и кто-то из тёмной очереди вдруг начинает тихо насвистывать в такт этой мёртвой песне.

Помню первое перестроечное шествие по Крымскому мосту, где смешались все флаги и эмблемы, и румяный анархист в кожаных сапогах азартно агитирует, словно торгуется на рынке.

Или вечер 1990-го: сырой палаточный городок напротив Кремля, и копошится на коленях среди картонок женщина с родинкой в пол-лица. Память, говори, ори, пиши, распевай! Расклёвывай мозг! От женщины нежно, но крепко пахло ванилью.

Есть, есть магия в этой химии памяти.



Лариса РЕЙСНЕР (1895 – 1926)

КАЗАНЬ (отрывок из очерка)

– Ваша фамилия? Возраст? Общественное положение? – На мои ответы Иванов улыбается широко, почти добродушной улыбкой.

– А Раскольникова вы знаете? – На моём лице отражается невинная и беззаботная весёлость прокурора.

– Рас-коль-никова? Нет, а кто это?

– Один крупный прохвост.

– Господин поручик, нельзя же знать всех прохвостов, их так много. – Француз смотрит на нас, как на водевиль.

– Всех не всех, а одного вам всё-таки придётся вспомнить.

Я молчу.

И вдруг этот человек, только что выдержавший такие художественные паузы, жеманившийся, как сытый кот с ненужной ему мышью, подмигивавший офицеру-иностранцу на бельё, снятое с меня во время предварительного обыска и аккуратно сложенное перед чернильницей Иванова, – вдруг этот изящный, небрежный, остроумный прокурор треснул кулаком по столу и заорал по-русски, вскочив с

места от истерического бешенства: «Я тебе покажу, так твою мать, ты у меня запоёшь, мерзавка». И грубо офицеру-иностранцу, имевшему бестактность засидеться на отеческом допросе: «Идите вниз, когда можно будет, позову». Француз прошёл мимо лёгкими шагами, полоснув меня и своего коллегу и союзников презрительными, равнодушными, почти злорадными глазами.

И опять Иванов заговорил спокойно, со всей прежней мягкой, двусмысленной, неверной улыбкой: «Одну минуту, нам не обойтись без следователя».

В комнате было три двери. Направо та, через которую вышел Иванов; посредине – зимняя, заколоченная войлоком, запертая. И третья, крайняя слева, – в приёмную. Возле неё – часовой.

Бывают в жизни минуты сказочного, безумного, божественного счастья. Вот в это серое утро, которое я видела через окно, переkreшенное безнадёжным крестом решётки, случилось со мною чудо. Как только Иванов вышел, часовой, очевидно доведённый до полного одурения нервной игрой поручика, его захватывающими дух переходами от вкрадчивой и насмешливой учтивости к животному крику в упор, – часовой наполовину высунул за дверь «прикурить». В комнате остались только растопыренные фалды его шинели и тяжёлая деревянная нога винтовки. Сколько секунд он прикуривал? Я успела подбежать к заколоченной средней двери, дернуть её несколько раз – из последних сил – она

открылась, пропустила меня, бесшумно опять захлопнулась. Я оказалась на лестнице, успела снять бинт, которым было завязано лицо, и выбежать на улицу. У окна общей канцелярии, спиной ко мне, стоял пристав и в ожидании давил мух на стекле.

Мимо штаба неспешной рысцой проезжал извозчик. Он обернулся, когда я вскочила в пролётку.

– Вам куда?

Не могу ему ничего ответить. Хочу и никак не могу. Он посмотрел на мой полупрозрачный костюм, на лицо, на штаб, стал на облучке во весь рост и бешено хлестнул лошадь. С грохотом неслись мы по ужасной казанской мостовой, всё задворками и переулками, пока сивка-бурка, вспотев до пены и задрав кверху редкий хвост, не влетела в ворота извозного двора. У моего извозчика сын служил в красной армии, а кроме того, он был мужем чудесной Авдотьи Марковны – белой, красной, в три обхвата, тёплой, как печь, доброй, как красное солнце деревенских платков и сказок. Она меня обняла, я редела как поросёнок на её необъятной материнской груди, она тоже плакала и приговаривала особые нежные слова, тёплые, утешные, как булочки только что с жару. Потом прикрыла мне голые плечи платком, и тут же на крыльце, выслушав всю историю с самого начала, таким матом прикрыла яснейшего поручика Иванова, что пышные петухи, крепкой лапой разрывавшие тёплые от солнца навозные кучи, загорланили от восторга.

– Идём, мать, чаёк покушаем.



Брюс ЧАТВИН (1940 – 1989)

ВОЛГА (отрывок из статьи)

Перед Ульяновском приволжские утёсы были усеяны дачными домиками, окружёнными яблоневыми садами, где висели зелёные, терпкие на вид плоды; домики были выкрашены в разные цвета, яркие, простонародные. Ульяновск – родина Ленина; до того, как его переименовали в 1924 году, это был сонный уездный город Симбирск. В народе его называли «городом на семи ветрах». Автобус, отойдя от набережной и покружив вверх по холму, выехал на широкую улицу, обрамлённую тополями и деревянными домиками. Это была улица Московская, где некогда жил инспектор народных училищ Илья Николаевич Ульянов со своей суровой красавицей женой Марией Александровной Бланк. Она была набожная лютеранка из поволжских немцев; в её аккуратном доме – гнутые деревянные стулья, крашенные полы, чехлы на креслах, занавески с воланами, ромашки на обоях, карта России на стене в столовой – чувствовалась будущая пуританская, если не сказать педагогическая, атмосфера личных апартаментов Ленина в Кремле.

Как писал Эдмунд Уилсон, приехавший сюда в 1935-м, чтобы собирать материал для своей книги «На Финляндский вокзал», путешественнику легко могло показаться, будто он и не покидал Конкорд или Бостон. В нескольких домах от ленинского я видел наглухо запертую лютеранскую церковь. На мой взгляд, это место скорее напоминало Огайо.

На фотографиях инспектор народных училищ

смотрелся приятным человеком с открытым лицом, лысой макушкой, бакенбардами и высокими скулами, как у его предков – астраханских татар. Александр же, напротив, пошёл в мать: капризный с виду мальчик с копной тёмных волос, раздувающимися ноздрями и скошенным подбородком. А в нижней губе юного Владимира чувствовалось стремление перевернуть землю...

Расхаживая по тесным спальням, экскурсовод показывала нам детские бумажные кораблики, обруч, швейную машинку няни и рисунок, сделанный сестрой Ленина: голландские ветряные мельницы – возможно, увиденные в поволжском поселении голландцев ниже по реке. На всех кроватях были аккуратные, белые, без единого пятнышка, взбитые подушки. В комнате Александра мы увидели его химические пробирки и золотую медаль, которую он заложил в Петербурге, чтобы купить азотной кислоты для бомбы. В то время он изучал морских равноногих на естественном факультете.

В семействе Ульяновых любили литературу, и экскурсовод, указав на книжные шкафы, где стояли собрания сочинений Гёте и Гейне, Золя и Виктора Гюго, сообщила, что Мария Александровна знала девять языков – «включая немецкий», добавила она, улыбнувшись немцам.

– Она же была немка, – сказал я.

Экскурсовод застыла и сказала по-английски: «НЕТ!»

– А там, дальше по улице, как раз её лютеранская церковь, – продолжил я.

Экскурсовод покачала головой и пробормотала: «Нет!» – а немецкие дамы обернулись ко мне и нахмурились. С точки зрения обеих сторон, я, очевидно, нёс ересь...

После обеда я погулял по Венцу – старому дворянскому кварталу Симбирска, лишившемуся своих особняков и церквей, на смену которым пришли бесконечные километры асфальта, учреждения местных советов и сквер с памятником Карлу Марксу. Дойдя до места, где асфальт кончался, я прошёл по шаткому бревенчатому мостику и зашагал вниз по холму, через парк Дружбы народов – запущенную местность, где стоят разваливающиеся дачные домики и неухоженные сады. Тропинка заросла репейником, листья колючих кустов были красными. В воздухе стоял запах картофельной ботвы, которую жгли на костре. Река внизу растворялась в дымке. Отыскав дыру в заборе из металлолома, я заглянул

внутрь и увидел старика, возившегося с капустными грядками в последних лучах летнего солнца.

Дойдя до реки, я взошёл на борт одного из дебаркадеров: это была своего рода плавучая гостиница, выкрашенная в зеленоватый, льдистый цвет, словно Зимний дворец; в царские времена здесь, в каютах наверху, путешественники могли поесть, отдохнуть или завести мимолётный роман в ожидании парохода. На скамейке у заколоченного киоска жевал булку человек без пальцев. Он подозрительно оглядел меня, успев услышать, что в округе немцы. Когда я сказал, что я англичанин, металлические зубы вспыхнули, и он принялся объяснять, сколько немцев застрелил в войну: «Бум! Да! ...Бум! Да! ...Бум! Да!» – разрезая воздух своими беспальными кулаками и возбуждаясь до такой степени, что я испугался, как бы он не забыл, что я не немец, и не сбросил меня в покрытую нефтяной плёнкой воду. Я попрощался; он втиснул кулак в мою протянутую руку.



Илья МЕЧНИКОВ (1845 – 1916)

ЭТЮДЫ О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА *(отрывок из книги)*

Итак, невозможно более сомневаться в том, что человек является животным, относящимся к группе приматов и тесно связанным с высшими обезьянами нашего времени. Результат этот имеет большое значение для всех соображений относительно человеческой природы.

Было бы, конечно, в высшей степени интересно с большею точностью проследить путь происхождения человека от обезьяны. Сведения наши на этот счёт ещё очень неполны. В своих исследованиях о человекообразных обезьянах Зеленка настаивает на теснейшем родстве между шимпанзе и человеком: «Большое сходство ложнокоренных и коренных зубов у шимпанзе и человека, по-видимому, указывает на их общее происхождение от угасших видов, сходных с дриопитекусами. Однако против такого вывода говорит то обстоятельство, что молочные зубы шимпанзе гораздо более приближаются к зубам орангутанга, чем к человеческим».

Очевидно, что для выяснения этого вопроса следовало бы иметь более точные сведения относительно ископаемых человекообразных обезьян, каковы дриопитекусы и их родичи. При настоящем же положении науки можно только высказывать гипотезы общего характера относительно происхождения человека.

Мы уже указывали на то, что зародыши человека и обезьяны гораздо более сходны между собой, чем их взрослые формы. Точно так же обезьяна и человек более близки между собой в детском возрасте, чем в зрелом. Сильное развитие черепа сравнительно с лицом характерно как для молодых обезьян, так и для человека в обоих возрастах. У человекообразных обезьян челюсти продолжают сильно развиваться, в то время как у человека в этом отношении происходит некоторая остановка развития. Столь незначительные волосяные покровы человека представляют такую же остановку развития.

Обыкновенно они остаются не вполне развиты-

ми в течение всей жизни. Особенно на спинной поверхности человека замечается отсутствие или слабое развитие волос. Из того, что у обезьяны спинная поверхность, наоборот, гораздо сильнее покрыта шерстью, чем брюшная, хотели вывести, что между человеком и обезьяной существует основное различие. Но эмбриология даёт нам возможность выяснить это кажущееся противоречие. У зародыша гориллы, изученного Деникером, спина была почти совершенно голая. «У зародыша были настоящие волосы только на голове, на лбу, вокруг губ и половых органов, не считая ресниц и бровей. Остальное тело было голое или покрыто маленькими волосами, не длиннее одного миллиметра». Кожа живота, голая вокруг пупка, на остальной поверхности была покрыта маленькими волосами, но более развитыми, чем на спине. Обилие волос на этой части тела у обезьян, следовательно, является более поздним приобретением в зародышевой жизни.

Относительно распределения волос человек ещё более походит на обезьяний зародыш, чем на взрослую обезьяну. Факт этот не только не колеблет теории родства между человеком и человекообразными обезьянами, но, наоборот, даёт нам драгоценное указание относительно происхождения человека. Из суммы всех известных данных мы имеем право вывести, что человек представляет остановку развития человекообразной обезьяны более ранней эпохи. Он является чем-то вроде обезьяньего «урода», не с эстетической, а с чисто зоологической точки зрения. Человек может быть рассматриваем как необыкновенное дитя человекообразных обезьян, – дитя, родившееся с гораздо более развитым мозгом и умом, чем у его родителей. Гипотеза эта вполне вяжется со всеми известными нам фактами. Приходится допустить, что некоторые виды организмов не подчиняются медленному развитию, а появляются внезапно, и что в этом случае природа делает значительный скачок.

Наталья ИВАНОВА (р. 1945)

РУССКИЙ КРЕСТ (отрывок из книги)

Отношения литературы с политикой двусмысленны.

Много ли было актуальности – или хотя бы политических акцентов – в книгах, которые вызвали государственный гнев на их создателей? Есть ли злоба дня в стихах Ахматовой? *Политика* – в рассказах и повестях Зощенко? Их там нет и вовсе. Тем не менее – оба получили унижений и запретов по полной (хорошо, не высшей) мере. Много ли *политики* в стихах Мандельштама? Вызов в антисталинской эпиграмме прозвучал, это правда. Но стихи Мандельштама в высшей степени далеки от того, что определяется как актуальность.

Какое, милые, сегодня тысячелетье на дворе? Третье, милый Борис Леонидович, уже третье. Так далеко мы не гадали. «Политика» – не в стихах и даже не в романе «Доктор Живаго», а в ситуации вокруг. «Политика» – не в «Театральном романе», не в «Мастере и Маргарите». И тем не менее – политическое вмешательство (причём наивысшее) потребовалось для решения вопроса – нет, не о публикации, об этом даже речь не могла зайти, – о том, что Пастернак обозначил главным в знаменитом телефонном разговоре, состоявшемся по инициативе, как нынче говорят, вождя: вопроса *о жизни и смерти*.

Рекомендованный к употреблению соцреализм выписывал рецепт не только в виде производственного романа. Политический роман был особым жанром для «больших» секретарей «большого» Союза писателей: монструозные конструкции Александра Чаковского здесь служили не примером даже, а эталоном. Секретари были политически *обязанными* – писать, говорить, выступать о политике: как сверху сказано, велено, продиктовано. Лишь особые писатели были допущены к политической проблематике. Они были встроены как агенты влияния в советскую политику – не только внутреннюю, но и внешнюю. Константин Симонов был отправлен с деликатными политическими поручениями в послевоенную Францию, Японию; оттуда его спешно

по приказу Сталина перебросили в Америку. Но были и добровольцы, *волонтёры*, остроумно (и политически верно) решившие: если по своей воле, и даже не зажмурившись, а выражая восторг, написать *правильный* советский политический роман, то тебя заметят, и путь наверх обеспечен. Пример – Александр Проханов, имперский, как ему нравится о себе думать, продукт советской политической конъюнктуры, дождавшийся её реанимации в наши дни, вроде бы в новых условиях.

Скажут: а как же Солженицын? Его пример, его сочинения?

Смерть Александра Солженицына актуализировала в общественном сознании его роль. И начал, и действовал, и завершил свой путь Солженицын как политическая, а не только литературная, фигура – от первых замыслов («Люби революцию!») до последних книг («Двести лет вместе»).

Вот уж был поистине политический писатель – причём в разных средах политический темперамент ему не изменял: СССР, США, Россия. Голосом, порою дрожащим от гнева, он наставлял народы, ставил обществам диагноз, а государства и правителей предупреждал прогнозами. Вот она – живая политика, актуальность, злоба дня, концентрированная в политическом напоре и ярости.

Кто из писателей сегодня может претендовать если не на политическую дискуссию, то хотя бы на горячий отклик общества? Эстрадники вроде Задорнова? Переквалифицировавшийся в философы М. Веллер? Попробуем зайти с другой стороны: а что, сегодня мало событий и ситуаций, вызывающих к слову писателя? Вопрос риторический.

Обыкновенное писательское сознание так же управляемо, так же зомбируется и программируется, как и обыкновенное читательское. Не будем себя обманывать: люди «поперечные» и среди писателей единичны. Тем более что сегодня писателем важно объявляет себя любой, выпустивший книгу. Такое самозванное время.



Тимофей МАСЛЕНИЦКИЙ (1745 – 1801)

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

СИМБИРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА (отрывок из сочинения)

Город Симбирск построен в 1648 году при царе Алексее Михайловиче боярином и оружейником Богданом Матвеевичем Хитровым с товарищи для прикрытия границ российских от набегов татарских и заселён был сначала низовых городов служилыми людьми. От него звание получила Симбирская черта или земляной вал и над оным острожный тын...

Сей город в 1670 году при стольнике воеводе Михайле Плещееве осаждён был злодеем Стенькой Разиным, а острог взят. А к самому городу хоть и многие приступы чинил и вал к нему валил, но хра-

брою обороною сидевшего тогда в осаде окольного и воеводы Ивана Богдановича Милославского с головами, стрельцами и дворянами, ничего сделать не мог. А между тем подоспевшим к Симбирску воеводою и окольным князем Юрием Никитичем Борятинским с войсками злодей оный разбит под Симбирском и израненный ушёл с немногими людьми вниз по Волге. А потом в 1671 году, партия Разина казак Федька Шелудяк с товарищи, пришёл из Астрахани, паки осадил Симбирск весною, которой перед тем выгорел. Но боярин и воевода Пётр

Васильевич Шереметьев с войском, окопавшись, выдерживали, невзирая на жестокие приступы разбойников, осаду. А потом, учиня на воров вылазку, разбили их совершенно и разогнали...

Торговля и промыслы купечества и мещан сего города состоят: в продаже шёлковых, парчовых, полuşёлковых, суконных, бумажных и прочих мелочных товаров, разных напитков, сахару, чаю и фруктов по цене на 1811 рублей. Покупая всё оное в Москве и на Макарьевской ярмарке, товары те по большей части продают в городе, из коих несколько отвозят и на Карсунскую ярмарку. Цеховые упражняются в мастерствах: живописном, серебряном, оловянном, медном, столярном, кузнечном, сапожном и портном. Главный же торг купцов состоит в покупке разного хлеба у сельских жителей на торгу. И отправляют со здешней пристани в судах до Астрахани, вверх до Нижнего и Рыбной. Некоторые ж, и не отправляя, продают в городе приезжающим купцам, а потом, накупив вновь вторично, отпускают сами в судах до Астрахани.

Ярмарка в городе Симбирске бывает июля в первых числах и продолжается до 3-х суток. На оную из разных мест Симбирского наместничества съезжается народа до 5000 человек. Товары по большей части привозят принадлежащие до земледельцев: колёса, бочки, кадки, дрань, лубья и небольшое количество лошадей. Фабрик здесь в городе нет, кроме небольшого колокольного завода симбирского купца Гаврилы Шамина. На оном производит рабо-

ту он сам с дворовыми своими работниками. Медь получает из Казани, а сделанные колокола отвозит на Карсунскую и прочие ярмарки.

Нужные для пропитания к жития вещи покупают в городе с базаров. А особливо в летнее время, довольно количество продаётся рыбы и весьма дешёво, а именно осетрины, белужины, стерлядей и другой разных родов. Во время зимнее по большей части привозят оную из города Уральска.

Живность всякую и рогатый скот доставляют на торг из городов разных жительство Симбирского наместничества, а частью с Оренбургской линии здешними жителями пригоняемы бывают бараны. Разную ценную и глиняную посуду, лимоны, апельсины и прочие плоды, которые в рассуждении здешнего климата родиться не могут, привозят на судах. Лес на строение пригоняется плотами по реке Вятке, Ветлуге и Волге, а дрова с веру Волги из разных селений, доставляемые плотами ж, покупают на пристани. В огородах же своих сажают и сеют: капусту, дыни, огурцы, свёклу, салат, петрушку, пустарнак, хрен и картофель, в садах немалое количество разных родов яблонь, дуль, слив, груш, вишен, малины, смородины, клубники, крыжовнику, барбарису, розанов, лилей, пионов и других разных плодов, из которых за удовольствием жителей городских отвозят на низ и вверх реки Волги по городам, получая немалую сумму денег, но в прошлом 1782 году жестокая зима большую часть плодоносных деревьев повредила.

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

